Барон Ульрих. Дела домашние

Попаданец - 3

Сергей Витальевич Мельник

SHOUT
SHARE
IT

- Сергей Мельник

Сергей Мельник
Барон Ульрих. Дела домашние

Первый мороз, придавил неделю назад, заставляя людей кутаться в полушубки и срочно утеплять свой гардероб. Кончилось тепло лета, кончилась мокрая разноцветная осень, но еще нет режущей глаз зимней бели, пока пришел лишь мороз. Тихий, вроде бы не кудышний, без ветра и влажности, совершенно не страшный, но меж тем, предвестник и властный господин воевода Мороз, в полном своем облачении из скованной могучим градусом земли, и колющей резью на щеках.

Все застыло, все остановилось и замерло в ожидании полной капитуляции, перед подходом тяжелых снегов и лютых ветров. Пока ждем, пока тишина. Еще хорошо.

Вообще в это время года, хорошо не только в окошко смотреть, попивая терпкую горечь чая и кутаясь в плед, дирижировать чайной ложечкой под времена года господина нашего товарища Вивальди. Не только. Хотя и это занятие весьма поднимает жизненный тонус, особенно с малиновым вареньем. Но, плед, варенье и чай были утром, а сейчас холодный воздух, красные щеки и пар изо рта, клубами причудливо изгибается, растворяясь без следа в серости дневного предзимнего светила.

Топаю себе потихонечку не спеша, выбросив из головы все заботы и неурядицы, глупость чувств и жар страстей. К чертовой матери все это пусть идет, да горит оно все, синим пламенем. Что так? Да вот так как-то, вот так…

Нервишки, сдают в последнее время. Дерганный весь какой-то стал, сам себя не узнаю. Вот живи да радуйся, молод, богат, весь мир перед тобой, весь как на ладони, вот оглянись, вот оно все, возьми и радуйся. Эх…

Что ж делать, раз поступила команда радоваться, значит, будем исполнять. Сегодня сам на сам ушел из замка, что бы насладится тишиной и покоем. Увяз я в последнее время в делах, совсем закопался, то с вампирами по лесам лазаю, то к оборотням в гости хожу, то войной на кого нападу, а то вообще как женюсь, так мало никому не покажется.

А что поделаешь, барон я. Ульрих фон Рингмар, моя милость и мое высочество. Сам начальник и сам дурак, если что винить больше некого, ну да я и не привык по долгу ковыряться в неприятностях, нечего куксится, когда знаешь что делать. Вот вы знаете? Я да, всегда иду на рыбалку, если нужно привести себя в порядок и основательно подумать, решив, одну за другой

головоломки, судоку, ребусы и сканворды, которые поставляет нам эта жизнь.

Замерло практически все, торговля по итогу года, сборка урожая, строительство. Все приостановилось, лишь частично продолжали дорабатывать привезенный по теплу материал, заводики и фабрики, ну да думаю, и они с приходом метелей встанут, разогнав всех по домам да по печкам. Хороший был год, жаль я его практически полностью пропустил, участвуя в местном военном конфликте, который собственно сам и инициировал, практически от и до, в ходе чего, конец лета, по мимо золота колосьев, добавил мне россыпь золотую трофеев, а так же радости полные штаны, от приобретенной так неожиданно жены.

Девочка вообще-то ладная и дельная, правда строптивая и своевольная до безобразия. Ну да не мне на что-то другое рассчитывать. Уже на следующий день после свадьбы съехала в отдельные апартаменты, приблизив к себе лишь леди Нимноу, свою старую управляющую делами земель Когдейра.

Ну а мне головной боли добавилось с ее приданным, а именно со вторым баронством, со всеми его людьми, землями, городами, деревушками, коровами и козами. Да, теперь я формально должен именоваться как Ульрих фон Рингмар — Когдейр, так как вместе с невестой под мое крылышко отошли все ее владения. С одной стороны вроде бы хорошо, а с другой, так лучше б я по началу лета в лесу заблудился, только сейчас вернувшись, домой. Благодаря королю, мне теперь следить за двумя баронствами, до тех пор, пока моя жена не родит второго ребенка, который и станет новым главой дома Когдейров.

Пройдя убранную пахоту, замерзшего поля, вышел прямиком через подлесок, к реке, с замиранием в сердце, обозревая скованную ничем не замутненной чистой линзой льда водную гладь. Первый лед он всегда такой, всегда идеально ровной просто с ювелирной точностью ложится на воду. Кристально чистый, с подхода, даже не определимый, словно и нет его, словно не лед это, а стеклом речку накрыли. Это потом уже разность температур, подводные течения, тупо человеческий фактор и снежные заносы, изуродуют его белесыми затягивающимися шрамами, ну а пока, все идеально, все так словно нет никого в округе, не было и не будет, словно застыло время, на лету схватив поток воды, властной рукой. Вот так встанешь на берегу, закроешь глаза и слышишь как зима, заставляет звенеть морозный чистый и такой сладкий, такой девственно вкусный воздух. Хух, хорошо! Не спешу, неделя неделей, а такой лед опасен свой красотой и обманчивостью. Схожу с берега, становясь на краю этой глади скидывая с плеч не

хитрый свой скарб и инвентарь. Тут спешить не нужно, можно очень сильно поплатиться. В берег забиваю колышек, на него «удавочкой» петельку, бухточку плетеной веревки сложить аккуратненько, что бы не путалась, а вторым концом вокруг пояса обматываюсь. Дальше проще, моя «пешня», с пикой под долото, в деревянной ручке имеет размах два с копеечкой метра. Используя его, словно канатоходец свой шест, небольшими шажками выхожу к середине реки, примерно представляя, где здесь стремнина и небольшая ямка по дну.

Пискнул «зуммером» Мак, выдавая в обнаружении знакомую фигуру Тины, моей бывшей телохранительницы вампирессы, а теперь даже не знаю кого. Странная она. Впрочем, как и все женщины. Напугала меня до седых волос, прильнув ночью к окну практически в полной боевой трансформации, да не просто ночью, а первой моей брачной ночью. Благо я скучал в тот момент, а если бы суть да дело? Вот что надо было? Чего хотела? Что это за выкрутасы на уровне школьных записочек?

Думаете, она ответила? Да я с тех пор ее только вот так на зуммере со «следилки» Мака и наблюдаю. Хочу подойти, она уходит, хочу добежать, она убегает, я даже на коне за ней гонялся, не догнал. Правильно мне еще мой отец когда-то тысячу лет назад сказал: «сынок, никогда не бегай за уходящей женщиной и за уезжающим трамваем, не то не другое не догонишь, а вот если подождешь, обязательно и трамвай и следующая женщина подойдет». Ну, трамвай еще не разу меня не обманул, а вот с женщинами, дело темное, толи им присказку не донесли, толи меня в списках потеряли, в общем, жду, жду, все что-то никак и мимо кассы.

Я даже к их вампирскому «папеньке» ходил, говорю: «Так мол и так подчиненная твоя чудит, скажи пусть на связь выйдет», а он мне, говорит: «Не хочет она разговаривать», я ему: «Что значит, не хочет? Ты страшный и ужасный „папа“», а он мне: «Твои бабы ты и разбирайся, и вообще уйди не мешай, я тут выздороветь пытаюсь, после того как благодаря тебе мне руки ноги по отрубали».

Ну, где-то он может быть и прав, ну насчет рук и ног точно, а по поводу остального сомнительно. Я вампирам серенады не пел и букеты роз не носил, и скажу больше, петь я теперь категорически отказываюсь, уж очень это чревато последствиями.

Лед опасно заскрипел под ногами, выдав резкий росчерк ветвистых паутин трещинок. Упс. Боязно что-то, остановившись, я решил постоять, что бы сердце успокоилось. Адреналин просто зашкаливал в крови.

Помню как-то в детстве, на зимних каникулах был в деревне,

где с каким-то братом по какой-то линии, решили выйти на лед, правда, уже по весне. Хорошо тогда было, солнышко уже припекало, мы забурились удачно, сидим, размахивая руками при вываживании рыбы, как аисты крыльями и вдруг так же. Звук такой глубинный протяжный, «ту-у-у-у-мс-с», трещинки побежали по льду, и словно земля под ногами зашевелилась. Это где то выше с дамбы сброс воды сделали, от чего лед подорвало, испугались, конечно здорово, даже рундуки не стали собирать, от жадности только крупную рыбу за пазуху посовали и бежать, а за нами змеи трещины прямо на глазах лед колется, выпуская наружу водную стихию. Где-то по воспоминаниям метров под триста неслись как угорелые, добегаем уже до кромки, а льда нет. Все, сорвало нас, несет течением, где-то метров пять может семь до берега чистой воды. Мы как были, так и стали рты раскрыв, вот так не повезло, так не повезло. И вдруг прямо как черт из табакерки, дед какой-то древний к нам по льду на велосипеде подъезжает. Как? От куда? Кто он вообще такой? Мы понятия не имели, видимо где-то выше нас сидел, рыбачил. «Ну чаво, сынки, спужались?» Ну, мы естественно как китайские болванчики дружно головами закивали. «Не трусь, сынки!» Он со своим велосипедом выглядел как бравый офицер на танке. «Счас научит вас дед как надо!». Мы с отвалившимися челюстями стояли и смотрели, как дед отъехал метров десять, а потом лихо, крутя педали и набирая обороты, с диким криком устремился, выпучив глаза к берегу. Секунда, другая, а потом такой мощнейший «Бултых!» Дед ушел под воду. Вот, не поверите, сколько лет прошло, а я до сих пор вспоминаю и у меня слов нет. Я тупо не знаю, зачем он это учудил. Ну вот, не знаю и все. Стоим с братаном и смотрим, как круги на воде расходятся, а вокруг тишина. Говорить просто нечего было. Я на него смотрю он на меня, а потом оба на воду, потом наоборот, он на меня я на него и опять оба на воду. Тишина и тут у берега всплывает это чудо. «Ох ты ж мать пере мать! Ну, ты ж ек магарек! Парни, вы тут?» Ну, естественно мы лишь кивнули, на большее тупо не решаясь. «Вы мне ласопед достать не поможете? А то что-то утоп, поганец, не сдюжил я при заходе, из рук ушел». Льды идут, день клонится, а мы подняться не можем, гогочем как кони, не в силах разогнутся, ну и случай, ну и смеху было. Правда, все же потом пришлось так же прыгать, а потом под десять километров до деревни перебежками скакать, что б не замерзнуть, уж очень нас далеко унесло из-за этого каскадера.

От воспоминаний, сердце успокоилось, а по лицу расползлась улыбка. Вот так то лучше! Не трусь сынки! Еще немного постояв, решил «дурканути» и на свой страх и риск еще пройти немного

вперед, а вдруг это просто точка такая слабая, а дальше ледок покрепче будет?

— Ты что творишь?! — Из камыша выскочила всклокоченная вампиресса, да им сейчас раздолье, тучи полностью закрывают небосвод. — Жить надоело? А ну быстро поворачивай к берегу!

— Уйди старуха, я в печали! — Ну а что я ей еще скажу? То убегает, то в мамочку начинает играть.

— Ульрих, не дури! — Она подошла к кромке, пробуя ногой на прочность лед, да уж ей тоже стоит опасаться, вопреки всем досужим вымыслам, вампиры вполне себе живые тварюшки.

— Убегать, прятаться и отказываться, со мной разговаривать будешь? — Смекнул я, что это неплохой вариант для шантажа.

— Ну-ка прекрати несносный мальчишка! — Она притопнула ножкой. — Быстро иди назад!

— Это я тут главный! — Гадливо хихикая сделал еще пару шажков вглубь. — Покорись мне женщина!

— Я тебе сердце зубами вырву, если ты сейчас же назад не повернешь! — Ух, злюка какая, не то что бы я боялся, но не ссорится же по мелочам с другом, особенно если друг…эм… вампир.

Что-либо сказать, в ответ я не успел, так как лед под ногами ушел, а следом за ним и я по пояс в открывшийся водный зев. Ух! Вот тут то и сработала пешня, не давая мне с головой уйти под воду, стопоря меня на уровни груди. Шок от мгновенно нахлынувшей ледяной воды, на мгновение даже сковал дыхание.

— Стой! — С трудом выкрикнул я, видя, что Тина с места рванула в мою сторону. — Оба уйдем под воду, стой там! За веревку тащи!

Она сориентировалась не сразу, но похоже суть уловила, так как остановилась, на пол пути осматриваясь и хватаясь руками за тянущийся за мной канат, но увы зашла слишком далеко, лед под ней так же вскрыл провал, вздыбив льды. Ей повезло, при падении она машинально расставила руки, не давая тем самым, телу окунутся с головой.

— Не бейся, хуже будет! Я сейчас! — Не гнущимися пальцами стал изо всех сил вытягивать себя с полыньи, не спеша вставать, на животе по канату преодолевая метры. Вставать нельзя, лед опять проломится, сейчас он держится за счет площади распределенного горизонтально веса, тела, стоит только опять сконцентрировать вес, на малой точке ступней как ты опять уйдешь под воду. Похоже, Тине было проще бороться с холодом, так как она, не дожидаясь меня, совершенно спокойно трансформировала кисти рук в страшные когтистые лапы, которыми и стала себя вытягивать из полыньи, банально вгоняя

свои когти в лед.

— Прибью! — Шипела она, сверкая глазами и рывками на животе направляясь в мою сторону.

Ее когти сомкнулись у меня на загривке пробивая одежду и царапая кожу под ней, дергаться смысла не было, так как пальцев на руках я уже почти не чувствовал от холода, а потому не мог сам подтягивать себя по веревке к берегу. Благо лед выдержал, уже на берегу тяжело дыша с трудом, поднялся на ноги, пошатываясь. Вампиресса подхватила меня на руки.

— Отставить командира уносить с поля боя! — Все еще «хекая» попытался взбрыкнуть я.

— Тебе нужно в замок, заболеешь. — Она прижимала меня словно котенка у груди.

— Рядовой Тина! — Приглушенно из грудей начал я свой монолог. — Установить меня вертикально! Натаскать дров, отставить меня нести в замок.

— Сердце выгрызу! — Попыталась она опять начать свою песню.

— Ну ладно, ладно, не горячись. Там у берега рюкзак я оставил, в нем сухая одежда и провиант с горячительным, нужно растереться и одеть сухое. Потом уже за дела сердечные поговорим. — С трудом удалось разжать ее объятья, вновь касаясь земли ногами. — Дров насобирай, костер запалить погреться.

Дальше суетились в тишине, лишь с интересом поглядывая друг на друга. Она довольно быстро натаскала довольно таки внушительный запас дров, пока обустраивал небольшую полянку, доставая из рюкзака, вещи, покрывало, и не хитрую еду. Страшного по моему мнению ничего не произойдет, если во время переодеться, то такой ледяной душ лишь на пользу пойдет организму. Этакая встрясочка для нервных окончаний, чтоб лучше и красочней дальше в жизни все краски мира передавали. Это как с экрана монитора пыль вытереть и удивится, как же он оказывается на самом деле красиво показывает! Без ложной скромности и политесов бегали, обустраивая лагерь голышом, сбросив мокрое, лишь уже, когда я разжег костер, стали делить все, что есть сухое. Мне то само собой комплект белья нашелся, а вот Тине досталось лишь два покрывала, одно шерстяное, и одно тряпичное, его я обычно вместо скатерти использую.

Молча, она взяла фляжку со спиртом, растирая меня от ушей до пяток, заставляя кожу гореть огнем. Нужное дело, я бы и ее на всякий случай растер, но постеснялся под ее ехидным взглядом прикасаться голых плеч и чего там у нее еще есть. Она и сама прекрасно справилась, всячески вгоняя меня в краску. Вампиры, а ничего человеческого им не чуждо. Сами ведь в прошлом люди,

трансмутация вызванная вирусом, хорошо поработала над их организмом, впрочем, насколько я понял и до сих пор работает, так как процесс изменения, идет у них не то что годами, а десятилетиями. Они конечно по холодней нас смертных будут, но не ящерицы какие хладнокровные, так без градусника, думаю на вскидку, нормой вместо, тридцать шесть и шесть, будет градусов под тридцать, с копеечкой.

— И что это было? — Она, придерживая покрывало, устанавливала у костра рогатки под котелок.

— Вода и лед, детка, вода и лед. — Клинт Иствуд бы позавидовал моей поднятой брови. Эх какой типаж, какая фраза пропала, под лучами ее злых налитых кровью трансформировавшихся глаз. — Спокойно! Это случайность, шел на рыбалку! Лед тонкий, не ожидал!

Быстро она что-то распаляется, раньше мне больше нравилась, когда молчаливо стояла в тени. Нет, она конечно девочка ладная, стройная и красивая, но как бы это сказать по мягче? Монстр мать ее за ногу!

— А у тебя что было? — Я подошел к ней, аккуратно сгружая в котелок с дымящейся водой пару пучков травяного сборного чая. — Не хочешь сказать?

— Вот скажи вы все мужики такие идиоты или просто прикидываетесь? — Тяжело вздохнула она, подхватывая соскальзывающее с плеч покрывало.

— Эм, а, ну, это я бы…кхм…что? — Вот так вот я мастерски выкрутился из скользкой ситуации.

— Влюбилась как девчонка. — Она сидела у костра, обхватив колени и накрывшись с головой покрывалом. Голос тихий, куколка, чудо просто, а не вампиренок.

— В куда? — Да-а. Это я мастерски решил, хлопая глазами поддержать ее. Я вообще славюсь своим красноречием.

— В туда! — Передразнила она, невольно рассмеявшись. — В тебя конечно, в тебя дурня!

— Ага. — Кивнул я, присаживаясь рядышком и так же направляя взгляд в костер. — Понятненько. А в окно чего заглядывала?

— Убить тебя хотела с этой твоей баронессой. — Она подбросила веточек в костер.

— Ну-у-у… — Задумчиво протянул я. — Это ты конечно погорячилась.

— Да видела я твою первую брачную ночь. — Рассмеялась она. — Видок у тебя был тот еще!

— На себя бы посмотрела! — Поддержал я ее смехом.

— Я страшная? — Вот блин, ведь же знал про эту их любимую

женскую уловку! Сейчас начнутся обиды.

— Да нет, что ты! Вампиры они обычно белые такие и пушистые. — Ну не знаю я как в таких случаях по-другому выкручиваться. — Конечно, жутко, когда среди ночи такая «кракозябра» к тебе в окно заглядывает!

— Сам дурак. — Ее кулачок солидненько так тюкнул меня в плечо, заставив, пошатнутся. — Ну и что ты теперь мне скажешь? Прогонишь? Или предложишь полюбовницей своей стать?

— Не говори ерунды. — Я зачерпнул кружкой ароматный чай. — Тебе девочка, сколько годков стукнуло?

Девочка недобро сощурила глаза, стиснув кулаки, от чего я поспешил продолжить.

— Уж всяко не десять, не пятнадцать и уже наверняка не двадцать лет. — Пил маленькими глоточками, что бы не обжечься. — А вот мне сударыня десять лет отроду. Даже если у нас взаимность, как ты себе это представляешь, все наши отношения?

— Вот только не надо мне этой ерунды. — Она взмахнула рукой. — Все и так видят, что ты не просто ребенок, а «се`ньер». Я сразу все поняла, увидев, как с тобой эльфы, на короткой ноге общаются.

«Се`ньер»? Как-то не хотелось выдавать свое невежество, не знанием подобного слова, потому срочно запустил поисковик Мака, по скачанной библиотеке защитника. С ужасом, бегло пролистывая первые страницы информации. Матерь божья, да это просто жуть!

Оказывается мой случай не уникален, я не единственный переселенец в чужое тело. Подобные прецеденты не единичны в истории. Не раз и не два технологически эльфы проводили подобное переселение душ, помещая уже сформировавшуюся личность человека в пустой сосуд чьего-то тела. Тысячу нюансов и заковырок, но одно остается фактом. Я идиот. Даже не удосужился за эти без малого два года прозондировать почву на эту тему!

— Что замолчал? — Из-под покрывала Тина с любопытством разглядывала меня. — Думал для окружающих это большой секрет?

— Ты вот это поменьше тут языком то болтай! — Я опасливо огляделся по сторонам, не забывая, сверятся со сканером Мака. — И вообще глупости все это, не правда и досужие вымыслы.

— Ага. — Расплылась она в улыбке. — Вымыслы. Ну да, ну да, девятилетний пацан возвращается из мясорубки войны, меняя радикально свой характер, берясь за ум, проводя экономические реформы, собирая армию, а попутно выгрызая шаг за шагом

ступень за ступенью горизонты власти. Обычно именно так девятилетние мальчики и живут.

Мда. Конспиратор из меня еще тот оказывается. Насупившись, попытался сделать вид, что я не я и морда не моя.

— Так прекращаем вот это вот… — Я помахал в воздухе рукой. — Несешь ерунду всякую!

— Ага. — Она откровенно потешалась надо мной. — Так может на поверку, ты еще древней меня будешь?

— Ладно, ладно прекращай! — Похоже, я покраснел. — Мы вообще о возвышенном говорим, о любви, вот!

— Ах, ну да! — Всплеснула она руками. — И как я бестолковая могла забыть?!

— Да что ты за язва то такая? — Я встал, делая вид что, что-то ищу в мешке, на самом деле пытаясь просто собраться с мыслями. Интересно это она одна сложила двоечки, получив четверочку в сумме, или все вокруг ходят да помалкивают? По идее, круглых дураков в моем окружении нет, а вот сэр Дако даже в курсе моих заигрываний с защитником с эльфийской стороны. Наверняка он тоже об этом думал, только вот почему на разговор не пошел? Ну да бог с ним, все равно правды не открою, они думают, что в барона вселилась чья-то душа, но это не так, не в барона, все гораздо сложней.

— Ну, так что, берешь в полюбовницы господин барон бедную девушку? — Ох, и тоски напустила в голос, хоть прям сейчас, садись рядом и плач.

— Не спеши, вы молодежь что-то по привыкали, не здравствуйте ни до свидания, как кролики, встретились и сразу в постель. — Я стал не спешно развешивать возле костра промокшие вещи.

— М-да. — Покивала она головой своим мыслям. — Значит и в правду старый ты внутри, ворчишь не хуже деда на завалинке.

* * *

В наш импровизированный лагерь, стала после обеда подтягиваться замковая детвора, так как каждый в округе знал, где меня искать, если я не в своем кабинете. Вещи к тому времени, уже высохли, так что мы, соблюдая все правила приличия, просто устроили пикничок, на фоне реки. С чем нам помогали постепенно подтягивающиеся ребята, несущие с собой не хитрую снедь. Вообще конечно, пикничок не ахти какой, морозно, серо и уныло, но почему-то все равно как-то радостно на душе. Толи от весело пляшущих язычков костра, толи от шума и

гама детворы, или же просто в связи с тем, что голова не забита в этот момент заботами и роем мыслей. Просто сижу, просто слушаю и смотрю по сторонам.

Тина молчаливой тенью отдалилась за спину, вновь входя в роль молчаливого телохранителя. О ее принадлежности к роду вампиров, здесь не знали, а вот как одного из разведчиков легиона, ходившего в поход со мной, исполняя роль охраны, многие уже наслышаны. Для замковых девчат она была героиня, этакое живое воплощение Жанны Д`Арк. Она и смотрелась соответственно. Полевая «афганка» с эмблемой легиона, придавала ей суровости и строгости во всем ее молчаливом образе.

Что с ней делать и что ей сказать я не знал. Обманывать, играя в чувства, не хотелось, а взаимности нет. Секс он конечно секс, но может же и вправду сердце зубами вырвать, мало ли что у нее на уме. Вообще странно это, как-то просто и без затей, не привык я к такому, или может быть просто, как в том анекдоте дожился до той стадии, когда уже не боишься отказа женщин, а опасаешься, что они согласятся?

Да уж, дело это тонкое в не зависимости от того, как я в дальнейшем себя поведу. Так уж получилось от природы, что толстая шкура одиночества, стала моей второй натурой и пускать кого-то в свою жизнь без оглядки, не в моих правилах.

Чай, костерок, детские шалости, так и дотянули до вечера неспешно, сворачивая лагерь и разбредаясь, разбившись по группкам. Ребятня, убежала, вперед спеша на ужин, а я с Тиной немного отстал, так как тащил рюкзак и особенно не спешил погружаться в свои дела, оттягивая возвращение.

Человеческий крик, полный страха и отчаяния, услышали только мы. Где-то выше и левее из темнеющейся чащи небольшой уже голой рощицы. Там за рощей по идее проходит главная дорога, ведущая от Касприва до Лисьего замка, а уже от него до учебного корпуса легиона.

Жуткий крик шел не с дороги, а именно из рощи, говорить, о чем-либо с Тиной согласовывая действия, не пришлось, она тут же растворилась в вечернем сумраке, уходя вперед, мне же осталось только скинуть рюкзак, и налегке стараясь не шуметь последовать за ней. Крик переходил, срываясь на рыдания, пробежав чуть вперед, примерно прикинул оставшееся расстояние, похоже кричавший бежал, и бежал к нам на встречу. Уже сейчас мне был слышен треск ломающихся кустов, несчастный кто бы он не был, бежал, не выбирая дороги гонимый ужасом.

На небольшую чистую полянку, в неверном свете и без того

мрачного времени года, где я остановился, выскочил какой-то взлохмаченный мужик в изодранном полушубке, спотыкаясь и падая, со всех ног несущийся в мою сторону.

— Стой! — Я встал на его пути, пытаясь поймать взгляд его обезумевших глаз.

— Белая! Она идет за мной! — Он бухнулся передо мной на колени, заливаясь слезами. — Это она, она идет!

Кто такая Белая и куда она идет, спрашивать смысла не было, так как я и сам уже увидел, нечто приближающееся меж деревьев, странно мигающее, словно картинка на экране, скачками исчезая и появляясь все ближе и ближе к нам.

— Не-е-ет! — Завыл мужик, на коленях пытаясь заползти за меня. — Я не в чем не виноват!

Белесый морок, приобрел отчетливый образ женщины, чей лик ужасом сковал мое сердце, так как это был зловещий оскал даже не мертвеца, а скелета, с сочащейся тьмой из пустых глазниц, словно туш в стакане с чистой водой, оседающей причудливым узором.

Изорванное белесое, словно в черно-белом кино платье, лохмотьями тумана развевалось на несуществующем ветру, а лик смерти окаймляли длинные прямые черные волосы ниже пояса, грязными лоскутами, словно тяжелые плети, свисали безвольно вниз.

— Твою мать! — Я невольно подался, назад спотыкаясь о скулящего мужика под моими ногами. До покойницы оставалось метров двадцать, я растянулся на земле падая, а в моей голове, тихо так и зловеще пульсировал в ритм с моим перепуганным сердцем тонкий девичий голосок, доносившийся, словно из глубины колодца: «За что? За что? За что?».

Мак абсолютно не реагировал на угрозу, не фиксируя чьего либо приближения к моей персоне, кроме меня, скулящего мужика и «трансморфа» вампира в полной боевой форме оскалившейся жуткими клыками, никого на поляне не было! Но меж тем женщина с лицом смерти, мигающим потусторонним светом продолжала, неспешно приближаться к нам, вытянув в нашу сторону, сухие обтянутые пергаментной кожей руки с длинными обломанными ногтями.

Кулаки Эббуза, вихрем туго скрученных узлов воздуха разорвали на мгновение в дым жуткую фигуру призрачной женщины, лишь не на долго прервав ее неспешное преследование.

— Огонь! — С трудом выдавила из себя Тина, повернув ко мне свою вытянувшуюся жуткую морду с горящими глазами. — Призраки не любят огня!

Призраки? Какого черта? Какие призраки? Но все вопросы

потом, кивнув вампиру, я тут же активировал с помощью Мака аж два огненных кольца Прая, ревущих огненных столба дикого пламени, просто физически ощущая, как моя энергия утекает в поддержании этой бушующей стихии. Да уж затратный энегро контур, как и вся линейка огненных заклинаний, благо я с ходу переключил все затраты на ресурсы и насосы компьютера. Мужик у моих ног замолчал видимо от страха уходя в беспамятство обморока, в то время как тонкий голосок, все продолжал и продолжал свой заунывный речитатив в моей голове: «За что? За что? За что?». Вновь и вновь спрашивала девушка плаксиво и с отчаяньем, не находя ответа.

Пламя ярко осветило всю рощу и разгоняя сумрак. Мигающий контур женщины призрака изорванными клубами белого тумана уплывал в глубь деревьев, отпрянув от огня. Я вдруг осознал, что я жутко взмок, и у меня постыдно дрожат колени, во рту пересохло. Ну, уж нет, так просто вы мадмуазель от меня не уйдете с пустыми руками! А как же презент? Пытаясь совладать с накатившим страхом путем разжигания в себе злости, не долго думая, зачерпнул в каждую из рук по горсти земли вперемешку с опавшей листвой. Это было новое для меня плетение, которое я освоил с подачи шаманов орков, что в том году вместе с пиктами напали на мой город. Шары гудящего, словно рассерженные шмели, свитого в энерго каркас пламени. Только вот в отличие от самоучек шаманов, я изучил эту тематику по трудам мастера Прая, где он делал выкладку по которой, подобные огнешары, выходили детской забавой в сравнении с шаром, в который можно поместить, любой кусок материи, землю либо же тупо камень, тем самым, начиняя сердцевину расплавленным куском лавы. Земля, конечно, прогорала со временем, превращаясь в пыль, но и этот малый отрезок времени, давал усиление, как температуры, так и уровня поражения. Два огненных шара с пульсирующей пунцово красным, начинкой сорвались с моих рук, направляясь вдогонку за ускользающим призрачным туманом. Думаете на этом все? Ха! Да я десятка два выпустил этих огненных болидов осветивших округу занимающимся пожаром. Один за другим, черпал землю, окутывая ее структурой огненного шара и отправляя в след уже давно исчезнувшего призрака.

— Ульрих хватит. — Рядом стояла Тина уже сменившая свою боевую трансформацию на более приятную внешность. — Там вон люди какие-то бегут, как бы не зацепил ненароком.

Вампиресса отошла мне за спину, я деактивировал плетения Прая, гася жаркое пламя колец, от чего поляна тут же погрузилась в полутьму. Как-то сразу вновь стало страшно, подняв с земли какой-то сук на его конце, быстро активировал

маленькую эльфийскую руну света, яркой звездочкой чистого беловато-голубого цвета, тут же осветившую поляну с двумя дымящимися круглыми проплешинами и лежащим навзничь мужичком жертвой, возле которого мы и стали дожидаться продиравшуюся толпу людей сквозь густой кустарник.

— Стойте, где стоите! — Крикнул я, поднимая руку с раскрытой ладонью. — Кто такие и что вы делаете на моей земле?

Из подлеска вывалили на поляну запыхавшейся толпой с два десятка чумазых сбитых, мужичков простоватого вида, сжимавших в руках кто лопаты, кто кирки, а кто по-простому увесистые дубины. Уж не разбойнички ли завелись у меня под боком? Уж очень их вид наводил на мысли о частых переходах и не одном километре, пройденном дорог.

— Не извольте сердчать господин маг! — Мужики, что-то бурча под нос, выпихали из своих рядов самого старого, но еще крепкого бородача. — Без умыслу, какого непотребного, стало быть тутова. Артель мы перехожая, строители, шли к господину барону фон Рингмару, да вот напасть, лютая в дороге пристала, народец губит. Вон и Арма, он тотовый что под ногами, который у вас который, погибель страшную от Белой Смерти принял.

Мужики, не сговариваясь по стягивали с голов, нахлобученные шапки из шкур больше похожие на капюшоны, вроде как отдавая последние почести погибшему товарищу.

— Жив ваш Арма. — Произнес я, слегка потыкав ногой бок находящегося в бессознательном состоянии мужчины. — Без памяти просто от страха, а Белая ваша не успела, отогнал я ее.

— Ох и радость то какая! — Затараторил старик, тут же начиная вместе со всей толпой отвешивать один за другим поклоны. — Арма хоть и дурноватый дядька, но каменщик рукатый, у нас, поди, последний «обтес» остался, нам без него хороших заказов не видать бы было. Вот вам спасибо так спасибо господин маг! Прям выручили нас словами не сказать как!

Он замолчал, теребя свою шапку в руках и поглядывая то в сторону своих, то на меня, как-то нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Видимо опасался народ подходить ко мне, что бы забрать своего так нужного им камнетеса.

— Давай, давай мужички забирайте болезного, нечего ему тут на земле валятся. — Произнес я отходя от жертвы и давая им возможность без опаски подойти к своему. — Молодцы что пришли, а то я не знал, что с ним делать.

Косматики, бубоня и опасливо поглядывая в мою сторону, обступили Арму, подхватывая его на руки и вновь на пролом, через кусты, удаляясь, куда то в темноту, видимо к дороге, где стоял их обоз. Уже через пару минут, на поляне никого не

осталось кроме меня Тины и старичка все еще неуверенно мнущегося рядышком.

— А ты чего к своим не побежал? — Я жестом показал Тине что б она возвращалась за сброшенным рюкзаком. — Не боишся что опять Белая прийдет?

— Не господин маг. — Мужик наконец-то опять нахлобучил свою измученную шапку на голову. — Она два раза за ночь не приходит. Раз уж в эту ночь ушла, то три, а мож четыре ночи поспим спокойно, стало быть.

— И давно эта страхолюдина за вами ходит? — Я стал обходить кругом поляну, пытаясь рассмотреть хоть какие-то следы на земле. Тут и гадать нечего, за ними призрак идет, уж очень хорошо они его знают, да и я бы давно узнал о таком непотребстве у себя под носом, была бы нежить местной.

— Да уже зим шесть, мож семь как. — Мужичек опасливо приблизился на пару шагов ко мне. — Страшно сказать, сколько народу извела лютая. От того и нет у нас уже давно работы постоянной, сюда в надежде перезимовать пришли. Люд разный, бает, что барон тутошний, строить любит, даже по зиме не сидит сиднем, рук пустых без дела не любит, да и монетой не жаден. Кто честь по чести работает, всегда будет накормлен.

— Воистину слухами земля полнится. — Прошептал я себе под нос, так ничего и не находя на земле. — В Лисий Хвост по дороге где-то за половинку от часа дойдете, там правда уже не пустят, а вот завтра по утру барон вас примет.

— А вы ваша милость, знакомы с ним? — Мужик с надеждой заглядывал мне в лицо. — Правду люд говорит, привечает он мастеровых?

— Ну. — Я смерил его с головы до ног, взглядом вскинув бровь. — Коли и вправду мастера, да не лежебоки то работу, завсегда найду вам.

— Найду-у-у… — Протянул он, вновь скидывая шапку. — Так вы, стало быть, ваше благородие и есть барон фон Рингмар? Мы к вам получается, идем?

— Да, я и есть тот самый Ульрих фон Рингмар к которому вы шли. — Покивал я его словам.

— Вы уж поймите ваша милость, не сами мы привели напасть эту в ваши земли, она сама за нами увязалась! — Он упал передо мной на колени. — Вы уж сжальтесь, уже снега не сегодня-завтра пойдут, не гоните нас горемык! Мы уже никак никуда не успеем, если прочь велите идти!

— Успокойся и встань. — Я кивнул появившейся с нашим рюкзаком Тине. — Гнать не буду, коль и вправду руки не из задницы растут, а даже если и оттудова, то даже таким работа

всегда найдется. Вас вообще, сколько в артели?

— Да пять десятков осталось, в добрые времена лучшей артели во всем королевстве не сыскать было, у самого короля во дворце строили и облагораживали покои, да вот гадость нам эта дорогу перешла. С тех пор и народ разбегается и заказов толковых все меньше да меньше. — Он поднялся с земли.

— А главный кто? Он в обозе остался? — Я растер замерзающие руки.

— Лер Фава голова у нас, он мастер от бога! — Глаза его сверкнули действительно уважением. — Он и мрамор умеет резать, и балки там всякие распорки, да фундаментную часть посчитать может! С нами не пошел, так то из-за сына своего, Белая пожрала младшего, с тех пор и лежит, не поднимаясь, а отец в заботах всегда у его постели!

— Знаешь что, веди-ка меня к главе своему. — И уже обращаясь к Тине. — А ты в замок сходи, капитана предупреди, чтоб не волновался, да Уголька моего снарядил, часа через два к лагерю, а то потом в ночи не хочется ножками топать.

При посторонних ничего не сказала, но по взгляду понял «не одобрямс» госпожа телохранитель мое решение, впрочем все же выполнила растворившись в темноте. А мы же с мужичком направили свой путь через рощу к дороге где остановился основной обоз строителей.

— Тебя то самого как зовут? — Я пропустил его вперед, пристраиваясь следом и поднимая повыше свой импровизированный посох освещающий нам путь.

— Армус ваше благородие, я столяр с измальства по дереву режу, дерево чую и не последний мастер во всем королевстве! — Бросил он, не оборачиваясь. — Я и картину могу собрать из дерева, и узоры какие затейливые вывести на наличники али еще куда.

— Давно в артели? — Идти по густо заросшему кустарником леску было неудобно.

— А то! — Хмыкнул он. — Родился в артели. Мой отец еще служил тогда семье Рах. Артель то одна из старейших, тут многие так, мы считай все одна семья, со стороны почти и не берем никого.

Другого наверно и ожидать не следовало, уж очень здесь все дико. Сплошные гильдии, никаких тебе училищ или техникумов, от отца к сыну, из поколения в поколение. Если ты родился горшечником, то сапожником тебе уже никогда не стать. За деньги и по знакомству могли взять чьего-то отпрыска на обучение в мастеровые. А артели так вообще не что иное, как одна большая кочующая семья, этакий аналог гильдии

ремесленников. Идут от города в город, то там беря заказ то в другом месте, иногда если стройка затянута оседая на пару лет, потом по окончанию вновь снимаясь и отправляясь в путь. В такой артели, как правило, всегда был кто-то один из мелкого дворянства, что б на уровне можно было принимать хорошие заказы на замки или башни аристократии. Вот и в этой артели непосредственно главой являлся некий Фава Рах, получивший хоть и наследный, но не к чему не обязывающий титул лера, не дающий ему ничего, кроме вежливой приставки. Хотя, судя по замечаниям Армуса, он здесь у них был чем-то вроде инженера на предприятии, ведя все строительные расчеты, беря на себя не только управление, но и риски по возведению и монтажу конструкций.

Миновав, наконец, рощу, спустились по пологому голому холму выходя к дороге, стараниями местных правонарушителей отсыпанную битым камнем и кирпичом, из-за чего к этому времени не превратившуюся в сплошной поток грязной «муляки» раскисшей под осенними дождями. Пройдя еще немного вперед, увидели походные костры и толпившийся народ, занятый обустройством, среди составленных вместе тентованых телег.

Нас, похоже, ждали, народ расступался, учтиво кланяясь мне и о чем-то тихо перешептываясь. Видимо пришедшие наперед, уже успели обрисовать случившееся в роще, а отсутствие бойкого Армуса, видимо подсказало им о возможном скором прибытии гостя. Прошли пару повозок, выходя к большому главному костру лагеря, у которого уже на поваленном бревнышке, восседало с десяток степенных седоволосых и длиннобородых мужичков, видимо старшие, либо же наиболее уважаемые мастера. Что меня удивило, так это наличие детворы и хорошего контингента женщин. Хотя чего я удивляюсь? Каменотес же не камнями питается или же столяр древесиной, кто-то должен и поесть приготовить, и обстирать, да и что другое, без чего жизнь не мила на белом свете, куда ж без них то барышень?

Армус быстро подбежал к одному из мужчин, на удивление гладко выбритому подтянутому брюнету, с умным острым взглядом и сединой на висках, второпях что-то спешно ему, нашептывая на ухо. Ну да понятно, мою персону необходимо представить местному хозяину, я же спокойно стоял в сторонке, погасив руну света и бросив подобранный сук в общий костер.

— Рад приветствовать в нашем скромном лагере многоуважаемого господина барона фон Рингмар! — Хорошо поставленным громким голосом провозгласил брюнет, следом поднимаясь и отвешивая мне поклон. — Мы так долго шли к вам, ища приют и спасение, и вы действительно спасли одного из

наших мастеров от неминуемой гибели, за что примите нашу искреннюю благодарность.

Лагерь загомонил, все кто сидел по вскакивали со своих мест, отвешивая мне поклоны. М-да, для этого табора я сейчас отец кормилец, лишь моя воля способна решить их ближайшую судьбу, то, как они проведут эту зиму.

— Не стоит благодарности. — Вежливо кивнул я, садясь напротив говорившего брюнета. — Вы я так понимаю и есть уважаемый лер Фава Рах?

Он кивнул, присаживаясь рядом, а по его жесту нам уже накрывали небольшой деревянный столик, сервируя его глиняной посудой со всевозможными блюдами и напитками, от щедрот их рациона.

— Не буду лукавить, надеялся, что наша встреча произойдет поздней и не при таких обстоятельствах. — Он налил себе немного вина, слегка пригубив его. — Но должен сказать, что рад тому, что эта встреча спасла одну из жизней моих людей. Хочу еще раз поблагодарить и нижайше прошу вас позволить моей артели отработать на вас хотя бы до весны, так как в зиму уже другого нам не найти, да и переход будет тяжелым в морозы и снега.

— Позволяю. — Я кивнул, даже толком не дослушав его до конца. — Рабочих рук мне всегда не хватает, а вот работы всегда полно и конца и края ей не видно.

По звуку было ощущение, что весь лагерь словно одно живое существо с облегчением выдохнул. Кто-то заулыбался, слышен был смех, народ с облегчением расслабился, все же в глубине души, не веря в то, что я приму их, после того как стал свидетелем злого рока преследующего их по пятам.

— Об оплате не со мной! — Перебил я Раха собирающегося видимо продолжить деловой тон общения. — Завтра придете в замок испросите эсквайра Энтеми, с ним и решите все по деньгам, да и получите перечень того, что, где и как нужно будет делать.

Он уныло кивнул, видимо представив себе, что теперь, когда я знаю о безвыходности их ситуации, им на вряд ли стоит рассчитывать на хорошую оплату.

— Не грусти. — Я улыбнулся, стараясь говорить громко, что бы остальные мастера тоже слышали. — Не все так плохо как ты думаешь.

— Неужели. — Он вскинул бровь, с недоверием смотря на меня.

— Дело в том, что у меня уже работает четыре артели и клан гномов. — Я услышал очередной дружный вздох на этот раз

удивления, еще бы, по местным реалиям это небывалый объем. — И сам понимаешь, больше чем их мастерам я тебе не дам, договоры уже есть, оплата идет, сам посмотришь расценки, если где-то, что-то не устраивает, обижайся только на своих собратов строителей, они за эту цену подрядились. Я не торгуюсь, плачу ваше вам, но и лишний медный грошик сверх установленного, сложно будет из меня вытянуть.

— Это справедливо. — Фава, согласно кивнул. — Не думаю что остальные артели, попросили меньше, чем бы мне хотелось. Но как я понимаю, зима есть зима, и хочешь не хочешь, работы на всех не хватит?

— Хватит, поверь, до метелей, точно, потом отделка внутри замка, внутри корпуса легионеров, по хорошему льду станут лес гнать на упряжах. — Я говорил, не забывая уплетать вкусно зажаренную птицу. — Камня полно в заготовках, есть крупные плиты которые еще колоть и подгонять в размер. Сам лес нужно будет распускать, сушить, да и в городе есть, где руки приложить.

— Мне радостно слушать вас господин барон. — Он отвесил поклон. — Мое сердце радуется от ваших слов, вы дарите нам надежду, что эта жизнь вновь может быть сытной и радостной.

— Эта? — Я задумчиво потягивал приятный горячий травяной чай. — Может быть, а может, нет. Я ведь еще не знаю главного. Вот поглядел я тут ненароком на вашу беду и даже не знаю, сколько вы еще поживете, и не попросят ли местные по весне все же гнать вас с земли? Эта Белая, она только ваших убивает или все что в округе живое?

В лагере наступила полная тишина, в которой не было слышно не единого голоса, лишь треск костра, возня лошадей и то, как я мелкими глоточками отпиваю чай.

— Ну. — Я поставил кружку на стол, отламывая себе еще кусок мясного пирога с травами. — Можете не говорить, я уже понял, что тварь убивает все живое, что пробегает рядом с вами. Вы мне другое скажите, как так получилось, что вы до сих пор живы? Похоже, вы знаете способ, как с ней обходится? Или я не прав?

* * *

Я был прав. Жизнь, а вернее смерть родных и близких научила их быть осмотрительными и наблюдательными, подмечая различные мелочи и нюансы. Во-первых, Белая Смерть не трогала детей и женщин. Отчего, почему неизвестно. Во-вторых, призрак никогда не нападал на группу людей, всегда его

жертвами были одиночки. Люди по той или иной причине вынужденные отойти по своим делам. Сами же нападения чередовались перерывом в три четыре ночи. В общем, худо бедно приспособились спать в обнимку с соседом и даже до ветру ходить толпой.

Началось все шесть лет назад, когда сын лера Фавы Рах, молодой лер Немнод, вернулся с первого своего заказа. С реставрации старинной усыпальницы, графской семьи де Фарго, это довольно далеко на юг, соседи с графством Крип, откуда родом баронесса фон Каус.

Немнод Рах взял свой первый самостоятельный заказ без опеки отца, в принципе как считали в артели не очень и сложный. Просто наружная отделка, за исключением восточной стены, где разошлась по кладке старая стена, открывая темный зев внутрь подземного чертога с упокоенными. Лучшие инженеры и строители королевства, гномы, приглашенные за немалые деньги, никто не мог справиться с этой напастью. Восстановленная стена, через какой-то промежуток времени вновь расходилась в кладке, чуть ли не на глазах у окружающих. О старом графском склепе уже легенды ходили и анекдоты по всему королевству, мол это покойники свежего воздуха просят. Дошло, от мирского до крайностей, де Фарго вызывали к себе представителей и служителей от различных культов, не остались в долгу местное жречество. Поговаривали даже, что дед нынешнего графа вызывал даже некроманта, что бы обуздать непотребства покойных, но, увы и ах, трещина как зияла тьмой, так и поныне бы так и стояла.

Да, это было чудо, никто даже и подумать не мог, но именно молодой Рах выполнил заказ, так как надо, утерев нос сотне артелей в этом мире! Это была гордость семьи и ее поражение, ровно через четыре дня, впервые строители узнали, что такое Белая Смерть. Призрак в ночь унес свою первую жертву.

Понятно, что сразу то никто и не понял, что случилось, с Немнодом в южной провинции на работах было тридцать два человека, сам молодой лер, со своими людьми был уже в пути, когда стал жертвой первый из его людей. Это пугало и обескураживало, люди банально не знали, что делать и как спасать себя. Каждая ночь была кошмаром, мастеровые ночами не спали, одного за другим хороня своих товарищей. С наступлением ночи, с ужасом ожидая, кто же следующий станет жертвой этой ужасной призрачной женщины. За что? За что? За что? Только и слышали они из белесого тумана, накрывающего их ночные стоянки. Ужас охватил их сердца, заставляя чуть ли не со слезами на глазах обращаться за помощью ко всем встреченным на пути. От них бежали как от чумных, единственной небольшой

передышкой стала встреча с одним из магов, а именно защитником одного из баронств. Старый маг ничего не смог сделать, лишь подсказал им эти простые правила выживания. К тому времени, когда они дошли до защитника, в живых оставалось двенадцать человек. Призрак не смел, подойти к людям под защитой мага, но и вечно оставаться под его защитой они не могли.

Сам Рах принял решение выдвигаться дальше, что бы дойти до отца, а там уже с помощью его связей и денег нанять защиту либо же купить избавление от этой ужасного проклятия. Долго ли коротко, но в живых до ближайшего городка добрались двое, это сам Немнод и уже знакомый мне Армус. Город был столицей графства Крип, некий Пастур. Судя по описанию раза в три больше моего Касприва. Измученные трясущиеся от страха они не расставались друг с другом, стараясь даже ночью примкнуть к какой либо группе людей, что в городе им удавалось в принципе легко, но они были в отчаянии, их осталось двое, а до старшего Раха было еще минимум три недели пути. Отец еще даже не представлял о той беде, что обрушилась на его семью. Отмечу лишь, что молодой Рах, не лишен мужества, он посадил за немалые деньги Армуса в идущий многолюдный караван, а сам был вынужден за не имением денег, отправится в местную тюрьму, за устроенную драку. В принципе как вариант он был просчитан не плохо. В яме, куда его бросили к преступникам, всегда должно было быть многолюдно и пусть и отбросами, но их иногда кормили. Расчет был на то, что Армус все же благополучно доберется до отца, а уже потом тот сможет выкупить сына, и защитить его.

Армус добрался, за все время пути призрак не разу не появился в пределах лагеря караванщиков. Сам Фава бледнея и не веря услышанному, рванул в Пастур, не жалея денег на перекладных коней, он не стал вдаваться в подробности четко для себя уяснив лишь то, что сын в беде. Но как бы он не спешил, он не успел, что там и как доподлинно случилось выяснить не удалось, вроде бы среди заключенных случилась драка, вследствие которой молодого лера, из общей свалки поместили в подземную камеру местной тюрьмы. Одного. Он остался сам на сам с тем страхом, от которого бежал прочь и уже никто не мог ему помочь и спасти, местные власти просто не верили обезумевшему юнцу, несущему бред про призрака, ему никто не поверил. Когда Фава добрался до сына, все что он смог выкупить это совершенно седой полутруп безумными немигающими глазами пялящийся во тьму, с искривленным гримасой ужаса лицом.

Я сидел, просто физически ощущая боль отца, этот стройный властный мужчина по настоящему, без тени наигранности переживал этот удар судьбы, всем сердцем отдаваясь горькой боли сковавшей его душу.

По моей просьбе, сам Фава проводил меня к телу своего сына, мне всего одного взгляда было достаточно, что бы понять, юноша в коме. Тело еще дышит, в теле еще можно поддерживать жизнь заботой любящих людей, но вот надежды на исцеление практически нет. По крайней мере, я ее не видел. Да всем известны случаи, когда неожиданно люди по тем или иным причинам вновь возвращались в этот мир, но, к сожалению, мой опыт говорил, что это те исключения, которые лишь подтверждают общее правило. Он не жилец.

— А призрак так со всеми поступает? — Спросил я крутящегося рядом Армуса.

— Нет. — Он потупил голову. — Всех остальных находили по утру мертвыми, лишь господин Немнод еще каким-то чудом продолжает жить.

Ну, я бы это жизнью не назвал. С артелью я попрощался уже через пол часа, дождавшись, когда в лагерь подъедут мои гвардейцы, ведя в поводу моего Уголька. Неспешным ходом где-то за пол часа добрались до замка, где меня уже ждал теплый прием.

— Ульрих! — С порога на меня насел сэр Дако. — Чтоб тебя! Это что за боевые действия вблизи замка? Ну-ка пошли в кабинет, чует мое сердце, опять ввязался в какую-то историю.

— Ульрих, надеюсь, ты не наделал никаких глупостей? — Графиня Шель де Красс, стояла под ручку с пожилой графиней де Кервье, бабушкой нашего короля, а рядышком тут же нарисовалась прелестница южанка баронесса фон Каус.

— Ульрих, только не говори что опять война! — В голосе моего учителя фехтования и танцев проскользнули угрожающие нотки.

— Кого воюем? — Из дверей выскочил молодой Герман де Мирт. — То-то я смотрю зарево в ночи как от пожара!

Оп-па! А ведь и вправду горит! Ну, с горечью должен признать, что я не я буду, если как говорится не «отчебучу». Вот нужно было мне сердцевиной наполнять огненные шары? Ведь к бабке не ходи, благодаря этой импровизированной лаве, отсыревший лес смог разгореться, окрашивая в багровые тона ночное небо. Хотя красиво.

— Там был призрак… — Вставила свои пять копеек появившаяся из-за спины Тина, но ей договорить уже не дали.

— Там призрак!

— Война!

— На нас напали призраки, идет война!

— Ульрих призрак!

Выскочили девчата, голося шумной толпой, все дружно принялись просвещать друг дружку, в вопросе кто же на самом деле призрак. Я даже слова не мог вставить, да меня собственно уже никто и не слушал.

— Ну-ка цыц! — Громыхнул усиленным магически голосом сэр Дако, перекрикивая всех и сразу. — Отставить панику! Всем разойтись, Ульрих ко мне в кабинет!

Я с благодарностью глянул в его сторону, тут же прячась за его спину и направляясь в глубину замка. Для полноты картины и что бы по сто раз ничего не повторять с молчаливого согласия своего учителя послал слуг за капитаном Гаричем и своим управляющим сквайром Энтеми. В их ожидании успели приложиться к подносу с поздним ужином к приходу как раз, разливая горячий чай.

— Ну что ж господа. — На правах хозяина кабинета начал Дако. — Собрались мы, в сей поздний час как вы уже поняли не просто так, а вновь благодаря кипучей деятельности нашего молодого барона.

— Я не я! — Для весомости помахал в воздухе печенюшкой. — Не виноватая я, он сам ко мне пришел!

Легкий каламбурчик был понятен без пояснений, анекдотов и крылатых высказываний про женские отмазки всегда и во все времена хватает.

— Капитан легиона уже поднял своих, замковые гвардейцы так же в готовности. — Гарич сидел с прямой спиной, вояка явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Да куда ж еще?! — Энтеми заливал в себя вторую кружку подряд чая, он явно не высыпался. — Мы еще не все поделили и посчитали с той войны, а вы уже новую? Помилуйте барон!

— Сразу предупрежу, вторую жену не разрешат! — Тут же не смог промолчать Дако, расползаясь в улыбке.

— Да идите вы! — Я отбросил недоеденную печенюшку, просто мелкими глоточками ополовинивая свою кружку. — Нет никакой войны!

— Но почему-то мне от твоих слов не стало легче. — Тихо пробурчал старик под одобрительные кивки присутствующих.

Рассказывал обстоятельно, со всеми подробностями стараясь не упускать мелочи, так как возможно это сыграет свою роль в будущем и поможет избежать, упаси бог, жертв. Меня не перебивали, временами лишь вскидывая вверх удивленно брови и сочувственно кивая горю лера Фавы Рах. Молчали долго, каждый

думая о своем, то так то эдак проигрывая в голове ситуацию.

— Защитник, у которого прятался какое-то время Немнод, был из баронств графства Фарго? — Нарушил первым молчание старый маг, дожидаясь моего кивка. — Я попробую с ним связаться, разузнав детали, а так же по расспрашиваю о старом склепе. Честно признаюсь, я краем уха зацепил историю этого склепа. Когда-то очень давно, еще во времена моего обучения, в столицу приезжал кто-то из тогдашних графов, для найма некроманта. Сами понимаете, чародеев перенявших это искусство от темных эльфов единицы, да и под запретом эта магия, так что в те времена графу Фарго пришлось с личной просьбой выходить на короля, от чего вся столица тогда бурлила разными слухами и небылицами.

— Я могу сослать их в Дальнюю, поменяв их местами с артелью лера Ревье. — Высказался сквайр. — Это довольно далеко, к тому же без дела не останутся, там столько леса, до конца жизни им хватит и еще останется.

— Я признаюсь честно, понятия не имею как бороться с призраками. — Развел руками капитан. — Как их убивать не обучен. Разве что могу через свои связи вызвать сюда кого-то из ордена рыцарей бестиаров, но и тут не уверен, что будет толк, как убить того, кто уже мертв?

— М-да уж. Не густо. — Покивал я, еще доливая кипятку в кружечку. — Бестиара вызывай, пусть пришлют кого, может и сыщется в их практике такой тонкий специалист. По поводу замены артелей, думаю, не стоит проводить такую замену, посылайте их к легиону, там не хватает рабочих рук, как по внутренней отделке помещений, так и по заготовке материалов на весну. С легионом провести инструктаж, пусть душегубчики не расслабляются. Ну и наверно вся надежда на вас будет сэр Дако, так как только вы сможете дать всю исчерпывающую информацию.

— Не совсем так. — Дако как-то смущенно заерзал в кресле. — Тут не помешала бы помощь, кое-кого. Посидите пока тут, я скоро.

Старик вышел из-за своего стола, покидая кабинет, и оставляя нас недоуменно переглядываться, друг на друга. Впрочем, недоумевали мы, не долго вскакивая с кресел, и кланяясь, когда в кабинет вошла седоволосая графиня Кервье, живенькая старушка с пронзительным умным взглядом.

— Что мальчики, помощь нужна? — Она села в одно из кресел, извлекая из небольшой на поясной сумочки спицы с клубком ниток. Тут же принимаясь за кропотливый труд вязания чего-то, что она обязательно подарит внукам или детям, что они

примут в дар, улыбаясь и пряча по приходу, домой, куда по глубже в шкаф. — Давайте сорванцы рассказывайте, что там уже набедокурили.

Сорванцы молчали, тут же устремив взгляды на меня, мне же ничего не оставалось делать, как признать правоту мага, так как через королевскую семью можно гораздо больше узнать о тех делах минувших, и по новой рассказать всю историю от начала и до конца.

Графиня была небольшого роста сухонькой старушкой с аккуратно уложенной прической густых седых волос. Для солидности ей не хватало только пенсне, а так своим авторитетом она быстро взяла бразды правления в замке в свои руки. Тут ей низкий поклон и благодарность, девчонки явно меньше стали баловаться, слуги стали проявлять большую расторопность, а в интерьере стали появляться салфеточки, различные покрывальца, а так же неизвестно откуда взявшиеся рюшечки в спешке нашитые на полы тяжелых портьер. Женщин и раньше в замке было с избытком, но вот хозяйской руки женщины с большой буквы явно не хватало. Порядок, степенность и размеренность насаждались бабушкой Вальери повсеместно и с упорством и безжалостностью настоящего диктатора.

— Девочки, нельзя бегать по коридорам, это не пристало молодым леди!

— Девочки, нельзя садится за стол, не вымыв руки это не пристало молодым леди!

— Барон, почему у вас стражники не выбриты? Это совершенно не допустимо в доме, где растут молодые леди!

— Барон подойдите, я вас причешу, а то вас еще увидят в таком виде девочки…

Графиня Вальери де Кервье, жесткой рукой наводила порядок, сметая любые возражения на своем пути одним лишь благом и мотивацией: «Какой пример вы показываете молодым леди»? Можно было бы послать бабушку к чертовой бабушке, но, увы, бабушка крута как Эверест. Была б это хотя бы теща, короля я бы еще пофыркал темной ночью в темном уголке под одеялом в ее сторону, но госпожа Вальери была не тещей. Она самая, что ни на есть бывшая королева Финора, и мама ныне покойного отца ныне действующего короля. Бабулька божий одуванчик в свое время была регентом королевства по малолетству своего внука. Так уж вышло, что ее сын был рубакой парнем, что собственно и стало причиной того, что его зарубили в одной из воин, случившихся много лет назад с соседним королевством.

— И? — Повисла тишина, после моего рассказа лишь ее спицы продолжали мелодично постукивать друг о друга. — От

меня то, что вам мальчики нужно?

— Графиня. — Дако отбил дробь пальцами по столу. — Если я еще что-то помню и не выжил окончательно из ума, то это был толи третий, толи четвертый год правления королевы Вальери Первой на пристоле Финора.

— Пятый год. — Она тяжело вздохнула. — Это был пятый год моего правления и да, покойный граф Геральд де Фарго пришел ко мне на аудиенцию, прося разрешения на найм одного из некромантов на службе короны.

Вообще я немного не понимал современных политесов по поводу разделения магии на какие либо школы или веяния. Ладно, еще можно обозвать человека, манипулирующего силами природы стихийником, хотя и не разумно, ладно я еще могу понять даже детское разделение вообще являющееся чуть ли не обзывательством, маг воздуха, маг огня, или маг земли. Хотя в вопросе менталистов, тут подымаю руки и сдаюсь их наука и искусство действительно отдельный элемент. Но вот в чем разница между общей магией пришедшей от льёсальфов тобишь светлых эльфов и дьёсальфов, темных эльфов я не понимаю. Насколько я могу судить общий принцип управления энергией через формулы структуры одинаковый, разнятся лишь моральные принципы управления. Да темные эльфы не страдают гуманизмом, чему яркие свидетельства, наводнившие мир трансморфы, но от чего удар по горлу лапой монстра запрещен, а огненный смерч, испепеляющий противника нет, не понятно. Все делают круглые глаза и шепотом говорят о страшном некроманте, способном своими структурами управлять отмершей плотью, и совершенно всем наплевать на то, что так называемые маги земли в состоянии создавать големов чья изначальная суть вообще не является даже с историческим допущением живой материей. Парадокс люди сами себя пугают, не видя разницы, почему-то, заведомо говоря, что этот убийца он де наш убийца, светлый воин, а вот тот убийца какой-то мутный, он какаха и вообще здесь не стоял. Хотя, что мы в сумме имеем? Правильно, что там, что там убивец. Вот как мне лично так это даже интересно. Помню, у нас был патологоанатом, который знал где и за что подергать или уколоть свежеупокоенного, что бы он начал дрыгаться или шевелится, от чего весь курс студентов обычно ложился в обморок. Я конечно не разделял его маленькие шалости и не очень одобрял его юмор, но бывало пол больницы сбегалось посмотреть на его шоу, делая ставки сколько и каких студентов останется после его концерта на ногах. Милейшей души был человек, в возрасте уже мужичек, всегда с юмором и шутками, он по-моему еще таксидермистом подрабатывал в свободное время.

— Ты знаешь Дако, что официально на службе у Финора подобных специалистов нет. — Графиня сделала старому магу пальчиком «но-но». — И как и тебе сейчас я об этом сообщила графу де Фарго.

— Но. — Подтолкнул к дальнейшему диалогу ее старый маг.

— Но, не официально, я дала ему адрес одной любопытной особы, кстати, не безызвестной тебе старый пройдоха. — Хмыкнула она. — Мне назвать ее?

— Мила? — Голос его дрогнул.

— Она родимая, что старый не думал на излете лет вновь о ней услышать? — Или я ничего не понимаю в жизни или она откровенно потешается над моим старым грозным учителем?

— Ладно, то дела не касается. — Он хлопнул по столу ладонью. — Что удалось узнать про склеп, в конце концов?

Старушка долго молчала, собираясь с мыслями, либо же просто погрузившись в воспоминания, прежде чем заговорила, поведав нам о делах давно минувших дней. Было это так давно, что уже и не вспомнить тех времен. Так уж случилось, что, как и все в этой жизни, кажущееся простым на поверку выходит сложнее, чем совершить полет на Луну.

Ну, сами судите, молодой мужчина одна штука, плюс молодая женщина одна штука, в сумме получаем счастливую семейную пару. Нет? М-да уж, математика тут бессильна. В те далекие времена де Фарго были еще не графством, а одним из маленьких баронств, уже гораздо позже путем войн и интриг, занявших свой титул. Главой рода только-только заступил молодой барон Арчибальд фон Фарго, юноша перспективный не лишенный амбиций и не обделенный в какой-то мере интеллектом. Дела вел вполне успешно, что-то даже по сохранившимся сведеньям в те времена прикупал, что-то продавал, раз или два размахивал мечом сидя в доспехах на коне, причем так удачно, что по хроникам выходило, попал кому-то из врагов своей железякой по голове, от чего прослыл неимоверно крутым воителем и вообще мужчиной хоть куда.

Как и положе старым добрым опусам старины, пришло время молодому барону жениться. Есть такая старая добрая традиция среди баронов, после того как помахал саблей-бляблей над головой обязательно кого-нибудь поймать и женится на нем. Так уж нам баронам предки завещали. Ну и наш Арчибальд не будь дурак, вы не поверите, поймал в своем лесу, самую настоящую эльфийку, удумав на ней женится! Тут надо дать небольшое отступление, уточнив что вроде бы в те далекие времена подобные мезальянсы были в порядке вещей, причем документально были зафиксированы даже случаи продолжения

потомства среди таких пар. Ну и считалось это вроде как престижно, иметь в своем роду хотя бы унцию крови этой первой цивилизации мира. Хотя за эльфов я говорить не берусь, так как их отношение к подобным проявлениям братской любви, было насколько можно судить по архивам, сохранившимся до наших дней, очень не благоприятным. Что иногда приводило к тому, что первоначальные хозяева мира иногда гневались, нет-нет, да и выводя из своих запретных городов стройные ряды своих воителей, дабы так сказать засвидетельствовать свое почтение, знатным мордобоем в местном колхозе.

За прошествием тучи лет, не сохранилось информации, о том под каким именно предлогом, барон оформил этот брак, удалось лишь узнать, что наша пани эльфийка, мягко говоря, не совсем была положительно расположена к своему венценосному мужу. Из хроник доблестный муж постепенно превратился из славного воителя и мудрого правителя в рогатое животное, от ветвистости и высоты чьего головного убора могли помереть от зависти местные олени и лоси. Мужинек не находил себе места, а так же места своей жене, каждый раз отлавливая гулящую жену в очередном из притонов. Он ловил ее и ее кавалеров, бил ее и ее мужиков, запирал за семью замками и десятью дверями, но увы свет красоты этой эльфийки уж слишком ярко манил мотыльков мужчин летящих к ней в объятья не взирая на опасность, препятствия, преодолевая на своем пути все заслоны и каменные стены.

Вот тут то и начинается история. Арчибальд фон Фарго, замуровал в семейном склепе свою жену, соорудив нечто вроде колодца, по которому спускал к ней по веревке еду, пообещав ей, что если она не прекратит, то навсегда останется в этом каменном мешке с мертвецами. А если еще хоть один мужчина притронется к ней, то заложит камнем, все выходы и входы обрекая ее тем самым на погибель.

Она не прекратила, что там да как случилось, уже никто не скажет, но факт остается фактом, по словам одного из свидетелей той истории, вышло, что в один из солнечных дней перепуганные каменщики из под палки, замуровывали последний вход, наблюдая как по лицу фон Фарго бегут дорожки слез, а из тьмы колодца доносится смех женщины. Она смеялась над ним, пообещав ему, что даже смерть и эти камни не смогут остановить ее. Так ли это, мы уже никогда не узнаем, но с тех пор, поколение за поколением той семьи безрезультатно пытались, чуть ли не три столетия кряду заделывать стену в колодец, которую возвел их покойный предок, но она раз за разом расходилась в кладке, открывая неизменно проход внутрь, толи отпуская красавицу

наружу, толи зазывая очередного гостя к себе в объятья.

— Вот такое вот начало у этой истории мальчики. — Спицы бывшей королевы продолжали монотонно отбивать дробь, кидая петлю за петлей на творимое таинство создания самого настоящего бабушкиного шарфика, либо же носка или шапочки, что иной раз можно принять за одно и то же. — Именно это мне и поведал, один специалист, которого все же сумел нанять граф. И что самое смешное, тому специалисту даже не понадобилось прибегать к своему искусству, достаточно было просто посидеть пару часов за хрониками в библиотечном архиве.

— Но специалист все же взялся за дело? — Сэр Дако явно нервничал.

— Нет. — Она покачала головой. — Специалист как ты хорошо наверно знаешь, все же женщина, а подобные истории в наших душах всегда находят благородную пищу для себя.

— Но как-то удалось же, молодому Раху законопатить ту дырку! — Высказался Гарич. — Не мог же простой ремесленник переплюнуть столько мастеров, часть из которых, бьюсь об заклад, на голову превосходили его!

— Согласен. — Кивнул Энтеми. — Ту барышню, не могли столетиями остановить, а тут какой-то мальчишка пришел и прикрыл ей дверку. Что-то здесь не сходится, как бы и в самом деле не обошлось без чьей-то помощи.

— Вообще, и сама эльфийка не очень вписывается в образ Белой Смерти, как-то не подпадает она под образ мстительницы. — Графиня отложила в сторону свой труд, поднявшись, разлив нам в опустевшие кружки заботливо чай. — Все это время эта история была одной из местных легенд. Ладельерра, как звали ее, стала своего рода, защитницей местных девчат, к ней туда бегали постоянно, словно к мощам святого, прося то помощи, то защиты, или совета. Многие верили, что она даже помогает. Думаю согласиться с капитаном, что-то случилось страшное, кто-то перешел границу дальше, чем это позволено живущим в этом мире, и не удивлюсь, что столь мощный призрак это дело чьих-то рук, а не просто ожившая и раздосадованная женщина.

— Некромант? — Произнес я то, что они упорно обходили стороной.

— Похоже. — Сер Дако вновь принялся нервно стучать пальцами по столу. — Не думаю, что нужно искать возвышенные мотивы, все наверно как всегда до одури просто, как удар топором. Рах нанял кого-то, а уж этот кто-то, то ли по причине неуплаты, либо же из других каких-то побуждений своей души, решил, что ему не нужны свидетели его труда. Возможно, Рах

сболтнул лишнего, что не говори, но подобные люди стараются оставаться в тени, по причине своей специфики.

— Если вы решили влезть в эту историю. — Графиня уселась в кресло, аккуратно придерживая кружку чая. — То считаю, просто необходимостью привлечение к этому вопросу, схожего по аналогии специалиста ко всей этой ситуации.

— Да. — Дако опустил голову. — Я поговорю с небезызвестной знакомой и попрошу у нее помощи.

— Ну а нам как быть? — Гарич любил четкость во всем.

— Как уже говорил, основную массу предлагаю разместить на работах в корпусе легионеров. — Я потер усталые глаза. — Самого Фаву с сыном, предлагаю все же разместить здесь в Лисьем. Парень, на мой взгляд, не жилец, но и зимой в телеге или палатке он не протянет долго. Еще раз потерять то чего, по моему мнению, он и не находил, для отца будет во сто крат тяжелее.

— Это опасно Ульрих, поверь моему опыту. — Сэр Дако поджал губы. — Я считаю, что призрак привязан все же не к артели в общем, а именно к роду Рах. Мы такой добротой ставим под удар себя и всех жителей замка.

— Понимаю. — Я согласно кивнул. — Но, парню нужен постоянный уход иначе до весны, по моему мнению, он не доживет.

— Ульрих эта доброта к тому, кто уже не с нами, пустая трата сил. — Взгляд бывшей королевы пригвоздил меня к месту, сканируя с головы до ног не хуже рентгена. — Возможно, исход юноши будет лишь избавлением, как для него, так и для окружающих. Все твои старания будут пустотой.

— Пустотой? — Я невольно улыбнулся. — В одном колесе тридцать спиц, но пользуются колесницей не из-за них, а из-за пустоты между ними. Кувшины делают из глины, но пользуются не глиной, а пустотой между ней. Так и дом строят, возводя стены, ставя двери и окна используя в пользу лишь пустоту меж них. Это польза пустоты. Мы не видим ее, мы не можем ее познать, но без этой пустоты нет жизни.

Все недоуменно и обескуражено уставились на меня. Ну да, до Лао-Цзы еще дорасти надо, да и вообще, заладили одно и тоже. Бросить на улице помирать того, кто даже моргать самостоятельно не может, это ребята выше моих сил.

— Вы мне тут про принципы меньшего зла не рассказывайте. — Я ответил графине вскинутой бровью на ее взгляд. — Знаю, проходили уже ваши международные принципы, где из двух зол выбирать нужно меньшее. Я другой человек, если есть два зла считаю своим долгом надавать по мусалам обоим, а

не сидеть и моргать по сторонам решая, куда пойти куда податься.

— Это конечно делает тебе честь. — Взгляд у Дако был не ласковый. — Но как же риск, как же быть людям в замке? Они то, за какие принципы пострадать должны?

— За принципы всеобщей любви и братства. — Фыркнул я. — И вообще, мелочь и женщин вполне можно перевезти в здание администрации Касприва. Кто боится, милости прошу с вещами на выход.

— Я думаю, тебе все же не стоит проявлять мягкость. — Вновь подала голос графиня.

— Человек входит в жизнь мягким и слабым, а умирает жестким и крепким. Жесткость и сила — спутники смерти! — Тут же выпалил я.

— Сынок послушай мудрых людей, что старше тебя. — Дако попытался воздеть многозначительно палец.

— Мудрый человек, не выставляет себя на свет, поэтому блестит; он не говорит о себе, поэтому он славен; он не прославляет себя, поэтому он заслужен; он не возвышает себя, поэтому он является старшим среди других. — Он что думает, что мой колодец уже пуст? Да у меня в свое время на кухне три года подряд висели отрывные календари с высказываниями мудрецов!

— Молодой человек, это, в конце концов, не прилично. — Нахмурила брови графиня.

— Когда потеряна истинная добродетель, является добродушие; когда потеряно добродушие, является справедливость; когда же потеряна справедливость, является приличие. Правила приличия — это только подобие правды и начало всякого беспорядка. — Да я их одним Лао-Цзы размажу по стенкам!

— Он что так и будет всю эту хренотень сидеть и нести нам до утра? — Графиня осуждающе уставилась на красного как вареный рак сэра Дако, являющегося фактически моим наставником. М-да, а бабуля то какова?

— Боюсь что так. — Старый маг устало подпер рукой голову. — Похоже, слову разума он следовать отказывается, целиком и полностью беря все на сердце.

— Тот, кто следует разуму, доит быка.

Умник будет в убытке наверняка!

В наше время, доходней валять дурака, ибо

Разум весь ваш, по цене чеснока.

А вот вам на, Омарушку нашего Хаямушку, чтоб жизнь медом не казалась.

— Пороть не пробовали? — Вновь обернулась ко мне

добродушная бабушка.

— Пробовали. — Хором ответили мужчины. — Не помогает.

* * *

Не знаю, кто именно, но кто-то подходил к Фаве пытаясь, давить на него, что бы он отказался от моего гостеприимства. Мне без разницы кто, все равно вышло, по-моему. Он только открыл рот, краснея и смущаясь, да отводя взгляд, чтобы отказаться, как я прямо в лоб ему дал: «Не доживет до весны, будешь слушать чужие слова».

Он, знал, я знал и все в округе знали, каждый, оставаясь при своем мнении. Вышло, так как решил я, парня расположили в соседних апартаментах вместе с отцом и престарелым Армусом в услужении, а так же приставленной для массовки стражей из моих гвардейцев.

Тогда старики разбойники решили давить на жалость, не отправив ни одного ребенка прочь из замка, ну да даже этот их финт ушами не возымел на меня действия. Называйте меня, как хотите, слабаком, нюней, размазней, но этот парень не издохнет как собака выброшенный на улицу под моими окнами, в то время как я, кутаясь в плед и попивая чай с ватрушками, буду прикрываться мыслями о неоправданном риске, глобальном потеплении и ценах на нефть. Вот такое вот я говно выросло, видимо плохо меня в детстве воспитали родители, да мало жизнь потерла в жерновах. Пороху сопляк не нюхал, да не знаю как оно чО по жизни.

Ребятню загнал в свои комнаты, всех и скопом, потихоньку обалдевая от шума, девчата не замолкали не на секундочку! Некоторые умудрялись даже во сне вполне четко произносить некоторые предложения из недосказанных за день слов! А те что по младше, ногами перебирали в постели, даже во сне оставаясь юла юлой. Дети есть дети, они всю эту историю восприняли как одно сплошное загадочное приключение, чуть ли не каждый раз заставляя меня рассказывать всю эту трагедию, театральным шепотом, с добавлением душещипательных отступлений и прочей брехни. Хорошо хоть перед рассказом на стульчик не просили забраться.

Весь Лисий превратился в одно большое дружное общежитие, вы не поверите, но умирать не хотел никто! Народ сбивался в комнаты, на зубок усвоив правило, призрак нападает только на одиночек.

Вообще не завидую призраку, вот уже была на исходе вторая

неделя, это путем простой математики примерно, трижды или даже четырежды он должен был собрать свою жатву, но увы, народ вел себя осмотрительно. Правда чуть бабушку на днях не пришлось отпевать, так уж получилось, что девчонкам полюбилась забава, напяливать на себя простыни по вечерам, и блукать хихикая и зловеще подвывая по коридорам замка. Этакие Касперы, хохотушки, да уж детям все не почем. Вот в один из таких вечеров они и набрели на графиню в сопровождении баронессы и неизменной спутницы Шель де Красс, выводя из большой игры бабулю, добавляя и без того в ее седую голову белых прядей. Ничего страшного с ней не случилось, старушка была словно из кремня, уже следующим утром вставляя всем пистон на право и на лево, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. В следствии чего, я чуть не ринулся расцеловывать ее увядшие уста, когда она волевым решением, приставила к моей гоп компании надзор в лице баронессы фон Каус и пышечки графини де Красс, не говоря уже о том, что рядом были всегда дети леса, красавицы Пенка и Молочко, близняшки, с довольно еще хорошо сохранившейся маман фон Пикскварр. Да уж, лесная волчица преображалась на глазах, превращаясь из измученной жизнью и бытом бедной женщины, в довольно привлекательную и пышногрудую красотку. Да у меня в этой компании по вечерам глаза на лоб лезли, и начинался нервный тик от всех тех прелестей и форм, которые открывались моему юношескому неокрепшему разуму.

Хех, а Герман то наш уже не брыкается! Мол фи, девчонки! Вот, тоже по вечерам сидит тихо рядышком, сглатывая слюну, видимо просыпается в нем хищник, ворочается с боку на бок самец, набирая обороты, заставляя, беспокойно шевелится хвостик в штанах. Ну да куда от природы денешься? Рано или поздно, всех накроет, правда не всех отпустит. Вон некоторых накрывает уже по прошествии чертовой прорвы лет. Вампиресса не отступала от меня не на шаг, то и дело, пытаясь завязать разговор на интересующую ее тему. Но к ее сожалению эта тема интересовала лишь ее не находя отклика в моем лице. Хотя стоит отдать ей должное, бесовка знала и умела давить подобно многотонной скале рухнувшей с вершин. Быстро войдя в дружеские отношения со всем наличествующим жен коллективом, она решительно и кардинально преобразилась, просто и до одури банально одев платье. Да, просто стянула с себя униформу, не одела штанов или куртки, она просто одела платье, сверкнув пару раз таинственно своими темными очами.

Вот тут то я и признал ее не как боевую машину смерти, не как молчаливого телохранителя, а как живую, горячую, красивую

и способную быть желанной женщину! В платье, этом извечном доспехе всего ее племени, где каждая складочка, каждый изгиб многовековой наступательный контур их чар, она действительно на уровне держала себя радом с остальными эффектно подчеркивая свою неординарность среди подобных.

Да, я кстати сказать неожиданно открыл среди них новый патент на старое доброе изобретение. Насисьник обыкновенный! Или как он там правильно называется? Лифчик? Не суть важно, главное, что я его быстро вроде как придумал. Местные как я уже говорил, до моего пришествия даже трусов не знали, мотая на бедра тряпочки, а тут я просто белке в глаз на излете за сто метров попал, так актуальна, оказывается эта часть гардероба.

Одно только жаль, придумать то я его придумал, а вот мерки на колпачки мне снять не дозволили, а я бы, между прочим, старался! С одной только госпожой Шель можно возится часа три, пытаясь то так, то эдак обхватить необъятное.

Но, не будем теребить… в общем теребить не будем, а вернемся к делам. Моя жена, с постной надменной физиономией лица, в сопровождении своей управляющей, так же была загнанна в мой вертеп, чем несказанно омрачила мне праздник жизни. С ее приходом наступила и настоящая зима. Первое утро как землю бархатным ковром кристаллической белизны лег снег, скрывая все углы и неровности, а так же пухлыми шапками укрывая ветви деревьев и крыши построек.

— Мой муж. — Серым бесцветным голосом отстраненно произнесла Нона присаживаясь как-то вечером рядом со мной.

— Мой жена. — Попытался таким же бесцветным голосом передразнить ее я.

— Правильно говорить; «моя жена». — Из-за ее плеча высунула свой нос ее управляющая леди Нимноу.

— Когда мне нужен будет совет, как разговаривать со своей женой я обязательно про вас вспомню сударыня. — Окинул я ее холодным взглядом. — А пока попрошу вас отойти на десять шагов назад и не лезть, куда вас не просят.

В лице поменялась не только она но и сама Нона, видимо они решили что пришло время для серьезного разговора, а для этого баронессе Когдейр видимо необходима помощь.

— Простите, барон но… — Начала была леди Нимноу.

— Прощаю, но по прежнему настоятельно рекомендую вам отойти подальше, во избежание осложнений при переговорах, которые вы тут удумали на пару вести со мной. — Постанывая ко, мне на руки взобрался енот Профессор, его мордочка была выбелена румянами, а шерсть вокруг ушей пестрела несколькими десятками маленьких, но аккуратных косичек, что делало его

похожим на печального клоуна, и Боба Марли одновременно. Мохнатым доставалось от детворы по полной и если Профессор в силу своей интеллектуальной состоятельности еще нет-нет, да и сбегал от них, то второму еноту Прапору, в силу его толстого зада это удавалось гораздо реже.

— И так баронесса, вы созрели для обстоятельного разговора со своим мужем. — Решил я помочь ей завязать разговор.

— Да! — Она собралась, поблескивая взглядом и сжимая кулаки. — Я бы хотела покинуть ваш замок, со своей управляющей, вернувшись к себе в земли!

— Нет. — Я успокаивающе поглаживал енота, платочком оттирая с его фыркающей мордочки румяна.

— Вы не понимаете! — Она, волнуясь, немного раскраснелась. Вообще преображение из барона в баронессу явно шло ей на пользу, в этом виде она гораздо милее мне. — Я буду помогать вам, управлять землями, вы же не сможете управлять сразу стольким, у вас и здесь полно дел, а я обязуюсь, часть с годового бюджета перечислять вам, так сказать как добропорядочная жена своему мужу!

— Нет. — На одних передних лапах, наконец, до меня добрался Прапор, так как на его толстую заднюю часть кто-то умудрился напялить кружевные с рюшечками трусы.

— Вы не понимаете! — Вновь попыталась она.

— Отнюдь сударыня. — Прапора пришлось спасать, освобождая его филейку из кружевного плена. — Я прекрасно вас понимаю.

— А по моему нет! — Губы поджаты в сплошную белую полосу.

— Ну, от чего же? — Порывшись в карманах, извлек горсть орешков, разделив их между мохнатыми братьями по несчастью. — Ваш муж вам не мил, более того, в какой-то мере противен. Вы льете слезы по ночам, так как вы не только проиграли какому-то малолетнему сопляку войну, но и еще и все свои земли, а так же свою свободу, свою жизнь, всю себя. Все то, что у вас было пока вы скрывались под личиной своего покойного брата.

Она молчала, на лице была смесь испуга и какой-то детской бесшабашности, что-то вроде: «Да это я разбил бабушкину вазу! А не фиг ее ставить, где не попадя!».

— Все я прекрасно понимаю Нона, но увы как и вы заложник ситуации. — Я погрозил пальцем Пестику, со своей рыжей товаркой одногодкой, пытающихся под прикрытием одеяла, добраться до наблюдающего за ними с ужасом в глазах Прапора. — Мы можем с вами как любить друг друга, так и

ненавидеть. Мы можем с вами разговаривать часами напролет или же молчать до конца наших жизней. Но вот одно чего мы не можем, так это теперь расстаться без особой воли на то короля.

— Но ведь формально то мы будем вместе! — Растерянно произнесла она. — Да и управлять там нужно кому-то.

— Все так, да не так. — Повозившись на столе, я налил баронессе кружечку чая, вручая ей в руки. — Вы ведь не слепая и наверно обратили внимание на небольшую седоволосую женщину, что поселилась в моем замке?

— Эм…Это вы про графиню де Кервье? — Нона захлопала удивленно ресницами.

— Да-да, именно про неё. — Я так же налил себе чашечку, вроде как ненароком столкнув со стола пару печенек своим мохнатикам. — Вы с леди Нимноу не думали на досуге, почему после свадьбы эта леди все еще находится здесь?

— Ну-у-у…Не знаю. — Во взгляде просматривался интерес, похоже, все же я где-то как-то, но располагал эту особу к себе. По крайней мере, ей интересно беседовать со мной.

— Ну, раз вы не знаете, то я возьму на себя смелость и просвещу вас, в силу своих скудных предположений и познаний нашей внутренней политики земель. — Откинувшись на спинку кресла, поймал на себе сердитый взгляд Тины, делающей вид, что с интересом выслушивает истории сидящей рядом де Красс. — Эта милая старушка находится здесь для того, что бы ваш покорный слуга барон Ульрих фон Рингмар, одной из темных ночей не отправил на тот свет свою молодую жену Нону фон Когдейр, тем самым навсегда присоединив к себе все ее земли.

Нона побледнела, а за ней и я следом, так как из-за плеча в это время спокойненько так выплыла Вальери де Кервье, совершенно невозмутимо присаживаясь рядом и позвякивая чайничком на столе.

— Вполне себе разумное предположение дочка. — Старушка кивнула баронессе, махнув на меня ладошкой. — Сей муж не по годам трезвые мысли иной раз высказывает. Даже любопытно мне старой стало послушать, что же дальше он осмелится тебе милая поведать.

— Дальше? — Можно было конечно начать паниковать и выкручиваться, но не поверите, мне было тупо лень. — Дальше то и начинается политика. Кто такой этот Рингмар? Да никто, по сути пока, а вот кто такой будет Рингмар после смерти жены? Не морщите, лоб милая, этот Рингмар после вашей смерти станет без пяти минут графом. — Я отпил чая наблюдая за носящимися по комнате детьми. — Де Миртов еще лет пять не будет на политической арене, да и сам наследник, непонятно по каким

причинам находится в руках барона. Его заядлый враг и один из самых богатейших баронов в графстве повержен, а вследствие последних событий и присоединен к его землям. По непонятным условностям поддерживается Кемгербальдами и наследниками Гердскольдов, а по некоторым данным еще и сестрой ныне властвующего барона Пикскварa. Все это неожиданно толсто и жирно подчеркивает статус молодого барона, указывая королю на него перстом на котором недвусмысленно можно прочесть лишь одно слово.

— К-какое? — Запнулась баронесса.

— Опасайся. — Улыбнулся я, отвесив поклон старой королеве.

— Ну-у-у… — Протянула графиня, возвращая мне улыбку. — Не то что бы «опасайся», но, по крайней мере «не проморгай» — точно.

— Так что, дорогая моя жена, быть нам с тобой вместе. — Я пристально вгляделся в прямую и серьезную старушку, ожидая ее реакцию. — По крайней мере, еще год, до главного бала в столице, где со мной наверняка пожелают познакомиться, несколько влиятельных персон, что бы оценить, что же это за птица то такая новый барон фон Рингмар. И если что с чем его едят, а то мало ли, может полусладкое будет гораздо уместней сухого вина к этому блюду.

— Я бы порекомендовала повару, побольше перца насыпать на язык этой птичке. — Рассмеялась де Кервье.

— Лишь бы яблочко не всунули, куда по глубже. — Так же рассмеялся я.

— Но, это лишь одна сторона. — Графиня вновь посерьезнела. — Мы ведь не забываем о молодой жене барона? Ей то, что делать, к чему готовится?

— Пожалуй, эта часть будет для меня интересней. — Фыркнула Нона, отставляя, пустую чашку.

— А ей предстоит готовиться, управлять двумя баронствами сразу. — Я тоже поставил на стол свою чашку. — Рингмар, не всегда будет здесь, он уже не принадлежит сам себе, скоро он уйдет на обучение в академию, а потом вообще неизвестно куда, а кому-то бес сомнения придется за всем этим присматривать.

— Что?! — Нона удивленно вскрикнула широко раскрыв глаза.

— Тише девочка, на тебя люди смотрят. — Графиня кивала своим мыслям. — Думаешь, она справится?

— Посмотрим. — Я пожал плечами. — Время еще есть, подтяну ее, поучу, что-то расскажу. В конце концов, ее всегда можно сплавить в какой-нибудь уединенный монастырь, с глаз

долой.

— Как в монастырь?! — У баронессы задрожали губы.

— Ну да, ну да. — Задумчиво покивала головой де Кервье. — Значит так девочка, собирайся с мыслями и берись за ум, слушай, что тебе будет говорить твой муж. О своих планах вернутся в Когдейр, забудь навсегда, твой дом теперь здесь. Твоей жизни ничего не угрожает, а вот как ты ее проживешь, уже будет зависеть от того, правильно ли ты все поняла и сделала.

Мы сидели каждый, размышляя о своем, а я еще и распутывая косички у енотов. Все не просто, все не просто так.

* * *

Призрак все же убил. Один из слуг самостоятельно решил спуститься вечером в подвал за провиантом, где его и нашли по утру. А потом призрак убил одного из конюхов задолго до рассвета, решившего покормить лошадей. Потом одну из кухарок. Люди, расслабившись от двух недель мнимой безопасности, давали слабину и по привычке считали, что смерть это то, что бывает с другими.

Мы с сэром Дако каждый по отдельности перелопачивали его библиотеку, по крупицам собирая знания, по этому вопросу, то так, то эдак, прокручивая возможные варианты противодействия, в ожидании, когда к нам наконец-то приедут специалисты, что с трудом продирались через снежные заносы, необычайно пышного снега для начала зимы.

Этот труд принес нам лишь поверхностные знания, совершенно не проливая свет на решение вопроса, впрочем, скучать, не приходилось. Моя супруга взялась за учебу рьяно и с каким-то внутренним остервенением, подолгу проводя со мной время за рабочим столом, где я учил ее самостоятельно, хотя бы тупо подбивать расход-приход, или же в моем сопровождении присутствовать при судебных тяжбах. Надо все-таки похвалить ее, девушка уже через пару дней бегло называла номера указов и статей из моего кодекса и даже к моему стыду указала пальчиком на одну из моих огрех. Я банально в разных сводах противоречил сам себе, от чего могла возникнуть путаница, но пока благодаря либо случаю, либо банальному стечению обстоятельств, этого не произошло.

Она словно рыба в воде, чувствовала себя в юриспруденции, по долгу вынося мне мозг моим же писанием, выдавая тут же на память общие указы по королевству. Одно радовало, в общем и целом, она оказалась продвинутым человеком с ходу уловившим все выгоды и плюсы моих реформ, от чего стала не обузой, а даже тем импульсом, что наоборот подстегнул меня к работе, так как эту сферу я забросил, уходя больше в экономические дебри финансовой стороны.

Зима располагала к труду за столом, а наш союз нашел отклик в реформах, указах, общем стратегическом планировании, а так же расчетах, выкладках и приблизительных прогнозах на основе собираемой информации за прошедшие года.

Со скрипом, и с большой натяжкой можно было бы даже сказать, что мы даже в какой-то мере сдружились. М-да уж,

смешно наверно звучит, сдружились с женой? Ну да я считаю это всяко уже лучше того, что было. Продолжайся все по старому, и мы бы жизнь прожили, не обмолвившись друг с другом словом.

Засев за давно откладываемый труд по созданию полиции, а так же написания уголовного кодекса, не то что с облегчением, а с радостью принял ее помощь. Она даже кинула в меня чернильницей, вот как близко мы сошлись! Просто я человек такой, любого довожу до белого каления. Зато в споре у нас получался вполне приемлемый труд, причем достойный, как с моей точки зрения, так и со стороны так сказать местных аборигенов. Вообще даже подумать страшно, как бы я пытался связать три свода законов, с четвертым при этом выстраивая шкалу взаимодействия служб. Внутренняя стража, та что выполняет функции охраны города, полностью реконструировалась мной. Это даже смешно, но по ночам стража тут спит. Нет ни графиков дежурств, нет какого-то централизованного управления, не говоря уже о базах данных и следственных группах. Здесь если не поймали на месте преступления, то уже скорей всего не поймают никогда. Тут мировым судом по-прежнему считают суд чести, кто кого заколол на дуэли тот, стало быть и прав.

Денежка благодаря моему браку с госпожой Когдейр, теперь у меня была на руках солидная. Ну, в самом деле, не возвращать же мне честно награбленное жене? Оно теперь без всяких условностей и так мое.

Итак, по мимо униформы, табели о рангах, окладов и укомплектации вооружения и прочего инвентаря, полиция делилась на службу безопасности, отделение отвечающее за охрану тех или иных объектов, а так же сопровождение, конвой и надзор тюремного заключения. Далее патрульно-постовую службу, в чьем ведении был надзор правопорядка на улицах, постоянный круглосуточный надзор и обход территории, а так же выход, оцепление на место преступления. Ну и третья служба естественно следственно розыскной отдел. Здесь у меня будут группы следователей, дознавателей, усиленные оперативниками. Все это прекрасно, но сами понимаете, все эти люди по странному стечению обстоятельств хотят кушать, а некоторые даже имеют наглость заявлять о том, что неплохо бы за их труд еще и платить.

Помучавшись как-то день и ночь до рассвета за расчетами, отдали эту сторону медали сквайру Энтеми с его помощницей леди Нимноу. Эти люди калькуляторы за пол дня на переменных и статистике подбили нам бюджет всей структуры. Вот и думай после этого кто тут варвар. Я первое время вообще-то хотел

рассчитать леди Нимноу и отправить на покой, но понаблюдав за слаженным трудом и вполне адекватными решениями в паре с сквайром, решил, что подобными кадрами не стоит просто так разбрасываться.

С Ноной, я шаг за шагом проходился по всем аспектам устройства моего управления, не знаю нужно ли все это будет мне в будущем, но уж точно все бросать на самотек я не собираюсь. Тут ведь будущее у меня размыто и туманно, сколько мне до академии осталось? Года четыре может пять, а потом что? Дадут ли мне откупится от ярма, пожизненной службы короне? Или как в том мультике скажут: «такая скотина нужна самому?». Вот у меня перед глазами яркий пример жизни рядового мага, а именно сэр Дако. Отучился, отвоевал, а потом в почетном чине защитника был отправлен на тогдашнюю границу, в никому неизвестный замок приглядывать за никому не нужным местечковым баронством.

Хочу ли я такого будущего? Не знаю, с одной стороны вроде и при делах, а на практике можешь послать всех к черту занимаясь чем угодно, лишь время, от времени отсылая отчеты и одним глазом приглядывая за нерадивыми, что б уж совсем не поубивали друг друга. А с другой стороны, вроде как шаг влево шаг вправо попытка к бегству. Жесткая привязка, жесткая граница между нельзя и можно. Это я без разрешения ни в Турцию, ни в Египет на отдых не слетаю. Да и понравилось мне что-то быть в должности власть держащего, тут не буду кривить душой отнекиваясь, я радуюсь каждому дню, проведенному в заботах о своей земле и своих людях. Ну и надеюсь, что мои труды не напрасны, кто-то когда-то может, помянет меня добрым словом.

О своем будущем решил не загадывать наперед, лишь для верности, как говорится подложить соломки в то место, куда возможно упаду. Деньги, деньги, все они проклятые, без них никуда, стану ли я магом при короне или беглецом от короны, буду ли я защитником в какой-нибудь Тмутаракани. Или же буду нежиться на песчаном лазурном берегу под лучами южного солнца в панаме из пальмовых листьев, именно деньги не дадут мне чувствовать себя потерянным и зависимым от чьих-то решений. Я могу легко отказаться от власти, у меня есть интерес в жизни куда больший, это магия, но вот даже с ней, ты не будешь чувствовать себя комфортно, не имея за душой и гроша.

Как один из вариантов, я естественно рассматривал и банальный побег со сменой в очередной раз имени. Уж где-где, а в этом мире отсутствия паспортов, не думаю что это станет совсем уж тяжелой проблемой. Нет, искать, конечно будут, и если найдут мало не покажется, но для начала найдите. Эх, хорошо бы

было перевести часть капитала на Каймановы острова, но к сожалению в этом мире не Каймановых островов ни банков нет.

Может банк создать да в ростовщики податься?

— Нона! — Заорал я сидя в одиночестве за своим столом и тут же прикрывая испуганно рот, так как час был поздний и кругом спали дети.

А ведь действительно, почему не создать банк? Идея то простая как щелчок пальцев по лбу. Капитал начальный у меня ого-го, а к должникам всегда в дверь может постучатся первый пехотный полк легиона! Аккуратненько так в дверку «поскребстись» и спросить: «Вы там случайно за пеню не забыли?».

Словно пантера в клетке я заметался по комнате, бесшумно натыкаясь в полутьме на табуретки и углы мебели. Ну, привычка у меня такая, когда думаю и обсасываю идею бегаю туда сюда по кабинету.

— Улич, иди спи бесноватый! — На диванчике сонно заворчал Герман. — Достал уже со своими ночными посиделками, вали в коридор или каминную, там свои конные бега устраивай!

Варвары, у меня тут идеи бурлят, я тут гениальными мыслями брызжу, а они спать удумали. В сопровождении братьев меньших, так же как и я страдающих ночными бдениями, и сграбастав за пазуху с чайного столика всевозможные плюшки, выдвинулся к выходу из покоев, перешагивая по пути спящих людей. Ну, или стараясь, по крайней мере, сильно их не топтать.

— Ой!

— Ай!

— Улич, что б тебя разорвало!

Да сколько вас тут елки моталки?! С горем пополам добрался до выхода, открывая дверь и выходя, прочь, прямо в объятия стоящего там привидения. Да-да, опять видимо девчонки балуются, в этот раз хоть дырки в простынях не вырезали, так даже в белом платье они по страшней будут.

«За что?» Тихо так начал стонать доморощенный полтергейст, протягивая ко мне руки.

— Не за просто так видимо. — Буркнул я, всунув в руку призраку творожную ватрушку. — Ты бы со своими подружками спать шла, пока опять на графиню не нарвались.

Обойдя этого сборщика ватрушек недоуменно разглядывающего, свой презент, неспешно проследовал в низ в зал, где на столе раскидал свои припасы, с наслаждением предвкушая ночь под сенью музы, со сладким остервенением раскрывая приложения Мака, для работы с документами и принимаясь за работу.

Так, стоп. Что-то не так, что-то меня тревожит, словно я упустил какую-то деталь или о чем-то забыл. Еноты на месте, пирожки, пирожное взял, что я хотел еще? Нону позвать? Нет, пусть спит и так девочка тол тонны знаний за раз переваривает, пусть отдохнет. Что же тогда? Призрак… Что с ним не так? Ешкин кот! А кому я сейчас вручил ватрушку, пробегая по верхнему этажу?! Для рыжулек и Пестика слишком высокая, Деметра тоньше будет, Нона бы не стала подобным баловаться, не говоря уже о прочих баронессах и графинях, что остается? Пенка с Молочком? Так они блондиночки, а у этой черные волосы развевались. Стоп, как это волосы могли развеваться, словно на ветру в закрытом помещении? Или это и в самом деле была она?! Белая Смерть стояла у меня под дверью в покои?! Да ну, не может быть, я бы сразу ее узнал…наверно. Не, не может быть.

Меня пробил холодный пот с головы до ног. Мать чесная! Да зная себя я не то что призрака, Деда Мороза бы прошел не узнал! Опрокинув стул, вихрем подорвался на ноги, с бешено колотящимся сердцем перепрыгивая через ступеньки и несясь по лестнице назад в комнаты. Лишь бы успеть шептал я, запыхавшись и с трудом сглатывая воздух, лишь бы беды не случилось! Вот же дурак, она убивать пришла, а я ей пирожок всунул!

Влетев на этаж, стал дико пялится по сторонам в полумраке перед дверями, масляных ламп на этаже было не много так что они не столько рассеивали мрак сколько подчеркивали его густоту. Неужели не успел и она уже внутри?!

Краем глаза уловил в конце коридора какое-то смутное размытое движение, едва уловимую игру теней. Кто-то крался, там скрываясь и стараясь не попадать на свет. Мак услужливо вывел параметры притаившейся фигуры в тени, обрисовывая тонкую фигуру явно принадлежащую даме.

— Hände hoch! — Взревел я трубным голосом, в конце неожиданно давая «петуха». Проклятое взросление, весь эффект насмарку.

Эльфийскую руну света я залепил на стену в считанную секунду, явно переборщив с энергоканалом, от чего свет ударил с такой силой, что наверно ослепил даже тех, кто спал за стенкой. Благо у меня еще в наличие есть глаза Мака, показавшего, что фигура вместо попытки к бегству неожиданно ринулась ко мне! Ну, товарищ призрак это вы зря! По коридору устремились один за другим с гулом от пожираемого кислорода три огнешара, обдавая стены жаром. Но Мак, показал что фигура обладает параметрами настоящего акробата, с грацией, которой бы позавидовали кошки, она ушла от опасности, продолжив свое

приближение в мою сторону. Эх мать, раззудись рука размахнись плечо! Выручай меня мастер Эббуз, не зря же я столько времени изучал твои труды? В дело пошли кулаки тараны, а следом смертельные лезвия, выбивающие крошку из каменных стен коридора и гулко бухая в стену, в самом конце. Фигура заметалась из стороны в сторону, с завидной грацией уходя от каждого из моих заклинаний! Это даже пугало! Нас разделяли считанные метры, в каком-то диком прыжке росчерком черной молнии таинственная фигура врезалась в меня, правда тут же отброшенная защитным коконом, но и меня, сбивая с ног энерцией. Мы кубарем полетели по коридору, немного привыкнув к свету, взглядом выхватил два кинжала в руках у своего оппонента. Длинные обоюдоострые клинки тусклой стали, каждый размером не меньше локтя длинной. Это мне повезло, что Мак на автомате выставил щит, с этой безумной скоростью, я бы просто физически не успел бы среагировать адекватно. Торчали бы сейчас эти клыки из моей бездыханной тушки.

Молодая, подтянутая девушка с иссиня черными волосами, туго сплетенными в толстую косу, тяжело дыша, поднималась с пола, с опасной грацией занимая какую-то низкую бойцовую стойку, вновь направляя на меня свое смертоносное оружие. От ее фигуры и прищура темных глаз веяло профессионализмом, тренированного бойца, минимум движений максимум эффективности. Подобную стремительность показывала фон Каус, гоняя меня с мечом на тренировках.

Я не успел сказать даже: «Какого черта?», как она вновь бросилась на меня, в прыжке ударяя по щиту ногами, от чего я опять распластался на полу. Потом еще и еще, она, всем телом ударяясь о щит, теснила меня из узкого коридора, тупо выталкивая к лестничному балкону. Проклятую фурию лишь смогло остановить кольцо Прая, бешеной стихией, огненным столбом разделив нас по разные стороны.

— Что здесь происходит?! — По лестнице взбирался сэр Дако в сопровождении чуть ли не всей замковой стражи. — Барон, что вы не поделили с леди Шернье?

— А? — Захлопал я ресницами, сбивая пламя заклинания. — Кто такая?

— Что значит кто такая? — В свою очередь удивленно на меня воззрился маг. — Тебе же леди должны были представить ее!

— А мы и представили! — Из-за двери выглядывали головки, чуть ли не всех леди, что обитали в моих покоях. — Но он в бумажки закопался и когда мы ее представляли, сказал: «Хорошо положите на стол, я потом посмотрю!».

— Что?! — Взревел Дако.

— Не может быть! — Тут же попытался отмазаться я. Сто раз же говорил, когда я занят, я занят целиком и не могу отвлекаться! — И вообще я тут, между прочим, призрака отгонял!

— Ты его плюшками кормил, а не отгонял! — Подала голос таинственная и стремительно опасная леди. — Я все видела!

В зале повисла тишина, я просто физически ощутил, как глаза всех присутствующих грузом осуждения повисли на моих хрупких плечах.

— Ой, да ладно! — Я попытался сделать хорошую мину при плохой игре. — С кем не бывает? Вы что никогда призраков не путали и не угощали их ватрушками?

После этой фразы я понял, что как минимум до конца жизни, а то и на долгие века прославил себя, многочисленными анекдотами и героическими балладами, не говоря уж о других разных досужих домыслах, чем на самом деле занимался рассеянный барон с давно умершей женщиной. Ну задумался человек, немного уйдя в свои мысли, ну перепутал немного, что ж вы все так удивленно смотрите на меня? Хотя самому стало стыдно, да и на эту непонятную леди получается, непонятно зачем напал.

— Эм-м. — Вновь подал голос я. — Раз уж все собрались, может, представите таинственную незнакомку?

— Леди Альва Шернье. — Девушка сама вышла вперед, учтиво приседая в легком поклоне. — Маршал ордена бестиаров, прибыла к вам в замок по просьбе сэра Гарича Ол`Рока, что бы оказать вам посильную помощь в избавлении от призрака.

— Слава богам ты хоть на некроманта не успел напасть! — Прошипел на меня Дако, не лицеприятно отвешивая подзатыльник.

— О! — Удивился я. — И он уже здесь в замке?

— Тудыть тебя растудыть! — Поджал губы старик.

* * *

Следующим утром в кабинете у Дако собрались все, обсуждая ночные приключения, знакомясь и обговаривая планы на перспективу, ну и как уже водится то и дело, поглядывая на меня толи с осуждением, толи, проверяя, не удумал ли я очередную какую проказу.

Леди Альва, при свете дня в пышном платье выглядела очень даже женственно, впрочем побьюсь об заклад, от этого она не перестала быть менее опасна. Это ж надо же она меня в моем

коконе защитном чуть до лестницы не до пинала. Тоже мне футболистка выискалась.

Но наиболее интересной фигурой была вторая бабушка, та, что уже не экс королева, а седоволосый маленький сухонький комок в сером невзрачном платьице. Пройди на улице мимо такой и не приметишь, не поймешь, что это могущественный и ужасный, тайно сокрытый и вообще до одурения зашифрованный некромант. О чьей профессии тут принято говорить лишь шепотом и с оглядкой по сторонам.

Вообще бабушки вроде как и не участвовали в разговоре, они сидели в сторонке у окна подслеповато разглядывая по вязанному шедевру у себя в руках то и дело давая друг другу какие-то непонятные советы по вопросу какую петельку как лучше накинуть. Что тут скажешь? Бабушки они как и дедушки, только бабушки и со спицами. Запутанно? Зато по существу. Это мой Дако дед не дед а конь с…м-м-м…в общем коник такой живенький. А бабульки, они степенней, монументальней если хотите, не ходят, не шкандыбают, а словно плывут. Солидные мне достались бабушки, одна бывшая королева, а вторая не бывшая некромант. Милана Хенгельман, наш некромант, помимо своей непритязательной внешности еще и обладала тихим убаюкивающим голосом, при всем при этом имея мимические морщинки в углу глаз свидетельствующие о том, что она человек улыбчивый и смешливый.

— Ты можешь еще раз по человечески объяснить, что именно ты делал ночью с призраком? — Сэр Дако сидел, обхватив голову руками.

— Я же говорю вам, шел в общий зал, так как из моего рабочего кабинета выгнали. — Опять начал я. — Выхожу в коридор, там стоит эта, что-то гундосит, я думал девочки опять балуются всунул ей ватрушку и дальше по делам пошел.

— И она на тебя не напала и ничего не пыталась сделать? — Удивленно спросил Дако.

— Да она наверно до сих пор в шоке. — Рассмеялась леди Шернье, поддержанная Хенгельман. — Призрачные проявления питаются страхом, преобразуя эмоциональный всплеск в энергетическую основу, за счет этого и происходит построение всех их проявлений. А тут мало того что она материализовалась выйдя на затраты, так вместо страха ей булку с творогом всунули, мол дуй давай отседова, мне некогда. Она не то что пищи не получила, он ее своим проявлением отбросил в такие глубины голода и энергозатрат, что боюсь ей не одна неделя понадобится на восстановление.

— То есть вы хотите сказать, если не боятся, то призрак сам

рассеется? — С интересом слушал я ее ликбез.

— Ну, это в идеале. — Подала голос бабушка некромант. — А на практике, обычно даже самые бесстрашные не в состоянии контролировать свой эмоциональный фон, и дело тут даже не в выдержке и силе воли, тут банальная химия, в кровь поступают элементы вызывающие то или иное состояние в независимости от пожеланий разума.

Короче адреналина полные штаны, подытожил я для себя их краткий экскурс. Ничто не ново под луной, все что мы чувствуем, любовь, ненависть, все наши страхи и переживания не более чем химические процессы вызванные реакцией в крови. Только люди разные. Помню, даже одно время анекдот был популярный в сети, когда двое разговаривают: «Физик, изучающий атомы — это просто кучка атомов, которые пытаются осознать самих себя. Постой, но биологи же, утверждают, что мы состоим из клеток! Биологи состоят из клеток, а физики из атомов, боже мой, это же элементарно, чему вас только в школе теперь учат?!».

— Подведя итог можно охарактеризовать это проявление как своего рода энергетический вампир? — Спросил я Хенгельман.

— Можно сынок, можно. — Бабуля выбивала спицами чечетку, под недремлющим оком своей старой товарки.

— Что мы можем сделать, что бы развоплотить ее? — По существу спросил старый маг.

— Ну, перво-наперво, я изготовлю и развешу по замку уловители и блокаторы тонких энергетических структур, что не полностью, но изрядно затруднит сбор пищи для призрака. — Она отвлеклась, задумчиво разглядывая то нас, то свое детище. — Госпоже маршалу, предстоят дежурства с пресечением всевозможных потуг призрака материализоваться, о деструктивных свойствах элементов, таких как железо хладное и каменная соль, думаю, все наслышаны, а уж в ордене бестиаров так еще и обучены.

Они кивнули, друг дружке каждая не без тени некоторого превосходства, вроде бы и одно дело делают, но по идее на разных фронтах и по разную сторону.

— Но это все лишь детский лепет. — Хмыкнула она. — Я вам официально, с высоты всего своего опыта заявляю, эту вашу Белую Смерть истощением не остановить.

Призраки бывают двух типов, с ее слов. Каждое проявление и материализация энергии оформляется и подчиняется той или иной заданной программой. То есть на самом деле, это не думающая и не реальная когда то личность, это не умерший человек, это его эмоция оформленная программой действия с компонентом энергетических узлов, в которых естественно есть

подпитка, материально-визуальная часть, ряд физических проявлений, допустим толчок, или понижение температуры либо же какой-то звуковой эффект. Некромант, вылавливает эмоцию, как правило самой сильной является предсмертная, и по своему вкусу свивает вокруг нее каркас, наделяя то самое последнее чувство ногами, руками, глазами и всем, что только его душе будет угодно. Почему эмоция? Да потому что здесь не умеют еще писать заданные команды, процессором и катализатором призрака, его функцией будет жажда допустим если человек умирал от обезвоживания, голод, ненависть, страх, боль, все то что заставит выполнять каркас определенные команды. Из которых под подобными эмоциями проще всего выполнять команду «иди убей», высоси его досуха, сожри его, заставь в страхе остановится сердце. Вся эта структура из жгутов тонкой материи питается, привязывается, к определенному субъекту, которого необходимо убить, либо же к определенному месту, дабы его оградить от постороннего доступа, в общем, в зависимости от необходимости специалист делает либо убийцу, либо стража, ну или при определенных условиях и пойманных эмоциях ушедших людей возможен вариант создания слуги.

Подобные призраки именуются искусственными, в них есть даже какой-то минимальный объем знаний, оставленных давно умершим человеком, все это хоть и относится к высшей некромантии, вполне практикуется и посей день, но вот к нашему случаю это не относится.

Бабуля тяжело вздохнула и поведала нам о высших материях находящихся за пределами человеческих сил. Мы маги, можем оперировать бесконечным движением материи вселенной, черпая из нее свои силы, мы можем по своему желанию вызывать жар или холод, даже сдвигать горы и управлять небесным океаном аэра. Те же некроманты способны улавливать тонкие токи, считывая эмоции тех кого уже в помине нет, заглядывая за грань бытия, но есть еще что-то о чем нам могут поведать лишь жрецы, есть что-то в этом мире, какая-то крупица, маленькая частичка от божественного. Не базон Хиггса, а именно Частичка Бога, проявления чистого чуда, то, что невозможно объяснить и элементом этого чуда и является Белая Смерть.

— Дело в том что, этот призрак не привязка и не слуга некроманта. — Покряхтывая, Милана Хенгельман встала, наливая себе в чашечку порцию чая. — Это чистая эманация смерти, это настолько сильная эмоция, это настолько сильная боль, что она сама свила вокруг себя жгуты энергии, она сама себя вскормила и вернула в мир живых. Подобные случаи за тысячелетия можно на пальцах одной руки сосчитать. Это не магия, это расплата за

грехи. Некромантам не подвластны подобные силы, когда-то давно говорят было направление малефиков, чистого учения, науки которой не могли понять даже дьёсальфы отцы тонких структур, но, увы, к нашим дням трудов по этой практике почти не сохранилось. Это призрак естественного происхождения, я даже не берусь утверждать эмоция ли это, я не знаю.

— То есть, вы хотите сказать, что наш призрак самый что ни на есть призрак, а не чьих-то рук дело? — Я поддержал ее, так же встав и налив себе чая. — Но ведь есть способ борьбы с ним? Не можем же мы просто опустить руки?

— Нужен первоисточник. — Хенгельман села на место. — Первопричина, любые структуры подобных материй не могут жить без привязки, это может быть все что угодно, человек, может предмет, избавившись от которого вы избавитесь от призрака.

— Я думаю это юноша, он привязка для этого чудовища в этом мире. — Бывшая королева не любила ходить вокруг да около. — Только он остался жив, из тех мастеров что заделывали склеп!

— Не факт! — Встал на мою защиту Дако. — Там еще столяр был, что сейчас при них в комнатах слугой, он-то тоже живой.

— Он живой, потому что призраку наплевать на него! — Фыркнула де Кервье. — Белая Смерть не последовала за ним, она осталась ждать, когда юноша останется один, чего собственно и дождалась.

— Думаю, графиня права, но не в том, что все закончится на юноше, а в том, что все началось с него. — Подала голос леди Альва. — Он что-то сделал, и если мы первоначально все думали, что банально нанял какого-то специалиста, то теперь выясняется, что делал он это сам без чьей-либо помощи.

— Мог ли человек не прошедший инициализации в маги, что-то сотворить, что бы смогло связать энергию? — Адресовал я вопрос сразу Дако и Хенгельман.

— С моей колокольни нет. — Покачал головой Дако.

— В некромантии так же нет. — Поддержала его старушка. — Но как я уже говорила, к некромантии данный случай не относится. Нужно расспрашивать его отца и того кто остался в живых из тех работников. Вы знаете, как много среди разных родов есть семейных проклятий, считалочек-выручалочек, заветов и правил, а иногда тупых примет, что передаются из поколения в поколение? Да почти у каждого аристократического рода, с горем пополам переваливших за двести триста лет истории. Не берусь утверждать, но возможно и в роду Рах было что-то? Может от друидов или жрецов, может амулет какой, любая мелочь могла склонить ту чашу весов что стала ключом для призрака.

— Меня еще один вопрос беспокоит. — Альва Шернье поерзала в своем кресле. — Все ли здесь уверенны что Белая Смерть это та самая эльфийка Ладельерра?

— А что не так? — Спросил я.

— Да в этой истории все не так. — Недовольно выступила Вальери де Кервье. — Я уже говорила, и повторюсь покойная Ладельерра в тех местах чуть ли не святая, а Белая Смерть мало того что убивает, так еще судя по описанию имеет ужасный лик.

— Ну, при первой нашей встречи так и было. — Я попытался припомнить детали. — А вот при второй, не было никакой худобы и черепов, просто бледная и изможденная, вроде бы так.

— Возможно это стадии. — Кивнули на пару бестиар и некромант. — Видимо есть лик предсмертный и образ посмертный.

— О чем это может говорить? — Я погладил одного из спящих енотов.

— Похоже, смерть этой женщины была от истощения. — Пожала плечами Альва.

— Так же погибла и ваша святая, судя по историческому экскурсу. — Пришлось встать, чтоб долить еще чая. — Но оспаривать ваши сомнения не берусь, так как и сам прекрасно вижу, что не все в этой истории на виду, слишком много сокрыто и единственный свидетель тех событий сейчас сам больше мертв чем жив.

— Ему действительно невозможно помочь? — Сквайр Энтеми явно чувствовал себя не в своей тарелке. — Может нам нанять лекаря или может мага менталиста? Я слышал, что подобные специалисты могут вытаскивать нужные знания из самых упрямых голов.

Все присутствующие с недоумением уставились на него, каждый находя отклик понимания в его словах, но заставляя смущаться от такого внимания этого мужчину. Я сам должен был его осмотреть, да я уже видел его, но ведь мельком, лишь взглянул бегло, а может быть и вправду есть шанс? Да и Дако должен был догадаться о менталисте, впрочем, нам возможно и вызывать никого не надо, граф Десмос папочка вампиров, с его же слов сам вполне может неплохо прочитать открытый разум. Он конечно не высокого ранга специалист в этой области магии, но в эмпатии я его не раз уличал, да и много ли надо, что бы проникнуть в спящий разум совершенно безвольного человека?

— Господин Энтеми! — Я подскочил на кресле. — Вы гений чистой воды, если б не ваша борода я бы расцеловал вас!

В комнате раздались смешки, от чего сквайр еще больше засмущался, наливаясь краской. Больше обсуждений в тот день не

было. Да мне и некогда было, оставшийся день я провел в комнате Рахов, отгоняя путающегося под ногами отца, всячески пытаясь прощупать, прослушать, а иной раз чего отковырнуть или резануть по телу его сына. Было печально, во-первых, то, что я не мог выполнить простейшие анализы, а во-вторых, общая запущенность больного.

Промучившись еще какое-то время, покинул покои так сказать пациента, направляя свой путь в замковое подземелье, что стало вотчиной и апартаментами, а так же домом для моего старого знакомца графа Десмоса. Граф он или нет на самом деле, мне без разницы, сейчас для меня главное, что этот морф является самым старым вампиром в моем клане, и пусть он не в лучшей своей форме после проведения боевых действий, но меж тем вполне разумная личность, не обделенная рядом так нужных мне сейчас свойств.

— Вечер добрый граф! — Поприветствовал я его с порога.

— Надеюсь, господин барон, надеюсь! — Он был в сознании, лишь изредка впадая в сон, пищей же ему служила свиная кровь, доставляемая в избытке. Культи рук и ног белели свежими бинтами, медленно, но верно его организм восстанавливал отсеченные в битве конечности, от чего можно было впасть в прострацию. Это было потрясающе, росла не только мышечная, но и костная ткань! Вообще интересные они тварюшки эти вампиры, их бы по уму разложить по косточкам, да разобрать по пробирочкам им же цены бы не было. Ну да все еще впереди, может я еще поработаю с их материалом, мне б только оборудования для работы побольше, а то стыдно признать до сих пор не то что микроскопа, подзорной трубы не имею.

— Зная вас, могу предположить, что вам вновь понадобился ваш преданный слуга, ну или то, что от него осталось. — По красивому лицу этого брюнета расплылась улыбка. — Надеюсь того что осталось вам хватит?

— Ах бросьте граф, останься от вас одна голова и того было бы достаточно, зная вас и ваш проницательный ум. — Рассмеялся я.

— Вроде, как и приятно, но с другой стороны внушает опасения, рядом с вами и вправду можно превратиться в кочан капусты, навсегда распрощавшись со всем остальным телом. — Он вновь улыбнулся. — Где будем воевать мой друг?

— Здесь. — Я постучал пальцем себя по голове. — Нам предстоит залезть в голову к одному юноше.

— Это не просто. — Он стал серьезен. — Очень непросто переломить чужую волю проникая в сокровенное человека.

— Воли нет. — Печально вздохнул я. — Есть только тело, но

вот человека в нем боюсь уже нет.

— Но он жив? А то с мертвым материалом я не работаю. — Граф вскинул бровь.

— Он жив. — За меня ответила входя в подвал Альва Шернье маршал бестиаров, в своем темном облегающем костюме с двумя маленькими пистолетными арбалетами, в взведенном состоянии. — А вот вы под большим вопросом, вам ведь известно господин барон, что любые отношения с вампирами чреваты незамедлительной карой? Закон недвусмысленно говорит о подобном.

— Что там такое девочка? — Из-за ее спины показалась щупленькая фигурка Хенгельман. — А-а! Ты застала нашего юношу за общением с разными бяками вторично? М-да, господин Рингмар не по годам у нас прыдок.

Тьфу ты черт! Вроде ж Мак пробивал следилкой мои тылы, однако же все равно выследили, и ладно бы некромантка, она сама вне закона, но бестиар это уже серьезно, это оплот местного фронта по борьбе с нечестью.

— Ладно, прекращай их пужать. — Бабка фривольно и звонко отвесила шлепок по аппетитному заду Шернье. — А то сейчас начнут брыкаться, в окна выпрыгивать и прочими глупостями заниматься. Не ровен час сама кого с горяча пристрелишь.

Граф видимо и без меня прекрасно просчитал все последствия от встречи с бестиаром, я же даже побледнеть не успел.

— Ладно уж, сегодня так и быть я вампиров опять в замке не увидела. — Проворчала Альва, потирая зад и снимая с взвода арбалеты. — И оборотней, и некромантов, и черт его знает кого еще.

— А у него еще и оборотни тут? — Бабулька шаркала по подвалу, расставляя по углам какие-то конструкции, напоминающие витиеватые круги ловцов снов, североамериканских индейцев.

— Ага. — Шернье скучающе провожала бабку взглядом.

— Слышь малец, рот закрой. — Проходя мимо меня поддразнила Хенгельман. — Так-с, а тут у нас что?

Она совершенно не обращая на меня внимания стала ощупывать испуганно глядящего на нас вампира.

— Вампирчик. — Она не поверите, задрала верхнюю губу ему, пощелкав пальцами по зубам! — Не молод, видать уже кланом обзавелся, железа на заразу уже рабочая сформированная, такс-с, модификат из последних, те что растут и развиваются, ага-ага, косточки значит усиленные, глазки похуже, это да, глазки у последних по хуже будут…

— В миску глянь. — Скучающе произнесла Альва.

— Свининка. — Бабка натурально облизала палец, который макнула в тарелку, из которой кормили графа! — Это правильно, молодец, единственно что, пудру меловую ему добавляйте, да яичную шкорлупу дробленую, так кости у них быстрей расти начинают. А перевертыши не побиты у тебя часом?

— Не. — Я замотал головой. — Это в бою раны получены, он солдат.

— Солдат-молдат. — Фыркнула она, вновь возвращаясь к графу. — Ну что душегубчик, допрыгался? Ты вообще, чьих будешь? Только без брехни, я ваши все семьи наизусть знаю, как к мальцу в услужение попал?

— От герцога Тид ушел. — Уже собравшись, спокойно стал отвечать Десмос. — Был заказ на Рингмара, но сами понимаете не вышло, не возвращаться же назад?

— Давно поэтому герцогу петля плачет. — Насупила брови бестиар.

— Да уж, мужик он крутого нрава. — Покивала старушка. — У него и папенька был с прибабахом на всю голову, и сынок далеко не ушел от него. Сколько в клане осталось?

— Пятеро. — За графа ответил я.

— А кормишь чем? — Ох и злющие глазки у мадам маршала.

— Коровки, свинки, овечки там разные барашки. — Пожал я плечами.

— Уверен? — Шернье улыбнулась, этакой строгой учительницей.

— Ну, во время боевых действий, всяко бывает. — Пожал я плечами. — Не с коровами ведь воюем.

— И то верно. — Подытожила Хенгельман, производя какие-то манипуляции над испуганно лежащим вампиром. — Я тут немного поправила его, быстрей немного на ноги встанет, а по поводу перевертышей что скажешь? Тоже клан приютил?

— Не, просто беглецы, клан в свое время вроде как отказался от них. — Я с интересом наблюдал за ее работой, в энергетическом плане отмечая блеск тоненьких ниточек, едва заметным плетением ложащихся на тело вампира.

— Рожденные есть? — Альва с интересом меня рассматривала.

— Да. — Киваю ей.

— Тогда жди, за ними придут, ни одна семья еще от своих щенков не отказывалась, а если самочки, так еще и соседние кланы прибежать могут, у них этот товар в чести. — Шернье была вполне серьезна. — Могут силой увести.

— Найду, шкуры спущу. — Вполне спокойно констатировал я.

— Ну-ну. — Покивала она. — К вампиру не зря зашел ведь?

— Да, хочу чтоб у парня в мозгах поковырялся. — Любо дорого было посмотреть за тонкими нитями некроманта.

— Это тогда мы вовремя зашли! — Всполошилась Хенгельман. — Ну-ка дочка, подсоби парню дотащить этого супчика до покоев.

— Тиночка! — Тут же выдал я, притаившуюся вампиршу. — Ты б не могла помочь?

Тина была в подвале, скрываясь за ящиками, впрочем, пару раз попавшись Маку на локатор, но похоже вполне успешно скрываясь от посетителей, так как бестиар дернулась при ее появлении, а на лице некроманта проявилось удивление. Я может, и промолчал бы, но мне тяжести таскать нельзя, надо будет на будущее справку себе выписать, где строго настрого запретить подымать тяжести больше трех килограмм.

— Тиночка, дорогая. — Она стреляла в меня не очень добрым взглядом. — Помоги пожалуйста госпоже Шернье, нашего дорогого графа поднять на верх.

— Хех! — Бабка натурально кулачком засадила мне в плечо. — А ты мурчинка неплохо устроился, девчата, значит вкалывают, а ты ходишь ресничками машешь?

— Я еще маленький, жалейте меня. — Растер я плечо.

Используя одно из одеял как носилки, с трудом, но Десмоса все же доставили в занимаемые Рахом покои. Перепуганного папочку, взяла на себя Хенгельман, под локоток, уводя из комнат, так же неожиданно с неохотой уходил и прислужник Армус.

— Ваше благородие, а вы что делать думаете? — Седоволосый всклокоченный мужичек с испугом разглядывал нашу компанию.

— Лечить твоего господина будем Армус. — Отмахнулся от него я.

— Лечить, стало быть. — Он выглядел каким-то потерянным и перепуганным. — Эт хорошо, ваше благородие, и что может даже господин поправиться?

— Может и поправится. — Покивал ему я. — Тут дело темное, уж слишком он тяжело болен. Ты иди дорогой, побудь пока со старшим Рахом, если что нужно будет, кликну.

— Как скажете ваше благородие. — Ежесекундно оглядываясь, он все вышел прочь.

Я же присел в кресло, обдумывая его поведение. Очень он был похож на человека, который знает больше, чем говорит, весь дерганный какой-то, можно даже на минутку предположить, что он не очень будет рад выздоровлению своего господина. Значит, мы правильно предположили о том, что он скорей всего в курсе

того, что же произошло в том склепе, но по какой-то причине, не рассказал об этом, никому, даже отцу Немнода. Ох, засранец, чует мое сердце, плохая совсем история скоро выплывет наружу. Очень плохая. Нужно как-то его разговорить.

— Граф, вам что ни будь, нужно будет? — Обратился я к уложенному рядом с юношей вампиру.

— Даже не знаю. — Он разглядывал Немнода, склонив голову. — Такое ощущение, что я подобное где-то раньше видел. Или может, чувствовал.

— Что-то не так? — Поднявшись, подошел к ним.

— Запах. — Вампир кивком подозвал Тину. — Чувствуешь?

— Что-то знакомое. — Она сморщила носик. — Вроде как несет от него, как от каторжников с рудных шахт.

— Не понял. — Я благодарно кивнул Шернье, подавшей мне кружку с заваренным ей чаем, с которым она возилась все это время у столика. — Можно по подробней?

— Это было давно. — Начал граф. — Мы тогда не находились под защитой герцога, да и было нас всего трое, я, Тина и леди Рисп. Все время перебегали с места на место, нигде по долгу не задерживаясь, боясь собственной тени.

— Наше гнездо тогда выбили бестиары под Волнерскейпом. — Подхватила рассказ вампирша. — Не знаю, кому и чем не угодило то гнездо, но пришли рыцари, вырезав всех под чистую.

— Тогда пропала дочь местного барона. — Внесла свою долю Альва, так же как и я, попивая чай. — Ее папочка и оплатил бестиаров, он думал, что дочурку ваши к себе забрали, а оказалось девка, все это время с каким-то молодцом в гостином дворе, в номерах пробыла.

— Демоны с теми причинами. — Граф как и я наблюдал за сжимающимися кулаками Тины. — Мы долго перемещались, в одном из восточных графств встав на зимовку в горах, там было полно пещер, а неподалеку, рудная шахта, куда сгоняли каторжников со всей округи. Там-то мы и ощутили этот запах. Те каторжники, которых мы брали себе по ночам, выбирая самых плохих которые и так бы зиму не пережили, точно так же пахли. Такое ощущение, что они провонялись насквозь землей и железом.

— Поганая кровь. — Поморщилась Тина. — Больные люди, некоторых бросали прямо в ямах помирать, они как этот юноша безвольными изломанными куклами лежали не на что, не реагируя.

— Идиот. — Просто констатировал я, обхватывая голову руками. — Какой же я идиот, что сразу не диагностировал

отравление!

* * *

Зима взяла замок на осадное положение. Мощный не на шутку разыгравшийся ветер чуть ли не до земли пригибал голые деревья, срывая снежные шапки с белых барханов наметенного снега. Дикая смесь лютого мороза, и снежной взвеси под напором мощных струй обжигающего ветра, заставила народ попрятаться по домам, кутаясь, потеплей, кто во что горазд.

Но мне было как-то не до буйства стихии. Я носился как курица наседка с яйцами, вокруг своего пациента. Немнод Рах был отравлен. Взяв кровь у юноши, я заставил обоих вампиров снять пробу, после чего опытным путем каждому в рот засовывал пластинку с тем или иным металлом, словно повар, заставляя их определять послевкусие. А что делать, других приборов анализаторов у меня под рукой не было?! Медные пластинки они по выплевывали сразу, сказав, что не должно быть кислинки. Серебро вообще в рот отказались брать, сказав, что такой горечи они не перенесут, олово, бронза, золото, даже сталь с чугуном я заставлял обсасывать своих ассистентов, что бы выявить, что за металл добывали в руднике и чем же отравлен Рах. Как и водится, ларчик открывался просто, оба однозначно и безапелляционно признали, что в крови юноши присутствует сладость схожая по послевкусию, оставляемому свинцом. Тяжелый я бы даже сказал тяжелейший из металлов! Плюмбум мать его етить, ядовит как тысяча чертей, не удивительно, что на его добыче люди мрут как мухи, если не ошибаюсь, он вообще чуть ли не всегда, идет в соединении с какой ни будь дополнительной бякой, в природе, например с цинком, или в урановых породах имея радиогенную природу.

В медицине для отравления этой гадостью даже специальное название придумано. Сатурнизм, свинец и его соединения являются не чем иным как политропным ядом, то есть действуют на разные органы и системы организма, хочешь, печень откажет, а хочешь почки, если мало, то на тебе отказ иммунной системы или сердечно-сосудистую недостаточность.

Видимо здесь так и произошло, кома второй степени, если опять чего-то не упускаю. Глубокий сон, сопор, практически никакой реакции на боль (да-да, колол ему пятки иголками), отсутствие реакции зрачков на свет, со слов отца иногда судороги. Где-то в его организме, вышли из строя какие-то винтики и механизмы, которые мне предстоит еще определить.

Жаль проклятые вампиры отказываются пить мочу пациента, чем несказанно затрудняют мне диагностирование, не говоря уже про анализ кала. Ну да придумаем, что ни будь, может в чай им подливать? Так гаденыши чай не пьют.

Ювелир довольно филигранно по моему заказу сделал пару золотых игл для катетера, естественно не одноразовых, а для кипячения, сам пакет пришлось лепить из кожи как и трубку. Уже трижды используя папу, делал переливание крови, из парня нужно вывести токсин, или хотя б немного понизить его уровень. Для промывки почек, а так же для усиления иммунитета постоянно давали отвар шиповника, он не только мочегонное, но и богат витамином С, если не ошибаюсь по дозировке на уровне с лимоном. Вообще конечно хренотень это полная, но за неимением других медикаментов приходилось довольствоваться тем, что есть. Сами по себе тяжелые металлы не выводятся из организма, способствовать этому могут лишь выжимки и взвары из растений богатых пектином, который связывает их соединения. Хелирование, или выведение тяжелых металлов из организма, это способ при котором, вещество хелирующего агента соединяется с ионами металла, координатной связью с одним или двумя атомами органического соединения. Если мне память не изменяет, в фармацевтику пектин попадает в основном из выжимок яблок и цитрусов. Помимо пектина можно применить винную кислоту, которой в местных реалиях было хоть отбавляй. На большее, парню рассчитывать не приходилось, уж слишком все дико, да и я не в состоянии большего сделать. Нет у меня таких глобальных знаний, да и толком еще ничего не понятно, диагноз поверхностный, парня травили свинцом, но доза не вызвала явных симптомов, что скорей всего произошло из-за того, что у него и раньше были проблемы с каким-то из органов, который отказал почти сразу при поступлении яда.

— Лер Фава. — Мы сидели при его сыне вечером, с моей подачи отец разминал и делал гимнастику сыну. — Скажите, а вы хорошо знаете Армуса?

— Армуса? — Похоже, у него впервые за эти годы появилась надежда, так как он охотно откликался на мои требования. — Конечно, он еще при моем отце в артели был.

— А что он за человек? — Да, меня беспокоила его слишком явная заинтересованность и какой-то страх, что он пытался скрыть, наблюдая за лечением юноши. — По характеру, да и вообще, что он рассказывал вам по возвращении?

— Нрав у него склочный. — Старший Рах задумался. — Но то не от паскудности, он просто очень требовательный, как к себе, так и к окружающим. Он родился в артели и это вся семья, что у

него есть. Очень аккуратен, может по сто раз что-то переделывать, если ему это не по душе, даже если все вокруг будут говорить, что и так сойдет. Иногда мне кажется, что он даже больше печется о репутации артели чем я сам, это конечно негоже, но он одергивает даже меня, своего господина, ну да я не в претензии, руки у него и впрямь золотые, а худого своей семье никогда не удумает.

— Я и посылал его с сыном специально для пригляду, что б глупостей не наделал. — После непродолжительного молчания вновь начал он. — Армус всегда подскажет, как надо вести дела, что бы не упасть в грязь лицом, держать репутацию артели на уровне, да за ценой постоять.

— Но кто-то же отравил вашего сына? — Я помог ему перевернуть на живот Немнода, что бы он продолжил массаж. — Вы же в курсе про свинец.

— Свинец. — Отец задумался, погружаясь в воспоминания. — Видимо это и есть тот секрет, которым мой сын сковал ту проклятую трещину. Это старинная практика в строительстве, дело в том, что свинец один из самых легкоплавких металлов, его можно даже свечей расплавить как сургучь. Задолго до железа, меди и бронзы люди научились его переплавлять, говорят раньше, его использовали повсеместно, правда даже в те далекие времена было поверье, что если его много в доме, то у людей там голова будет часто болеть. Мы как-то его использовали с сыном, в одном из замков нужно было подпорную арку усилить, камень там был хороший, а вот раствор заложить не получалось, его выдавливало, вот мы вместо раствора и залили тогда свинец. Видимо, во вред пошла моему сыну та наука.

— Даже если он и заливал свинцом кладку склепа, это не объясняет то, как он попал внутрь парня. — Покачал я головой. — У вас есть, какие ни будь личные предметы сына?

— Конечно, вон в том сундуке. — Он махнул в угол покоев. — Я храню их, они дороги мне, как и последнее его письмо присланное с королевским вестовым.

— Я могу взглянуть? — Дождавшись его кивка открыл сундук, пододвинув к нему стул и бережно извлекая разную мелочевку из него.

Письмо.

Дорогой отец, мы взяли заказ! Дело совершенно плевое, старая кладка с плохой привязкой между курсами, погода солнечная, раствор будет крепок, мы все делаем правильно, даже полив организовали. Правда тут как-то со смехом к нам относятся, говорят, уже не первые беремся, да не последние кто уйдет с пустыми карманами. Старина Армус грозит им всем

кулаком, не ту артель они выбрали для шуточек, мы не посрамим папа, сделаем на совесть. И да хочу тебя порадовать, я все же сделаю тебя дедом! Здесь на юге я нашел себе красавицу жену, когда мы приедем к тебе, я хотел бы попросить тебя о благословении…

— Лер Фава! Вы не говорили, что вас сын собирался жениться на ком-то из местных! — Я недоуменно уставился на него.

— Да разве ж это теперь важно? — Он тяжело вздохнул. — Я даже не знаю ее имени, а мой сын теперь и не поведет ее за руку в свой дом.

— Кликните Армуса. — Попросил я, дожидаясь пока в покои, войдет этот взлохмаченный мужичек. — Кто она?

Он недоуменно заморгал глазами явно не находя место своим рукам, дикий испуг отразился на его лице.

— О ком вы господин барон? — Тихо произнес он, опустив взгляд.

— Не изображай из себя дурака, я хочу знать все о той на ком собирался жениться молодой лер! — Он откровенно начинал меня злить.

— Дочь одного из местных сквайров. — Он не смотрел на нас, полностью опустив голову. — Я не знал о том, что они собираются жениться, думал, просто на сеновал бегают. Молодые, думал, просто повстречаются и разбегутся.

— Что случилось с ней? — Я подошел к нему почти вплотную.

— Не знаю, она просто не пришла в один из дней. — Он пожал плечами. — Молодой лер очень переживал, он искал ее, ходил сам не свой. Почти две недели искал ее, все бес толку. Очень горевал, ну да срок заказа вышел, а с ним и мы покинули те земли.

— Пил? — Я продолжал стоять перед ним.

— Пил. — Он кивнул. — Я ж говорю, переживал очень.

Я принялся расхаживать по комнате, заложив за спину руки, вот открылась еще одна непонятно куда ведущая дверца в этой истории. Да уж, куда ж в подобных драмах без делов сердечных? Стоило бы догадаться, еще, когда мы строили гипотезы о проклятии некроманта. Какие могут быть деньги за такую работу, если они уже добравшись до ближайшего города, спали чуть ли не на улицах, а на последние барыши все что получилось это купить место в караване этому хитрецу? Тут явно что-то личное, обиды обидные, мести страшные, а тут вот еще подсказка Хенгельман по двум образам призрака, ее предположение, что призрачная женщина погибла увядая…

Стоп!

— Армус! — Я схватил его за плечи. — Демоны вас раздери, в склепе, в склепе искали ее?!

— Эм-м-м… — Он испуганно попытался отстраниться. — Конечно, с дозволения господина графа в склеп спускалась семья девушки, да и сам молодой лер тайком не раз его осматривал. Не было там ее, мертвяки одни, да и только.

Эх, а хорошая бы была догадка, я разочарованно вернулся на стульчик перед открытым сундуком, где хранились заботливо собранные вещи молодого Раха. Хоть что-то бы, хоть малую зацепку еще! Жаль, графу Десмосу плохо удавалась ментальная связь с юношей, сознание парня с его слов представляло полный хаос, нет там чувств или эмоций, лишь какие-то туманные образы обрывков снов, слабые сполохи непонятных воспоминаний. Вещи, к сожалению, тоже ничем не могли помочь. Ношенные сапоги с остатками раствора на них, несколько свитков с чертежами, какие-то схемы, набор непонятных инструментов больше напоминающий увеличенную в масштабе готовальню, несколько колец и перстней явно с отцовских рук… Браслет…

— Чей это? — Я вертел в руках замысловато свитый из золотых и серебряных нитей тонкий браслетик, напоминавший своей формой замысловатые изгибы побега какого-то растения. — Вам знаком этот предмет?

— Нет. — Отец отрицательно помотал головой.

— Да. — Взгляд Армуса сверкнул чем-то злым, чем-то, что я бы идентифицировал как злость. — Это ее подарок.

— Замечательно. — Буркнул я, засовывая браслетик за пазуху, надо будет показать его старшим магам. — Как ее звали?

— Адель. — Странно сказал. Как-то весомо. И страх ушел и злость, не могу понять, толи я придумываю себе лишнее и вижу его чувства один и все лишь плод моего воображения, толи…черт его разберешь что.

— Это что? — В руках я держал извлеченную со дна сундука деревянную бутыль, искусно изукрашенную причудливой резьбой, и пусть у меня глаза полопаются, если узор не повторял лозу, застывшую в форме браслета!

— Похоже тоже подарок. — Ко мне подошел старший Рах. — Внутри было вино, судя по запаху, это было в вещах вместе с браслетом, что я выкупил у тюремщиков.

— Хорошая резьба? — Я вручил бутыль леру, внимательно и цепко ловя взгляд Армуса.

— Да. — Он задумчиво вертел ее в руках. — Хороший мастер резал.

Неожиданно, Армус сорвался на бег, просто с места бросаясь, прочь, на полном ходу плечом сшибая дверь.

— Что с ним? — Фава Рах застыл с открытым ртом.

— Мастер просто хороший. — Произнес я, вновь забирая из его рук бутыль. — Вы вес чувствуете? Не показалась тяжеловатой?

— Не пойму ничего. — Он переводил взгляд с меня на распахнутую дверь, в которую вылетел его работник.

Вытащив из-за пояса нож, совершенно бесцеремонно и по варварски, стал колоть деревянную бутыль, вернее ее видимую часть, с каждым сколом открывая взгляду внутреннюю его часть, состоящую из потемневшего темно серого металла. Он даже окислился, местами показывая бело-зеленные хлопья.

— Это… — Фава Рах чуть ли не рухнул на стул, на котором до этого восседал я.

— Свинец. — Мягкий, он местами прогнулся под моими пальцами, точно повторяя внутри сосуд некогда деревянной бутыли.

— Но как? Почему? — Он был растерян не находя слов. — Я не могу поверить. Его наверно нужно остановить…

— Остановят, не переживайте. — За это я не беспокоился, всецело доверяя в этом вопросе Тине. Пусть лучше делом займется чем вот то ходит, да тяжело вздыхает под дверями, совращая всяких мальцов незнающих жизни на разные глупости. — Вам наверно лучше здесь побыть с сыном.

— Но… — Он оторопело провожал меня взглядом. — Как же так, мы же столько лет?! Он же на своих руках нянчил и растил его!

— Не знаю лер, не знаю. — Оставив его, неспешным ходом погрузившись в свои мысли, спустился в подвалы замка, туда, где меня уже наверняка ждала Тина.

— Быстро бегает. — На бочках восседала Тина, а у ее ног, с разбитым в кровь лицом валялся Армус тяжело дыша и пуская кровавые пузыри.

— Значит это и есть отравитель? — Рядом с вампиршей, восседала сухонькая Хенгельман подслеповато щурясь в лучах нескольких свечей и факела на стене. — Прямо все интересней и интересней дня ото дня жить становится.

— Ну что любезный, сам будешь говорить или помочь нужно будет? — Я присоединился к заседающим, примостившись ровненько между некромантом и вампиром.

Мужчина с трудом стал подниматься на ноги, сплевывая кровавые ошметки, товарищ телохранитель видно хорошенько прошлась по нему, он покряхтывал, держась за отбитые бока.

— Вам никогда этого не понять. — Тихо едва слышно начал он. — Не дайте боги, хоть кому не будь меня понять.

— О чем он? — Скучающим тоном спросила вампирша.

— О чувствах милочка, о чувствах. — Со вздохом пояснила бабушка. — Любовь, не иначе.

— Похоже. — Пожал я плечами.

— Я знаю, что такое любовь! — Сверкнула она взглядом, с вызовом посмотрев на меня.

— Тогда ты должна меня понять! — Армус рассмеялся, словно безумец, захлебываясь кровью.

Мы даже понять не успели его намерений, как мужчина выхватил из голенища сапога длинный блеснувший нож, не вонзая, а просто падая на него всем телом, с примерзким хрустом прошившим его насквозь. Стальной клюв клинка торчал из-под лопатки, взрезав как плоть, так и одежду на нем.

— Понять… — С последним вздохом выплюнул он слово, прежде чем его голова безвольно стукнула об пол.

Мы сидели в полной тишине, наблюдая, как черная в тусклом свете лужа крови расползается из-под тела самоубийцы. Можно было сказать многое, можно было кричать и бегать, можно было даже просто потыкать в него палочкой, но мы сидели тупо уставясь на остывающий труп не находя в себе сил нарушить молчание.

— На будущее. — Наконец-то разлепил губы я. — Все колюще режущие предметы, а так же ременной пояс, у взятого под стражу, лучше забирать.

— Угу. — Кивнула Тина.

— И что теперь? — Покачала головой Хенгельман. — Вряд ли мне разрешат его поднять.

— М-да уж… — Вздохнул я. — На ледник я его все же прикажу снести, мало ли…

— Это да. — Бабушка погладила меня по голове. — Пусть на ледничок отнесут, что б мозги не протухли, он и при жизни не шибко умен был, а уж в послесмертии и подавно.

* * *

Снежная кутерьма улеглась. Так же неожиданно, как и началась, пурга так же неожиданно и ушла, полным штилем, мерным покоем окутывая промерзшую и укрытую снегом землю. Вот, такую зиму я люблю. Мороз, снег и ярко-яркое, прям до слез из глаз солнце.

Не поскупился я и в этом году, звонкой монетой оплатив гномам ледяные фигуры и замки, а так же заливку горок для забав. Детвора ждала, помня предыдущую зиму, когда я устраивал им нечто подобное. Ох и радости им было, ох и

счастья. Крики смех, гурьба, гульба, все смешалось, все кругом. Гномы умельцы от бога, как здесь, так и в Лисьем они постарались на славу, заставляя иной раз не то что детей, стариков стоять, разинув рот перед шедеврами ледяных причудливых фигур.

С Речной приходили, приглашали на местный праздник, первый зимний завод невода, даже приятно стало от того, что люди вспомнили, приняли и вполне успешно применяют эту мою науку, отметив ее праздничным днем. Конечно, съездил, конечно, не с пустыми руками, да и потом со свежей рыбкой назад возвращался. Люди ждали. Чего? Ярмарки и салюта, люди ждали Новый Год! Это было удивительно, но жизнь не встала как в предыдущие года. На зимнюю ярмарку и забавы съезжались в город как деревенские, так и пришлые из соседних земель. Что б не разочаровывать своих подданных я как добрый правитель и вообще душка, был вынужден почти за месяц до праздника устраивать базарную площадь, вывозя из закромов товары, что бы практически за себестоимость распродавать ее людям. Почему так? А почему бы и нет? То, что уже имеет покупателя оплачено и ждет лишь вывоза, а излишек жмотить не в моих правилах, пусть берет народ, пусть жиреет и богатеет, вот вы думаете, почему Робин Гуд грабил богатых? Все правильно, потому что у бедных брать нечего. Вот и я так считаю, прежде чем забирать, надо найти что. Фабрики и заводцы, пока еще пыхтят, за лето успели хорошо материалом запастись, денежка у людей на руках есть, пусть радуют себя и близких подарками. Разбирай, налетай, все равно этими же деньгами потом вам зарплату вашу выплачу, в накладе не останусь.

Денечки полетели легкие и веселые, детвора с первыми лучами солнца, уматывала из замка, лишь с закатом возвращаясь назад и валясь без ног спать. Повеселел народ, хоть и продолжал существовать в замке как в общежитии. Ну само-собой как и предполагалось, легенда о встрече барона и призрака пошла в массы от чего иной раз, подслушав сплетни у меня краснели уши. Вообще-то последнее время краснеть мне приходилось часто. Вы не поверите, мой старый добрый ехидень, сэр Дако под ручку прогуливался с госпожой Хенгельман, о чем то перешептываясь и то и дело посмеиваясь. Эти седые голубки заставляли всех недоуменно качать головами. Но если б они одни! Я застукал своего капитана гвардии, целующимся в скверике, с кем бы вы думали? Да чтоб меня разорвало, с баронессой фон Пикскваp! Даже не знаю, возможно, это эпидемия и какой-то вирус ходит по моим землям, но когда в том же скверике я поймал сквайра Энтеми в обнимочку с леди Нимноу, то ели сдержался что бы не

объявить карантин и ввести изоляцию.

— Капитан, баронесса, прошу, присаживайтесь. — Я пригласил смущающуюся парочку для беседы тет-а-тет, так как считал где то в ответе за их союз, да и не безразличны они были мне.

— Барон! — Капитан дюжий детина шел пятнами то краснея то бледнея. — Я с самыми серьезными намереньями, вы не подумайте чего!

— Прекрасно. — Я поерзал в кресле, переведя взгляд на баронессу.

— Барон! — Фон Пикскварр, расцвела в последнее время, явно прибавив в привлекательности. — Я свободная женщина и не вижу ничего предосудительного в наших отношениях!

— Прекрасно. — Черт, что же мне мешает? Скосив взгляд, обнаружил второго заседателя рядышком в своем же кресле. Седомордый енот Профессор с интересом следил за нашей беседой.

— Мы любим друг друга! — Хором выпалили они, тут же стушевавшись под моим взглядом.

— Прекрасно. — Я ссадил на пол Профессора, тут же ощутив с другого бока взбирающегося толстозадого Прапора.

Наступила неловкая пауза, Гарич стоял не зная куда деть руки, а баронесса нервно теребила платочек, ожидая когда же я наконец разгоню енотов и перейду к делу.

— Итак, мои дорогие. — Спихнув Прапора, начал я. — Я позвал вас не только из-за ваших отношений, а по большей части именно из-за каждой из ваших персон в отдельности. Дорогая моя баронесса, без сомнения вы свободная женщина, причем с каждым днем становитесь все прекрасней и прекрасней, и о том с кем вам встречаться, а с кем нет, речи не идет.

Все еще смущаясь, она кивала моим словам.

— Но вы, во-первых, мать двоих детей, чье мнение нужно бы уточнить хотя бы для порядка, а во-вторых, обладаете рядом… эм…свойств организма, о которых прежде чем все зайдет слишком далеко нужно бы сообщить господину Гаричу. — Я примирительно поднял руки, видя блеск слез в уголках ее глаз и озабоченную мину капитана. — Давайте без обмана относится друг к другу, потому что вы дороги мне и, видя ваш союз, я хочу предотвратить страшную драму, которая может назреть, если во время не поговорить что называется по душам. Прошу вас отнестись обоих серьезно к моим словам, так как вижу и даже больше, знаю чем это может все закончится если между вами не будет правды.

— Барон если вы о девочках, то я полюбил их всем сердцем и

готов заботиться о них до самой смерти! — Гарич чуть ли не кулаком стукнул себя в грудь.

— Понимаете ли, капитан, тут дело ведь не только в том, что вам чуть попозже сообщит баронесса. — Я уподобившись своему учителю выбил дробь пальцами по столу. — Вы так же должны будете на откровенность баронессы ответить честно по одному интересному вопросу ей.

— Я всегда честен с леди! — Он гордо вскинул голову.

— Надеюсь, и еще больше я надеюсь на взаимопонимание между вами, а так же прошу вас здесь и сейчас клятвенно пообещать мне, что, что бы вы не услышали друг от друга страшного, не будете в претензии в будущем. — Я поднял палец, видя, что оба хотят что-то сказать. — Я серьезно! Сначала клятва, потом я оставлю вас, баронесса расскажет свою историю, а потом капитан расскажет кое-что о себе. Никакой лжи даже если правда покажется вам смертельным ядом! Так надо поверьте мне, я не шучу, если кто-то из вас что-то попытается утаить от другого, что бы спасти отношения или по какой другой причине, я узнаю, и молчать не буду. Либо же вы здесь и сейчас, замолчите, и разойдетесь в разные стороны!

Ох, как я не люблю такие тягостные томительные паузы наполненные звенящей тишиной! М-да уж, влюбится они успели, похоже, даже до постели добрались, а вот поговорить некогда им видите ли!

— Итак? — Я повернулся к баронессе. — Ваше слово.

— Клянусь. — Слеза все же сорвалась и покатилась по ее щеке. — Никаких претензий к капитану, не взирая на любую правду!

Да уж, тяжело ей, после стольких лет отчаянья и боли, тупого всепожирающего одиночества и забвения, вот так вот кинутся в омут сладких чувств, понимая, что она уже никогда не сможет стать прежней. Я вполне могу понять ее не желание говорить капитану о своей природе, и преклоняюсь перед смелостью сегодняшнего решения.

— Капитан? — Повернулся к нему я.

— Клянусь! — Ну, тут слез не дождешься, тут скорей в морду можно получить, вон как недобро зыркает.

— Замечательно, теперь я вас оставлю. — Поднявшись и дойдя до двери, поманил пальчиком двух лестных жителей пожелавших остаться в кабинете. — Прошу вас с уважением отнестись друг к другу. Помните вы взрослые люди, связанные клятвой и надеюсь искренностью своих чувств.

В коридоре, закрыв дверь, пару раз глубоко вздохнул, что бы успокоится. Терпеть не могу подобные ситуации, вот, казалось

бы, ну любовь морковь и все дела, а как начнут дальше узнавать каждый другого по лучше, тут и полетит шерсть в разные стороны. Сцепятся как бешеные псы, а я потом буду еще и виноватым, что вроде как свел их вместе под одной крышей. Нет уж, пусть лучше сейчас рвут сердца и души свои, пока раны не слишком глубоки, чем потом их латать, собирая по частям то чего уже нет.

Может быть в другом месте и другом времени я бы и не влез в их отношения, но, увы, это то место и то время где сын может ответить за то, что его отец убил мужа баронессы, а так же с дуру может пойти мстить женщине, чей муж убил его отца. Не говоря уже о двух дочках-волчицах, которые могут, невзирая на волю матушки разорвать бравого капитана на куски за своего погибшего папочку.

Побродив по коридорам и комнатам, мучаясь от безделья, забрел в подземное царство тьмы, где томился в одиночестве товарищ наш убиенный граф Десмос Вампирович Дракуленко.

— Что-то вы рано сегодня барон. — Он лежал, тупо пялясь в потолок.

— Да вот, захотелось что-то вас увидеть. — Я присел рядом с ним, так же уставившись на каменный свод подвала. — Как там ваш труд с разумом юноши?

Десмос уже неделю вырывал бессвязные картинки из затуманенного сознания молодого Раха, иногда пересылая мне его сны, ментально транслируя картинки в моем мозгу. Увы и ах, не было там ответа, по крайней мере, я его не видел. Дако и госпожа Кервье категорически воспротивились тому, что бы некромант подняла покойного ныне отравителя Армуса, а меж тем, призрак все еще здесь. Здесь он родименький, то в одном конце замка то в другом, люди периодически замечали его, а госпожа Альва Шернье, самолично пресекла уже около четырех ее воплощений под дверями, чьей ни будь комнаты. Леди бестиар каждую ночь обходила патрулем замок, что давало свои плоды, больше жертв Белая Смерть себе не находила в наших стенах.

— Сегодня ночью удалось вырвать более или менее четкую картинку. — Десмос перевел взгляд на меня. — В цвете.

— Что-то важное? — Я почувствовал интерес.

— Не знаю, возможно. — Он замолчал на некоторое время. — Там есть девушка, судя по описанию, возможно она. Даже чувства уловить получилось!

— Давай! — Я с жадность наклонился к нему, строя энергетический канал как учил Дако для приема ментальных образов. Тут у меня пока получалось плохо, без помощи Мака я разрывал нить связи слишком мощным импульсом, так что общая

структура была пока на нем.

Сон.

Солнечно, чувствуется, как жар тяжелыми мягкими лапами давит на плечи, стягивая кожу на оголенной натруженной спине. Камни, тяжелые и такие объемные, они создают контраст солнцу покатой теменью своих боков и прохладной структурой. Камни ложатся аккуратной чередой, выстраивая один за другим шеренгу непреодолимой преграды, эх хорошо получается. Я горд своей работой, пахнет свежеспиленным деревом строительных лесов, скрипят досочки под ногами настилов, а рядом родные и понятные люди. Идет работа, мы ложем камни, скрипят доски, устают руки, жжет спину солнце. Тень.

Тень?

Ах, это родной Армус, ворчит, вечно чем-то не довольный, идем обедать. Грубое покрывало на земле, запах травы, крона раскидистого дерева над головой и смех людей. Моих людей. Я горд ими.

Тень.

Тень?

Это она! Она опять пришла, мягко нежно обхватывая сзади плечи, обдавая дурманящей теплотой какой-то сладости, на ветру в тон листьям на ветках дерева, под метроном накатывающего ветерка, развиваются ее искрящиеся черной смолью волосы, с какой-то непонятной глубиной цвета, нежные руки.

Тень.

Тень?

Армус не доволен, нужно работать. Нужно касаться прохлады камней, ощущая гордость за свой труд, мне нужно гордиться! Мешают ее руки, уйди! Мне нужно идти. Поворачиваюсь, видя, как старина Армус, вытирает слезы на глазах черноволосой девушки. Мне нужно идти.

— Ну что? — Граф с интересом наблюдал за мной.

— Она. — Я кивнул. — Точно она.

— Выходит ее убили и это ее призрак мстит, права была де Кервье, что сомневалась, что это дело рук эльфийки. — Десмос вернулся вновь к разглядыванью потолка. — Только не понятно, что же призрак до сих пор тут делает после смерти отравителя? По всему должна была развеяться как дым на ветру.

— Значит на предмет привязка. — К нам присоединилась, шаркая ногами Хенгельман. Старушка неожиданно нашла общий язык с графом, все свободное время от прогулок с Дако проводя у графа, меняя ему бинты и ухаживая за ним. — Ты вроде бы в вещах юноши нашел принадлежавший ей браслетик?

— Да, предположительно это ее подарок. — Браслет лежал у

меня в рабочем кабинете.

— Нужно попробовать его уничтожить, неуверенна, но возможно это решение. — Она принялась обхаживать своего пациента. — Хотя думаю, что все гораздо сложней. Это призрак естественного происхождения, подобные субстанции должны идти за живой сущностью.

— Тогда все же есть в случившемся толика вины Раха? — Граф с благодарностью кивнул ухаживающей женщине.

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Он мог даже не знать о своей вине, мог действительно бегать и искать ее, ведь обиделся не он, а она, а вот на что она затаила обиду, кто теперь скажет?

— А может это быть самоубийством? — Я подал ей свежие перевязки.

— Все что угодно могло быть. — Она смерила меня взглядом. — Думаешь неразделенная любовь? Не знаю, не знаю, призраки из самоубийц получаются не важные. Нет в них искры что ли, нет лютой жажды к жизни. Плохой боец, он уже заведомо проиграл, при жизни переломив себе хребет. Так повыть да поплакать где в ночи куда не шло, а вот устраивать охоту день за днем, год за годом идя по следу, тут другой склад нужен. Ярость нужна.

— Да уж, остается лишь гадать. — Развел я руками.

— Не спеши сдаваться, Дако ждет отзыв от защитника, у которого они укрывались какое-то время, может быть там будет еще одна подсказка?

Оставив подвал, вновь поднялся в свой кабинет, с замиранием сердца входя внутрь. Все же где-то в глубине души была изрядная толика сомнений в благоразумности капитана и баронессы. Ну да, где-то я в чем-то может был и прав. Капитан стоял, отвернувшись у окна бездумно глядя в даль, а баронесса со странной смесью чувств, разглядывала противоположную стену. Благо не слез, не криков и истерик не наблюдалось.

— Знаю вам не легко. — Я сел за стол, сложив перед собой руки. — Но иначе нельзя было. Ложь до добра не доводит, сегодня бы промолчали, завтра промолчали, а послезавтра, послезавтра возможно кто-то бы из вас не увидел. Тут ведь дело даже не в том, что было. То, что твой отец капитан, убил мужа баронессы, погибнув вместе с ним, это все ерунда.

— Ерунда?! — Взорвалась Пикскварр, вскакивая с места. — Да что ты понимаешь?! Ты представить хоть можешь, через что я прошла?!

— Конечно ерунда! — Фыркнул я. — Это ошибка всех живых людей, вы думаете, что только ваша боль настоящая, а вот если вон того прохожего стукнуть палкой по горбу, то он корчится так,

от нечего делать, притворяется, стало быть. Имейте совесть и разум баронесса! В этом замке уже двое кто может предъявить счет вам за вашего горячего мужа! Или вы забыли про свою нареченную? Вы можете представить, через что она прошла? Или думаете, Гарич со своей матерью не оплакивали свою потерю?

— Но… — От моих слов по ее щекам побежали дорожки слез, она вновь упала в кресло.

— Вы не думайте. — Я подошел к ней, выйдя из-за стола и обнимая за плечи. — Вас никто не обвиняет, ваша боль, ваша потеря все это не менее настоящее, чем у других. Сейчас вам двоим нужно понять главное, вы капитан это не ваш отец, а вы баронесса не Патрик. Их больше нет, а то, что случилось ужасно, но осталось далеко в прошлом. Содеянного, уже не вернуть, но жизнь от этого не прекращается. Вы живы, вы чувствуете и это здесь и сейчас, именно здесь и сейчас, без боли, без обид и всей этой ерунды, вы можете создать что-то новое, что-то возможно настоящее.

— Это невозможно. — Припечатал, поджав губы Гарич.

— Гарич, нет ничего невозможного. — С ним обниматься не хотелось. — Вам вообще как мужчине и воину стыдно должно быть, женщина, которую вы обнимали, сидит в слезах, а вы стоите, будто у вас кол в заднице и рассказываете мне мальчишке, о том, что возможно, а что нет. Так нужно поступать рыцарю? Зная вашего папеньку только из рассказов, думаю, он бы по другому бы объяснил вам вашу ошибку.

— Вы не понимаете барон! — Он дернулся, но остался стоять на месте.

— Ну конечно. — Я невесело рассмеялся. — Что я могу понимать? Куча мужиков оприходовали толпой беззащитную женщину, это нормально, а вот когда ее муж выпустил им кишки наружу за содеянное, то как это назвать, как это прикажете понимать? Что бы вы сделали Гарич? Так же бы стояли и смотрели?

— Но отец… — Он размяк так же присаживаясь, видимо больше не в силах держать хладнокровие.

— Что — отец? — Я все же подошел к нему ложа руку на плечо. — Он солдат, как и вы, он выполнял свой долг, он погиб как мужчина. Вы тоже солдат и думаю достойный сын, которым стоит гордиться, я не в праве не тебе, не баронессе что-либо советовать, но я требую от вас отнестись с пониманием и уважением друг к другу. Вы встретились на жизненном пути, и не стоит вам ставить между собой тех, кого уже давно нет.

Я вернулся к себе за стол, оставляя дальнейшее за ними. Что еще можно им сказать? Ничего, дальше уж пусть решают сами, не

маленькие уже, своя голова, в конце концов, уже должна была вырасти на плечах.

* * *

Она меня отлупила. Кто? Ну, если не считать жизни, судьбы, удачи и прочих стерв женского рода, то естественно остается урожденная баронесса фон Каус, мой тренер бальных танцев. Ага, по совместительству еще и учитель фехтования, на тренировке сузив презрительно глаза, стояла практически вся шайка-лейка, весь женский контингент замка, с осуждением качая головами и наблюдая, как этот смертельный южный ветер разносит меня в пух и прах. Конечно же, барышни узнали о том, что после моей продолжительной беседы с капитаном и фон Пикскварр, эта чудная и такая красивая пара распалась, в чем естественно обвинили меня. Ну а Лесса это возмездие, так сказать Немезида пронырливому юнцу, сующему свой нос в дела амурные кои его, конечно же, не касаются. Баронесса работала четко, мощно и без прикрас, раз за разом вбивая мне свой тренировочный меч в корпус с такой силой, что я не без оснований стал переживать за свои ребра и за ряд органов которые возможно она отбила.

— Итак, барон, вижу, вы давно забросили тренировки! — С улыбкой молвила фурия. — Может, вы еще хотите сказать, что и с танцами у вас проблемы?

— Нет-нет, что вы! С танцами все прекрасно! — Мне еще не хватало после этой взбучки коленцами выписывать!

— Вопрос барон, о чем вы разговаривали со своим капитаном и баронессой? — Думаете праздная болтовня? Нет, все это под гул рубящих ударов ее меча! С меня уже семь потов сошло, а она похоже только разогрелась.

— Это, увы, секрет. — Уйдя в глухую оборону, я стал пятиться под ее напором.

— Так значит? — Ой как больно то, по голени своим дрыном то звезданула! — Вас барон смотрю еще учить и учить, вы юноша способный, талант есть, только вот прикладываете вы его не по назначению.

Вновь стойка и вновь стремительный град ударов без переходов и послаблений. Руки у меня гудели от усталости, ноги уже начинали заплетаться, но как говорится на зло врагам, на радость маме, я все еще сражался снова и снова пытаясь ускользнуть от ее удара. Если первое время я довольно прилично мог сдерживать ее, временами даже пытаясь огрызаться, то за какие-то пол часа был уже выжат как лимон. Ну мегера, ну дождешься ты у меня, дай только срок я подрасту! Мне б еще мясца нарастить на тельце, я б показал тебе, где раки зимуют.

Продолжая, пятится, с ужасом понял, что меня теснят в угол, где в скором времени без сомнений получу очередной удар по тем или иным так горячо любимым мною частям этого молодого организма. Ну…есть у меня одна тактика проверенная… Дождавшись когда баронесса вновь встанет в стойку, развернувшись бросился сломя голову через весь зал, по пути перескакивая так удачно расположенные в ней предметы мебели.

— А ну стой! — Закричала она. — Опять?!

Это не «опять», этот тактический прием великие полководцы издревле применяли в практике, называя его «тактическим отступлением». Я не убегал! Я менял диспозицию, для последующей корректировки и внесения изменений в план битвы.

Предполагаемый противник взревел разъяренной львицей, бросаясь за мной следом, явно заблаговременно подготовившись к моим стратегическим перестановкам, так как в этот раз она была в костюме, а не в платье, которое бы хоть немного, но тормозило ее движение.

— Стой!

— Лови!

— Держи!

К общему плану наступления тут же присоединились остальные части противника, огромной разъяренной массой разгневанной бахромы и шелестящих юбок устремляясь за мной следом. Мда уж, в этот момент я чувствовал себя маленьким, но гордым, хитрозадым вьетконговцем удирающим по джунглям от кипучего напалма страстей и разгоряченной плоти, всепожирающей любви мамы Америки. Ядрена мощь, визжала, улюлюкала и бросала мне в след туфлями, в то время как я пытался отрастить на спине глаза, что бы вычленить из общей массы страшный сверхзвуковой истребитель под кодовым индексом Лесса, несущий в своих крыльях оружие моей погибели.

— А ну всем стоять! — На нашем пути монументально, весомо и угрожающе нарисовалась Вальери де Кервье собственной персоной строгим взглядом смерившая всю компанию и, заставившая всех опустить виновато головы вниз. — Это что за ипподром бравых армейских кобылиц?! Что вы себе позволяете леди?!

Заскочив за спину железной леди, я изобразил кульминационное завершение танца короля поп сцены Майкла Джексона, то есть крутанулся вокруг оси после чего одну руку вверх, другую на свое достоинство, при всем при этом нежась в лучах безнаказанности и сладкой победы над злобным но теперь поверженным противником. Чем естественно разозлил кипящих дам, добавив, что называется масла в огонь.

— А почему он…

— А вы знаете что он…

— Да он такое сделал…

— Ты все равно от нас не уйдешь!

Хором в унисон загудели барышни, переходя с угроз на жалобы. Моя скала, за которой я прятался, была непробиваема и непоколебима как великая китайская стена.

— А ну прекратить! — Де Кервье топнула ножкой. — Вы посмотрите, на что вы похожи? Разве это образ истинной леди? Бегаете за каким-то худосочным кобельком, словно кошки при весеннем гоне!

Эм-м-м…?!

— Разве так поступают леди? — Это кто тут худосочный кобелек?! — Это за истинной леди должны бегать вот такие кобели, а не наоборот! Бардак! Сегодня же каждая десять раз пройдется у меня из одного конца зала в другой, с томиком стихов на голове! Плюс реверансы и манеры! Совсем у меня распустились!

Во-во! Так их, так! Только томиком я бы советовал по заднице их, по заднице, а еще лучше ремнем!

— А теперь вы барон! — Бабушка Вальери, смерила меня тяжелым взглядом, медленно окинув с головы до ног. — С вами у нас будет отдельный разговор! Немедленно подойдите, я вас причешу, выбросьте свою палку, заправьте рубашку, и сколько раз я вам буду говорить, что бы вы не смели расстегивать воротничок?!

— Да госпожа Вальери, да конечно! — Спорить с этим тяжеловесом противопоказано здоровью, чего доброго еще и мне стихи на голову напялит. Что я с ними потом делать буду?

— Все разошлись. — Бабуля еще пальцами не успела щелкнуть, как девчата разлетелись кто, куда скрываясь с глаз долой. — Ульрих идем ко мне.

Ее апартаменты были самыми большими в замке, так сказать президентский номер который я держал на всякий случай для вип персон. В кабинете расторопные слуги уже накрывали чайный столик, а я рассказывал всю подноготную этой истории, даже не думая что-то утаивать. Секреты тут не к чему, потому что бабушка и так до всего докопается, ну и как буфер от последующих нападок со стороны дам. Всем не всем, но уж королеве пусть и бывшей, думаю, и не такие приходилось выслушивать повествования за свою жизнь.

— Вообще конечно молодец. — После завершения моего рассказа заключила Кервье. — Но, как и все в тебе слишком прямо и резко. Я даже не знаю юноша нравится мне это в тебе

или тоже как и всех раздражает.

— Простите, не понял. — Я долил себе чаю, предварительно жестом получив отказ на еще одну порцию для нее.

— Ты очень похож на лекаря в своих действиях. — Ну, вообще-то так оно на самом деле и есть, я даже мысленно усмехнулся. — Все знают, что надо менять бинт, вскрывая рану, и я еще не знала ни одного лекаря, который бы не срывал бинт резким мощным рывком вместе с запекшейся кровью.

Ну а как по другому? Все верно, так и надо, резко и сразу без предупреждения. Зачем же мучить пациента? Медленно, что ли с издевкой глядя в глаза тянуть за тряпочку, прикипевшую к ране, так что ли?

— Все лекари так поступают. — Задумчиво произнесла она. — Нет, что бы отмочить бинт, взять и подождать, успокоить там или поговорить. Нет, они приходят, срывают, делают недовольную мину, что больной орет, после чего уже обрабатывают рану.

— Так надо, иначе можно до скончания веков выслушивать про то, как ему плохо, а он так и не решится на в принципе, безобидное хоть и болезненное действие. — Пожал я плечами.

— Вот и я про то же. — Покачала она головой. — Все сделал правильно, но так резко и больно, что аж обосраться как неприятно!

Кружечка вместе с чаем и блюдечком жалобно звякнув, покатилась по полу, выскочив из моих рук. От такого речевого оборота я не то что кружку, я челюсть уронил на пол. И это борец за нравственность и культуру?!

— Ой, я тебя умоляю, только не надо выкатывать глаза, мол, первый раз в жизни бранное слово услышал, я хоть и леди но, между прочим, живой человек. — Она задорно рассмеялась. — Клянусь, глядя на девочек, чуть сама за тобой с криками не побежала! Ну ты силен Ульрих, умеешь раззадорить, я даже боюсь представить что случится со столичным обществом когда ты там появишься, а уж подрастешь так вообще знатный сердцеед из тебя получится.

— Полноте вам. — Она реально смутила меня.

— Ладно, действительно, не о том сейчас. — Она посерьезнела. — Теперь, давай о серьезном, о политике. Не знаю, что ты будешь делать, выдумывай что хочешь, но что бы они сошлись опять, причем как можно быстрей.

— Зачем? — Признаюсь, был удивлен.

— Пикскварры вырождаются, у брата баронессы дочь и, к сожалению, по имеющимся у меня данным детей у них больше не будет. — Она подалась вперед. — Дочки баронессой рождены вне

брака, так что их вообще никто считать не будет, а вот сама баронесса еще вполне сильная женщина, которая может принести роду наследника. Про волчью кровь не напоминай, баронесса не рожденная, а обращенная волчица, так что от нормального мужика у нее будут нормальные дети. Твой Гарич прекрасная пара, он конечно не из богатой семьи, но зато род его очень знаменит и в определенных кругах имеет, как и вес, так и определенную славу.

— Э-м-м… — Слов нет, по крайней мере, цензурных.

— Понимаю, дельце грязное, но поверь мне достойное. — Она подняла перст, предупреждая мои слова. — Даже не думай вывернуться, все эти свои моральные устои и принципы засунь куда по глубже. И да, это я тебе не как де Кервье говорю, что б ты понимал.

— Ясно. — Что тут сказать? Королевская семья решила так, значит быть посиму. Естественно я даже пальцем не пошевелю, но вот в сторонку отойду впредь, не влезая со своими советами. — Что-то еще?

— Да. — Она поджала губы, явно испытывая какое-то внутреннее затруднение. — Деметру береги как зеницу ока, без вопросов, а так же без сования носа не в свои дела, узнаю что копаешься не там где нужно с землей сравняю.

— Мне и копаться не нужно. — Хмыкнул я. — Без слов понятно, раз герцог Тид, за столько времени, не разу даже не посмотрел в эту сторону, значит и мне не стоит.

— Совершенно не стоит. — Взгляд колюч. — Ты даже не представляешь почему.

— Да это ж элементарно… — Чуть не брякнул «Ватсон», понимая, что уже сболтнул лишнего по ее побелевшим поджатым губам. — Ну, то есть, конечно, не понятно, запутанно…в общем не мое дело.

— И что же вам молодой человек известно? — Ох ну надо было мне ляпнуть?

— Да ровным счетом ничего! — Я поднял успокаивающе руки.

— Нет уж, извольте! Хочу выслушать ваши предположения!

— Ну. — Да горит оно все. — В папеньке все дело естественно, в том который настоящий, а не де Тид, ясно, что персона по шире в плечах будет, чем герцог. Иначе бы я день в день ловил наемных убийц, присланных по ее душу.

— Похвальная проницательность. — Она подалась вперед. — И кто же он по вашему этот господин?

— Да черт его знает. — Я пожал плечами. — Мне оно как-то безразлично, девочка спокойная, дружелюбная, немного конечно

мрачновата, ну да думаю, время вылечит и это. Так что пусть живет себе, горя не знает, гнать я ее не собираюсь, а забота о ней мне не в тягость.

— Ну и ладно. — Она замолчала на какое-то время. — Надеюсь, между нами нет недопонимания?

— Нисколечко. — Я поднялся, вежливо откланиваясь, так как без слов понятно время мое вышло.

К себе возвращаться не хотелось, наверняка дамы там меня караулили, а в подвале сидит Тина, тоже или опять начнет разговоры разговаривать, или будет сидеть прожигать мне спину взглядом. Покружив немного по замку заглянул к Дако, старикана не было видимо опять гульки гулял старый бес, еще пару раз нарезав круги выдвинулся к сквайру, от куда пришлось в скором времени уйти так же из-за леди Нимноу. Нона с утра уехала в Касприв главенствуя там в верховном суде, у нее прям страсть к этому. Что за жизнь настала? Герман и тот прогуливался с Деметрой по замковой стене, лишь я один бродил неприкаянный. Сделав еще круг по замку, осел, в главном зале выведя рабочий стол Мака и запуская пару проектов, с которыми можно провозиться достаточно долго.

Итак, что я там хотел? Банк? Ну, вроде бы простое дело, способное по выслуге лет поспорить с проституцией. Если я ничего не путаю еще в древнем Вавилоне полно было этих мерзавцев, у них вроде бы даже банковские билеты выпускались по цене золота. Ну да в исторических экскурсах я не силен. Что это, по сути? Ростовщики и менялы, на чужом капитале строящие свой доход, в той или иной мере взимающие процент от сделки. Само слово банк это не подходящее по корню русское банка, где хранят огурцы и прочие маринады, это слово обозначало стол, который выставляли менялы и на котором когда-то эти древние… банкиры, производили свои операции.

Главное в этом деле первоначальный капитал и гарантия того, что этот капитал вернется, плюс проценты. В моем мире гарантом выступает государство, законодательной базой возведя данный вид услуг в рамки, четко прописывая все нюансы от и до. Здесь же мне скорей всего придется действовать на уровне бандитской вольницы. Старый добрый рекет. Я тебе бабосы чувак давал? Так давай родненький, назад с процентиком, ибо вот раскаленная кочерга, которая сейчас войдет в твою задницу по самую рукоятку. Ну, а что делать? Люди деньги берут, а мотив для того, что бы вернули, должен быть весьма веским и доходчивым для любой головы или задницы, это уж зависит от того, кто чем думал, беря у банка. Это не благотворительность, это нужно вернуть.

С разбойниками более или менее понятно, вон у меня, их уже под две сотни, день ото дня матереют в учебном корпусе легионеров. С капиталом начальным тоже нет напряга, теперь бы определится с клиентурой, а так же конкретикой по предоставляемым услугам.

Что я могу? Могу брать на хранение, обеспечив гарантию сохранности? Могу. За это могу взять энешку? А то! Что еще? Кредит? Пожалуйста. С этим ясно, трудности могут быть и будут с переводами и филиалами. Тут ведь какая штука, чем их больше, тем больше урожай, респектабельность, а так же сам смысл вообще им пользоваться. Ну, скажите, кому в радость тащить на себе сундуки с железом? Это в нашем мире энешки бумажные, а тут, если распихать мелочь по карманам штаны спадут от веса. Местный купец помимо риска потерять от разбойничьего налета весь товар, рискует так же потерять пару пудов сторгованного серебра и злата. Девать то его некуда. А я могу гарантированно со страховкой доставить определенную сумму наличных из одного филиала в другой. И это заметьте, я даже процентов никому не даю, только беру. Хотя для сладости, наверно нужно выставить годовую плюшку, не слишком большую, но как говорится мелочь, а приятно. Процентов пять не больше, все равно конкурентов у меня нет, и скорей всего ближайшее время не предвидится. Вообще удобная вещь, можно пенсионный фонд мутить, какие-то льготы учреждать, ввести, в конце концов, цивилизованную систему налогообложения, а не это мздоимство что сейчас существует. Хорошо хоть шкурами и зерном уже не беру, а то вообще и смех и грех был.

На общие блок схемы ушло не больше двух часов, далее структуры должностей, а так же бланки отчетно-приходной документации, здесь уже по буксовал порядочно, во-первых, ордера прихода, картотеку надо ввести, нечто вроде базы данных клиентов, а во-вторых, нужно же закрыть лазейки для оттока капитала из моего кармана. Каких бы верных и надежных людей я не ставил, а система должна работать даже не то что без меня, но даже без их строгого надзора.

Удовлетворение от работы и по завершению черновиков испытал огромное, в этом деле я не силен, но по крайней мере за кредитами в свое время успел походить на поклон порядочно. Уже затемно, понял, что пока я сидел, работая с Маком люди, успели в этом же зале не только отобедать, но и отужинать. Опять будет разговоров, барон шизик вновь в мечтах где-то плавает всех игнорируя. Ну да ладно мне не привыкать. К тому же у меня в запасе еще есть целая ночь! А проектов у меня хоть отбавляй.

Сегодня я наконец-то смог добраться до макетной схемы,

составленной ранее следящей системы Большой Брат. Это мой шедевр, правда пока лишь в образе, слияние магии и моего понимания глобальной систематизации по сбору данных. За чем мне следить? Помилуйте ребята да я готов сам за собой иной раз последить, а уж за остальными и подавно.

Значит Большой Брат. Системно координатной сеткой я собирался выставить по всем своим землям вроде как вестовые столбы, на практике же являющиеся ни чем иным как камерой слежения, температурным датчиком, локатором, короче засланным казачком, по сбору любой мало-мальски интересной информации. Естественно это не просто. Первый вопрос это энергопотребление. Можно собрать действующую систему в таком ключе, что бы потом периодически объезжать эти столбы, подзаряжая их. Но сами понимаете это не наш метод, идея возникла, когда я игрался с эльфийской руной, которую мне показал Леофоль. Вроде бы простейшая замкнутая система, но ведь гениальность ее не в этой простоте, а в невообразимой сложности. Это же не что иное, как perpetuum mobile, без балды ребята! Пока жива и движется материя, данный энерго каркас вечен в своей функции света. Вы представляете? Я когда дотумкал до этого, чуть не задохнулся от восторга. Правда, вот функция никчемная — свет. Ну, это я с недосыпу сначала так подумал, а потом, почесав темечко, понял, что эту каляку-маляку из света можно же преобразовать в тепло, или вообще попытаться как-то купировать физическую составляющую получив в результате чистую формулу этого энергетического двигателя. Но все равно пришлось возвращаться к преобразованию, так как что голая система, что обычная, как я уже говорил, замкнута, стоило мне только протянуть тоненький щуп, канала к ней и она распадалась. От этого двигателя невозможно было получить энергии! Он обслуживал лишь себя и функцию, больше с него мне поиметь ничего не удалось, как я не бился над формулой. Поэтому стал пытаться изменить функцию либо же внедрить в нее свой узел. Здесь уже худо-бедно, но вроде пошло. Руна с горем пополам стала отвечать моим нуждам.

Вот тогда только, после батарейки, начал пихать начинку. Глаз прилепить на столб я не придумал как, потому спокойно взял как отработанную систему эхолокатор Мака, с преобразованием отраженного сигнала уже в образ. Схема уже отработанная, так что сплести ее было не сложно, по срокам я завяз с подслушивающим устройством. Сам узел прослушки был не сложным, сделал мембраны из тоненьких пластин различного металла, привязал к ним структуру, улавливающую колебания, а потом просто стал наговаривать слова, набирая базу звуков, для

того, что б в последствии интерпретировать их по смыслу. В этом то и задержка, тембры и тональности у людей разные, поэтому для увеличения звуковой вариации пластины- мембраны уже больше месяца набираются опыта в людных местах. Так же пришлось калибровать и температурные датчики, я даже придумал сейсмологические датчики, правда на кой черт они мне нужны, так и не понял. Но пусть будут.

Все это у меня было в наработках, но вот именно сейчас осталась самая дрянь, финансовая сторона проекта и мозги братюне. Деньги нужны были не маленькие, во-первых, изготовление. Взялся бы я за деревянные столбы, было бы дешевле, но опять же дерево, да еще и ошкуренное долго не простоит, посиму гномы взялись за камень. Первые двадцать столбов уже на подходе, за каждый из которых придется отдать не только за материал, но и за работу. Но их еще надо установить, подсыпать щебня плюс залить раствором, да доставить на место установки. Тут ведь какая еще штука, устанавливать нужно на определенном выверенном расстоянии, чтобы узлы энерго структур могли передавать информацию, друг другу, а в конечной точке сюда в замок в центр управления. Ну и не забыть про проклятый сопромат, в каждом из столбов для закрепления заклинаний, нужно вложить амулеты. Дорогие. Одной золотой проволоки уходит на амулет под триста грамм, не говоря уже о серебре, бронзе, латуни, а что делать? Иначе контуры заклинаний проплавят и камень, и все прочее, разрушаясь на глазах. Все это надо композитно свить, в расчетную фигуру, заплатив ювелиру. Вмонтировать в столб и замуровать от посторонних глаз, а то народ чего доброго будет ходить выковыривать из моих столбиков драг металлы. Хорошо хоть по расчетам на столбы не нужны драгоценные камни, а то сто раз бы подумал, прежде чем браться за подобный план. Циферки, нолики, из них складывается вопрос суммы, который я обсчитывал, закончив далеко за полночь. Вымотавшись неимоверно, да и проголодавшись порядочно.

В зал, громко хлопнув дверьми, вбежал Фава Рах, сметая все на своем пути и устремляясь прямо ко мне.

— Барон, спасибо! Барон вы гений! — Что? Кто? Я гений? Да, спасибо — знаю. Заголосил он, бросаясь мне в ноги. — Я вечный ваш должник, просите что угодно, сам костьми лягу но выполню!

Я был просто обескуражен его эмоциональным взрывом, взрослый мужчина, заливался слезами, при этом улыбался и ползая на коленях пытался целовать мне руки. Такого буйства страстей мне еще никогда не приходилось видеть.

— Что случилось? Что с вами уважаемый? — Я попытался

отстраниться.

— Он очнулся! Он очнулся! — Слезы бежали по его лицу. — Мой сын, он очнулся!

* * *

Честно скажу, это и в правду было чудом, то, что молодой человек после стольких лет вновь смог открыть глаза и с трудом ломающимся голосом позвать отца, сидящего бессменным постовым у его постели.

Я не верил в эту возможность, но это случилось. Совершенно обессиленный, он с трудом разлеплял веки не в состоянии самостоятельно повернуть головы, но он вернулся, он вновь вошел в мир реальности, покинув пределы серого забытья. И уж тут, мне и Дако пришлось приложить максимум усилий, что бы он не ушел обратно.

Старый маг выбирал свой энергетический потенциал под чистую, под конец плетения заклинаний не в состоянии самостоятельно иной раз дойти до постели. Я же в свою очередь вместе с Хенгельман занимался более мирским и знакомым. Промывка не прекращалась, мы повторно еще раз произвели переливание крови, немного увеличили интенсивность массажа, что б хоть как-то привести его мышечный тонус в норму.

— Ульрих, родненький, а ты почему старому разбойнику не помогаешь? — Бабушка некромант явно переживала за Дако, впрочем, как и я, не привычно видеть его изнуренным и еле волочащим ноги.

— Я не знаю целительных заклинаний. — Пришлось виновато опустить голову. — Все как-то не доходил в своем обучении до этих контуров.

— Понятно. — Она поджала губы. — Очередной, пострелятель молний, разверзатель небес и потрясатель недр.

— Ну, зато я теорию хорошо знаю, могу уже сам узлы стыковать. — Было немножко стыдно. — Амулетную магию неплохо освоил. А вы госпожа Хенгельман, знаете целительские контуры?

— Конечно. — Он буднично кивнула. — Я целитель первой категории. Не зная, как работает жизнь нельзя постичь основ того, как управлять смертью.

— Э-м-м… — Удивленно протянул я. — Тогда почему вы не…

— Не лечу? — Она улыбнулась. — Мне запрещено, по закону тот, кто перешел в некроманты не имеет право, марать своей силой живых.

— Как это марать? — Похоже очередной заскок власть имущих, а так же жителей этого мира с предубеждением относящихся к этим мастерам.

— Не знаю. — Она передернула в раздражении плечами. — Я словно сама нежитью стала по всем канонам, нормам и моралям общества.

— Госпожа… — Я воровато оглянулся, не столько чего-то опасаясь, сколько играя. — А вы бы не могли заняться моим образованием, в виду сильной занятости моего учителя? Исключительно в образовательных целях?

Она смерила меня с головы до ног взглядом, в котором проскользнули озорные бесята.

— Наверное, могла бы. — Улыбка тронула черты ее лица. — Так сказать, заполнить некоторые пробелы в образовании.

А заполнять было что. Без преувеличений скажу, что это был врач по своему опыту, возможностям, а кое-где и знаниям, на целую голову выше меня. Бабушка некромант, это была мощная с оттягом со всего размаху пощечина по моей профессиональной гордости. Что я раньше видел от Дако? Легкое купирование боли, небольшие заживления порезов и снятие, рассасывание гематом. Старик частенько врачевал разбитые коленки и носы детворе, пару раз заставлял срастись некоторые порезы, которые, по моему мнению, уже требовали сшивания, но ничего более. Даже сейчас, выматываясь, он лишь поднимал общий тонус организма, своими контурами стимулируя, похоже, иммунную систему. А вот Хенгельман, это уже другой уровень.

Она могла регулировать сердечный ритм, могла вести контроль, за артериальным давлением крови. Видела не хуже рентгена, могла диагностировать и диагностировала, именно она указала на почечную недостаточность, что естественно в разы облегчило мне жизнь, так как теперь я знал, что именно сломалось в организме парня.

— Смотри Ульрих. — Мы склонились над спящим юношей. — Как ты уже наверно знаешь, любой живой организм наделен в той или иной степени, энергетической основой, так называемой аурой. Что то конкретное по ней я тебе не скажу, так как досконально об этом и сама не знаю, но могу подтвердить, что аура, это совокупность энергетических процессов протекающих в теле. Вот тут чехардой пробегают искры, это мозг отдает команды через позвоночник телу. Вот этот сгусток рассредоточенного сияния сердечная мышца, вот этот узел угадай что?

— Легкие! — Я следил за ее мыслью и тренировал новое умение, перенятое от бабули, способность видеть энергетику тел. Мы и раньше с Дако уже рассматривали ауры, но вот навести

резкость, да еще и знать точно на что ты смотришь, это уже наука. — Вот они сжались, вот разошлись, свечение меняет интенсивность.

— Правильно. — Я быстро перенимал ее науку, еще не разу не ошибившись, лишь местами слегка поправляемый своим новым учителем. — Ты молодец, даже удивительно, что в столь юном возрасте у тебя такие обширные познания в анатомии! Не говоря об остальном. Ты прекрасный врачеватель Ульрих, я бы заочно тебе уже сейчас дала третью категорию, не каждый лекарь знает, видит и умеет то, на что ты способен, даже отучившись, весь положенный срок в академии! Правда скальпель я бы тебе не доверила…

Ну, да, есть у меня такой грешок, нет ювелирной тонкости пока в энергетическом конструировании. Моя магия это не скальпель, это удаление аппендикса с помощью топора или допустим садово-огородной тяпки. Мне легче ампутировать руку, чем свести с нее пару бородавок. Конечно, я хитрил, у меня есть Мак, благодаря нему я все же мог создавать жгуты оперирования тонкими нитями, а не черт знает чем. Но гордость требовала тренировок, уж очень захватывающие перспективы рисовались передо мной. Вы только представьте себе врача, который сам себе рентгенолог и лаборатория анализов. Вы только входите к нему в кабинет, а он уже знает где, и что именно у вас болит, причем рецепт выписал еще, когда вы шли к нему по коридору. Даже не так, он вылечил вас, пока вы шли к нему по коридору!

В который раз убеждаюсь, в том, что технология, доставшаяся в наследство этим людям, в разы превосходит всю историю нашей механической цивилизации. Правда, вот это грустное серое невежество убивает весь прогресс на корню.

— Ульрих это не прилично когда врач засыпает над пациентом. — Она то и дело одергивала меня, выводя из задумчивости.

Через пару недель мы на пару с госпожой некромантом отогнали от постели больного, сэра Дако отправив его на отдых, так как весь процесс восстановления уже целиком нами контролировался. Вернее мной. Старушке Хенгельман категорически воспрещалось каким-либо образом воздействовать на паренька, благо она могла контролировать и давать советы мне, от чего дело пошло на лад, причем семимильными шагами.

Нет, конечно, он не вскочил с постели, отплясывая джигу, сей момент же, но, по крайней мере, и на привидение бледное перестал походить. Вполне осознанно стал принимать пищу, появился румянец, постепенно уходила худоба и страшные синяки под глазами от истощения. Еще не уверенно, но стал

поднимать с трудом руку, говорил плохо, но по крайней мере слово другое иной раз можно было разобрать.

Но как всегда и бывает, радость не приходит одна. Мы непозволительно расслабились, вновь предоставив пищу для страшного проклятия, что так и висит до сих пор острым мечом над нашей шеей. Белая Смерть словно обезумев, стала бросаться не только на одиночек, теперь по замку стало не безопасно передвигаться даже парами. Госпожа бестиар, говорит, что в последнее время не было ни одной ночи, что бы она не засекла умертвие. Белый призрак не только участил свои нападения, но стал перерастать в нечто большее, так как физически стал вытворять различные подлости. Это уже не призрак, это прям poltergeist, со всеми вытекающими последствиями. Жуткие завывания, разбитые стекла, перевернутая мебель. А к концу недели трагедия с летальным исходом.

Прямо по середине дня, в пред обеденное время, на глазах у всех кухонных работников. Одного из поваров словно толкнул кто-то в спину, от чего крепкий мужик, влетел в печь с жутким криком в мгновение ока объятый пламенем. Кинувшиеся на помощь люди с ужасом увидели, как затвор печи сам собой закрылся, что только люди не делали, пытаясь отжать чугунную дверь, но, увы, ту словно заклинило, а после того как смолк последний крик умирающего, она сама распахнулась настежь, словно приглашая очередную жертву.

Без разговоров, даже не пытаясь выслушивать, чьи либо возражения, я приказал гвардейцам вывозить народ из замка. Детвору и женщин в этот же день отправил в Касприв где их должны будут разместить в здании магистрата, остальных разбил на группы, часть расквартировав в казармах городской стражи города, а часть переселил в корпус легиона. На данный момент, в Лисьем оставался я и Хенгельман с Альвой Шернье, на постоянной основе, не считая обоих Рахов. Сэр Дако был за старшего в легионе, так сказать для подстраховки, потому что сам корпус к замку был ближе, чем город, да и артель строителей, работала там. Мы решили, если призрак вдруг и уйдет из замка, то первый его выход старый маг уж, как ни будь, засечет и отразит, защитив людей.

— Давай-давай белоручка, работай! — Да белоручка это я. И теперь господину барону, тобишь мне, приходится вот этими руками, колоть себе дрова, а после таскать их в каминную, где мы расположились всей бандой на постой. — Нужно по больше наколоть сегодня, а то ты вчера сам на сам почти весь запас спалил пока мы спали.

Я недобро зыркнул на разглагольствующую Альву, она вместе

с Фавой пилила ствол на поленья, которые уже я колол топором. Сплошная маята с этими дровами, это в кино только вышел во двор на поленницу топором помахать, удаль молодецкую потешить, а в жизни все гораздо хуже. В жизни, что бы получить дрова сначала нужно срубить мать его дерево, а потом тудыть его в коромысло, по отрубать ко всем чертям сучки и веточки. После чего припереть это чудо во двор, взвалить на козлы, чтоб попилить на чурбаки и лишь только после этого топором по раскалывать эти заготовки на дрова.

Слуг ведь тоже пришлось эвакуировать. Перешли в этой связи на самообслуживание, колем, пилим, еду готовим и все сами. Скатились ниже не куда. Правда, я то и дело отлынивал, эксплуатируя Тину или других вампиров сбившихся вокруг нетранспортабельного Десмоса, по причине, не столько увечия сколько банального, а куда его еще можно засунуть? Но сегодня не повезло вампиры ушли за свежими продуктами, а госпожа рыцарь тут же меня направила на общественные работы, то и дело, посмеиваясь надо мной. Вообще не представляю от куда в ней столько сил, мало того что ночами дежурит, так еще и днем нет-нет да и схватится за какую ни будь работу. Иногда наблюдая за ее кипучей деятельностью, начинал сомневаться в ее рассудке. Ей бы топлес где ни будь на песчаном берегу моря полежать позагорать, цены б ей не было, а не обвешавшись железяками строить из себя тут не пойми что.

— Ты чего там опять замечтался? — Вновь влезла она под руку от чего я, крякнув, не только расколол чурбак, но и вогнал лезвие колуна в колоду. Вот блин, когда вгоняешь топор в колоду, это лишние телодвижения по его извлечению оттуда. Нет, надо что-то срочно придумать, не для того я столько в институте учился, что бы дрова потом колоть. Говорила мама; учись сынок…

Мысленно стал перебирать в голове различные схемы отопления известные или по крайней мере те о которых я слышал хотя бы краем уха. Все требовало в той или иной мере приложения рук и физической силы, а хотелось так, щелкнул пальцами тепло. Под шуточки и подколки со стороны Шернье, наколол дров принявшись сносить все к нашему очагу. Замок с уходом людей остыл, местами стены промерзли до такого состояния что внутри помещения белели инеем. Ночами мы даже у камина испытывали холод, правда в этой ситуации был и свой плюс, ложась спать я с одной стороны неплохо так присоседивался к упругому телу госпожи рыцаря, ощущая ее крепость, а с другого бока меня постоянно согревал мой телохранитель не без ревности поглядывавшая, что б я не

слишком то сильно жался к бестиару.

Бегая по лестнице со двора в замок, с сожалением топтал ногами многочисленные осколки выбитых буйным призраком стекал, что жалобно похрустывали под сапогом. Денежки и труд. Обидно и жалко, столько сил ушло на ремонт замка, что бы все это превратилось в груду мусора из-за какой-то девицы, да еще и преставившейся черт знает сколько лет назад. Вот с ними женщинами всегда так, все вроде бы ушла, назвала козлом, побила тарелки, а потом нет-нет, да и опять начинает звонить и обзываться, или вообще, если под мухой так такую фигню в трубку телефонную нести начинает, что на голову не наденешь. Барышни, уходя, уходите, а не вот это вот черт знает что, вытворяете.

Запыхавшись, встал передохнуть перед одним из окон, разглядывая причудливо разбросанные осколки на полу и радужно переливающиеся при не радостном зимнем свете. Битые линзочки, с трудом улавливали свет, точками искрясь в разных спектрах цветового диапазона. Красиво. Подобрав один из осколков поигрался бликом ловя солнечных зайчиков.

— Ульрих! — Со двора послышался голос Альвы. — Ты опять где-то на ходу уснул?

Тьфу, на тебя! Что за женщина! Из таких наверно, те самые тещи из анекдотов получаются, ни секунды покоя, сама вон кобыла здоровенная могла бы и потаскать дровишки, не вспотела бы. Тяжело вздохнув, отбросил в сторону осколок, крутанувшийся в воздухе и упавший чуть в отдалении. Напоследок он уловил радиус отражения, резанув мне лучом света по глазам, превратившись на секундочку в яркий маячок. Ух как сильно бликанул…

Стоп. Что-то шевельнулось у меня внутри. Точно! Нет не то, нужно соблюдая традицию выкрикнуть эврика! Особенно если учесть около историческую и около научную околесицу, что неожиданно всплыла у меня в мозгу. Конечно же, я вспомнил легендарного старца из Сиракуз, математика, физика, инженера и еще бог знает кого господина и товарища нашего Архимеда. Думаете, про то вспомнил, как он голый по городу бегал, выскочив из ванны? Нет, я вспомнил легенду о том, как при осаде его города римлянами, якобы этот великий инженер сконструировал из зеркал и начищенных до блеска щитов мощную линзу, проектором которой стал световой луч достаточно мощной силы, что позволил сжечь часть вражеских кораблей. Правда это или нет, не знаю, слышал лишь, что где-то в семидесятых годах, прошлого столетия некий грек, ученый по происхождению, смог спроецировать луч света из семидесяти

медных зеркал, который был в состоянии на расстоянии аж пятьдесят метров, поджечь фанерный макет римского корабля. Хотя так же слышал, что другие экспериментаторы крутили пальцем у виска говоря, что все это полная околесица. Ну да мне что на первых что на вторых плевать с высокой колокольни, мне корабли, пока, римлян под стенами своего замка жечь не нужно. Не приведи господь. Думал я о другом, сами понимаете, холод не тетка или как там говорится? У меня из головы не шли по-прежнему способы обогрева для лентяев из категории сделай на коленке и не заморачивайся. Сейчас слабонервных попрошу пролистать пару тройку предложений. Все в детстве жгли муравьем увеличительным стеклом? Как не все? Немедленно вставайте и идите, устраните этот пробел в своем воспитании. Как сейчас помню, конец апреля я сижу на заднем дворе школы в пионерском галстуке и линзой жарю муравьев и вертких, таких красно-оранжевых жучков в черную крапинку, что мы называли солдатики. Мурашки быстро изжариваються, а вот жучка сначала нужно отловить и ножки оторвать, что б значит, не мешали они чистоте эксперимента и широкой душе первоиспытателя. Пионер, по-моему, даже как-то так и переводится, первооткрыватель или первопроходец? Уже не помню.

— Ульрих! Демоны тебя раздери, где ты пропал?!

«За что?».

Так, значит, мураши жарятся от света, а свет может фокусировать даже вот такой вот огрызок битого стекла. Постоянный свет ровняется постоянное тепло, улавливаете? Конечно же эльфийская руна! Упав на колени стал ползать по полу соберая самые большие стеклянные осколки. Мне бы тубус какой или трубки, в одной части поставлю сборным рядом вот эти стекляшечки, через которые и пойдет в преломлении свет от руны, а в другом конце, ни фига не будет. Другой конец должен быть тупо металлической болванкой, которая должна нагреваться от падающего на нее луча.

— Ульрих имей совесть, за тебя дрова никто не будет носить!

«За что?».

Но между стекляшками со светом и болванкой нужно какое-то расстояние соблюсти, мало ли вдруг нагрев и вправду выйдет приличным еже чего доброго от температуры все мои линзочки полопаются и раскрошатся.

— Да где же этот несносный мальчишка?!

«За что?».

Собрав целую кучу осколков, скорой рысью ринулся вниз, по лестнице оббежав какую-то бледную девицу по пути.

— Извините леди!

«За что?».

— Ты куда это намылился? — На моем пути выросла фигура Шернье. — А это еще кто тут с тобой?

Бестиар тут же выдернула из-за пояса длинные тусклые клинки своих кинжалов, бросаясь куда-то мне за спину.

«За что?».

Понятия не имею, что там у них опять начинается, и кто там, что и за что, сбежав, наконец, по лестнице выбежал во двор, минуя пристройки конюшни, корпус столовой и ряд столярно-слесарных мастерских, уже через внутренний сад, добираясь до небольшой местной кузни. Гадство, дверь в кузню оказалась закрыта на здоровенный висячий замок.

«За что?».

— Ульрих она за тобой идет следом! — Где-то в начале моего забега мелькнула фигура Шернье бегом направляющаяся в мою сторону.

Вот настырная женщина, да принесу я попозже тебе дрова и твоей бледной подружке, занят я сейчас. Махнув им рукой, обошел здание кузни, с радостью отмечая, что заднюю дверь хоть не додумались закрыть. Внутри продираясь через металлические полосы и прочие заготовки стал лазить по металлу выискивая возможные остатки трубы, что мы когда-то отливали из чугуна, но потом перешли на керамику из-за дешевизны и долговечности которой. Благо нужный кусок вскоре нашелся, примерно метра под полтора, диаметром под двести миллиметров, хорошенький такой огрызочек, то, что надо для установочной трубки под стекло. Только вот беда, пришлось его катить по полу, так как я с трудом отрывал его от земли.

— О боги! Ты цел? — В кузницу влетела Шернье, тупо выбив входную дверь вместе с замком. — Тут железо, ей не войти.

Наступила неловкая минутная пауза, я не понимал ее, а она собиралась с мыслями что бы, наконец, озвучить тот самый вопрос что ее мучил.

— Ты вообще, какого демона тут забыл? И вообще в курсе того, что за тобой шел призрак?

— Эм, насчет призрака не уверен, но раз уж вы здесь не окажите любезность?

— Какую? — Она с недоверием огляделась по сторонам.

— Да так, пару труб перенести.

* * *

— Это какое-то проклятие, а не ребенок! — Распиналась

Альва бурно жестикулируя, и рассказывая Хенгельман о наших похождениях. — Вы представляете, только что был здесь, как хоп! Пропал, ну думаю, опять выпал из реальности стоит где-то мечтает, поднимаюсь наверх, смотрю, ползает по полу и что-то бормочет, а за ним по пятам призрак парит, ручки свои тянет, чуть ли не по головке его поглаживает.

— Ничего себе. — Бабуля хлопотала у камина, варганя нам, что-то горячее, не забывая подливать, периодически чай в кружки. — И что?

— А он вдруг как подскочит и такой: «Извините леди мне надо идти!». И как деранет куда-то по коридорам, я в ножи и на призрака!

Я слушал ее краем уха, возясь в своем уголке с трубами и стеклами, что мне притащили, чуть ли не со всего замка пришедшие, наконец, вампиры. Дело оказалось муторным и до безобразия сложным, увы, ничего в этом мире не дается просто так. Стекло слишком мягко преломляло свет, причем каждый из осколков по своему, из-за чего, все кусочки приходилось выставлять по лучу, собирая этот сложный мозгодробительный пазл.

— Призрак сразу пошел на развоплощение, видимо, уже приучена гадость, что со мной шутки плохи. — Шернье покачала головой. — Хорошо я сразу за этим (печальная мина в мою сторону), побежала, смотрю уже в парке, призрак опять над ним висит, а он на нее ноль внимания! Даже не представляю, как такое может быть, что он до сих пор жив! Будь он хоть трижды маг, никто не может выдержать прикосновения призрачной материи! Это неслыханно, он уже сто раз должен был погибнуть из-за своей небрежности!

— Тысячу. — Тут же покивала некромант. — О таком даже я не слышала.

— Как же тогда это понимать? — Шернье задумчиво окинула меня взглядом. — Могу поспорить, она его касалась и не раз. Причем возможно и в первый раз, когда он ее плюшками подкармливал.

— Такое бывает, если призрак пытается войти в контакт с живым. — Бабуля заботливо погладила меня по голове, приложив ладонь ко лбу вроде как сверяя температуру. — Как если бы она пыталась что-то сказать ему или передать образ какой. Хотя с нашим бароном вообще не в чем нельзя быть уверенной. Он хоть как-то прокомментировал все эти железки, что припер сюда в комнату?

Хенгельман поочередно оглядела всех присутствующих, от каждого получая отрицательное покачивание головой. Ну,

некогда мне было все им рассказывать, в конце концов, я у себя дома и могу тут хоть без трусов ходить, кому какое дело?

— Дорогой, ты вообще как? — Она наклонилось надо мной, возящимся со стеклами. Подсвечивая руной спроектированной на небольшом медном пятаке я пока смог выставить под углами четыре стекла более или менее ровно передающих пошагово луч дальше, а не рассеивая его мутным облаком. — Ничего не болит? Не хочешь бабушке рассказать, чем ты тут занимаешься?

Сначала думал промолчать по традиции, но потом все решил рассказать, ну просто человек милый, как-то и вправду неудобно, что она, что Дако, люди грамотные и не бес интересные, даже если не поймут, по крайней мере, выслушают достойно. Старик тот конечно порезче будет, а бабуля ничего так, заботой и мягкостью берет.

Послушать мои идеи собрались все, я как мог рассказывал про солнечные зайчики, на дулях пытался пояснить про преломление света но в конце повествования внезапно получил отклик со стороны доброй души некроманта.

— Это как в увеличительных стеклах! — Она покивала своим мыслям, а я подхватил отвалившуюся челюсть, как-то так привык уже, что здесь сплошь и рядом двигатель прогресса, и генератор идей это я.

— Вы знаете про увеличительные стекла? — Я изумленно оглядел старушку.

— Конечно. — Улыбнулась она. — На востоке прекрасные мастера стеклодувы, они много чудес преподносят миру, или ты думал, что до тебя никто не додумался изготавливать стекло?

— Ну-у-у… — Вот тебе и ну, как такое вообще возможно? Пол континента и слыхом не слыхивали о стекле, а на второй половине живут прекрасные мастера стеклодувы? Хотя надо все же признать, в истории старушки Земли тоже были подобные парадоксы. Китайцы за столетия до огнестрельного оружия умели изготавливать порох, те же шелка или фарфор, а восточных странах задолго до старушки Европы придумавших стекло, парфюм и прочие изыски даже говорить не стоит.

— Погоди. — Старушка поднялась с кресла, направляясь к своим баулам, где хранились ее вещи. — У меня где-то набор был даже. Я в последнее время вижу плоховато, а по работе иногда нужно осмотреть некоторые детали.

Вскоре у меня на руках красиво завернутые в бархатные тряпочки, лежал с десяток идеально ровных выпуклых кругляшей линз, различного диаметра.

— Пользуйся дорогой. — Старушка подмигнула мне.

Шикарно! То что нужно, с этим набором растянув его и

чередуя попеременно со стеклом, к концу дня кое как смог сфокусировать довольно приличный лучик. Первоиспытания которого производил на свое собственной ладони, не без гордости могу сказать руку приходилось отдергивать уже через пару секунд, так как нагрев был хорош.

Игнорируя призывы окружающих ко сну, пол ночи еще провел с молотком, которым тарабанил по трубам, чем естественно вызывал не только раздраженные взгляды окружающих, но и заработал пару не лицеприятных эпитетов. Что впрочем, не помешало мне собрать свой адский агрегат.

— Ну и? — Позевывая, Альва попинала мою трубу носком сапога. — Работать то будет? Или ты просто из злопакостности над людьми издевался?

Я пожал плечами, по идее уже должно было заработать, только вот железный литник на конце сооружения упорно оставался ледяным, хотя по всем прикидкам должен был по крайней мере нагреется хоть чуть-чуть.

— Ладно, я на дежурство, пойду по замку прошвырнусь. — Она вроде как приятельски мне подмигнула. — Подружку твою погоняю.

Печально вздохнув, завалился на свой матрас, уставившись в потолок. Ну что ж тут поделаешь, не каждый же раз у меня должно все получатся, хоть и очень мне хотелось сегодня получить действующий образец своего чудо агрегата. Может руну подкачать, увеличив объем излучаемого света? Нырнув в энерго контур заклинания, увеличил площадь и общий оборот каналов, может и в правду будет толк.

Покрутившись с боку на бок, вспомнил, что нечто отдаленное уже где-то читал. Порывшись в памяти, а так же в своей библиотеке услужливо открытой Маком, естественно искомый вопрос обнаружил у своего любимого мага воздушника, мастера Эббуза. В одном из своих дневников, он экспериментировал с воздушными потоками, меняя концентрацию и их насыщения, заинтересованный таким простым и всем знакомым явлением как марево, или миражи. Хороший был маг, любопытный, наблюдательный, он в своих экспериментах дошел до того, что смог спроецировать из воздуха увеличительную линзу, правда, использовал ее по-другому. Он оформил ее как бинокль, или подзорную трубу назвав Воздушным Оком Эббуза. Там получалось и в правду бешеное приближение, ну да и сама линза у него получалась под два метра диаметром. О том, что бы дальше валятся в постели, теперь даже мысли не было, раскрыв нужные страницы, стал загружать расчетами Мака, так как приведенные формулы преломления света и вся эта оптика была

из разряда, ну ее на фиг. Тут ведь не только сам расчет сложен, тут уже и сама структура заклинания у мага была зубодробительной. Не какой линейности, в сумме это походило на как если бы с глобуса сняли меридианы и параллели, все это приплюснули, а потом обкрутили новогодними гирляндами. Как вообще эта хрень работает, даже приблизительно не представляю, вижу только запитку, да пару контуров управления, благо пояснения в дневнике подробные да и мой комп вполне лихо щелкал расчеты, хоть и приходилось по долгу ему разжевывать, что куда и для чего.

Но, как и раньше «нетерпячка», взяла верх плюнув на расчеты решил экспериментальным путем немного по ходу дела подправить ситуацию. Мак быстро скопировал структуру, которую я уже собственноручно так сказать запитал, от чего под потолком образовалась громадная мерцающая воздушная сфера, мерцающая, словно вода и улавливающая в свои обводы отблески пламени от камина и пары подсвечников. Тайком оглянувшись по сторонам, оглядел спящий народ, лишь бестиара не было, она все еще обходила владения, войной воюя с призраком.

Шикарная штуковина эта линза, захотелось вскочить и из ближайшего окна рассмотреть ее приближение, но увы, во-первых ночь, и невидно ничего, а во-вторых наверняка всех разбужу, опять начнут ворчать. Устроившись по удобней в постели стал работать с линзой то так то эдак, воздействуя на ее энергетику и структуру нитей. Громадина под потолком меняла свою прозрачность, то приобретая цвет живой ртути то становясь легкой мерцающей дымкой. В принципе тяжело в ученье легко в бою, хоть структура и громоздка и тяжела в построении, но оказалась легкой в управлении, поддающейся простой регулировке, как по плотности, так и по размеру. Такую линзу не «залапаешь» пальцами, чистота кристальная, просто идеальна для моих нужд. Поерзав, еще раз оглядев спящих, и прикинувшись шлангом, решил немного продвинуться дальше на пути прогресса и становления благ цивилизации. То есть, скрутив ладошками закрытую лодочку, активировал маленькую руну, пытаясь ее лучиком попасть в линзу. К моему шоку, я все же попал, причем по полной, линза, словно стоваттный прожектор, вспыхнула на всю комнату белейшим диском солнца, ослепив меня аж до зеленых плавающих кругов перед глазами. В срочном порядке, пытаясь проморгаться развеял все структуры, закрыв глаза и прислушиваясь к окружающим. Ничего себе шуточки, так и ослепнуть можно!

Судя по звукам народ, продолжал тихо мирно спать. Это обнадеживало, значит как только вернется зрение можно

продолжать дальнейшие изыскания. Только вот, что же произошло? Почему свет проецируется в комнату? Линзу наверно нужно развернуть, задом наперед, иначе я опять попаду с этой иллюминацией, проекция видать направлена не на потолок а на пол. Вновь задействовав Мака перевернул линзу под потолком в обратную сторону, народ спокойно посапывал. В этот раз решил засветить руну на подвесной люстре, так как руками на всякий случай прикрыл глаза, нет, я конечно в этот раз был уверен в чистоте эксперимента, но как говориться… мало ли чО.

Но миновало, линза пошла волнами, руна светила в потолок, в легком полумраке, решил немного поддать света в руну…

Вж-ж-ж-ж…

Хм… Это «ж-ж-ж» неспроста, похоже, я добился какого-то результата! С обратной стороны в потолок упирался довольно мощный лучик, примерно под пол метра диаметром, в комнате резко подскочила температура, я на полу стал ощущать жар, которым стала наполняться комната, а с потолка меж тем что-то интенсивно закапало на пол, каким-то пунцово-красным цветом отдавая в ночи.

Плюсик от моего эксперимента на лицо, я за считанные секунды прогрел комнату до состояния бани! А вот минусики, должны быть и они, вон хотя бы, что же это там капает? Что там могло быть под потолком так интенсивно теперь стекающее на пол? Что я там прожег?

Стоп!

Прожег?!

С дичайшим ужасом в сердце, покрывшись ледяным потом с ног до головы, осознал, что же это такое красное может стекать с верху! Это мать его, сам потолок и стекает вниз расплавленным камнем!

Мгновенно свернув оба заклинания, на карачках тихо подполз, к здоровенной дыре. Задрав голову, с восторгом и страхом рассматривая ее ровные пунцовые края. Это ж что же получается? Это я джедай не доделанный, сейчас мощнейшую лазерную пушку сварганил на коленке? Да уж дела… Еще ж взял вместо стандартных двух метров линзы растянул ее на весь потолок, а тут наверно метров под десять свод каменный. Был. Ну, вроде бы еще и есть, только с дырочкой. Черт, может, не заметят?

* * *

— Ты наверно сынок, думал, не заметят? — После

продолжительной паузы за всех собравшихся произнесла Хенгельман. Они стояли, рассматривая то наметенный снег с улицы через дырку то сам голубой небосвод, чередующийся легкими проплывающими облаками.

При свете дня, дырочка выглядела более чем внушительно, особенно если учесть, что луч прошел не только наш свод, но и комнату выше, потом выходя на чердак, а уже с него сквозь черепичную крышу дальше в небо. Но есть и позитивный момент, старый чердак не сгорел. А мог.

— Ульрих, родненький, всего два вопроса: как и на кой хрен? — Шернье стояла раскрыв рот. — И главное ночью и вправду не видно, я, когда вернулась, мне даже тепло в зале показалось.

— А я вроде бы какую-то вспышку видел. — Фава Рах задумчиво почесал в затылке. — Хотя со сна подумал, привиделось.

— Может его на ночь связывать? — Высказалась Тина с опаской на меня покосясь. — А то боюсь, кто-то может в следующий раз не увидеть рассвета.

Вот оно женское коварство! То в любви признается, то связать предлагает, а дальше что? Штамп в паспорт, зарплату на стол, заначку в носок и не подходи ко мне у меня голова болит?

— А что, вполне здравая мысль. — Альва смерила меня взглядом. — Думаю нужно его и днем контролировать, что бы кто-то постоянно при нем дежурил.

— А в комнате меж тем не холодно. — Бабушка задумчиво оглядела окружающих. — Хотя должно было выстудить здесь все капитально. У кого какие идеи?

Ура! Мой адронный коллайдер на линзах, соплях и куче надежд работал во всю, обдавая все вокруг жаром. Видимо процесс нагрева не быстрый, все же такую болванку прогреть, с учетом того, как быстро метал, отдает тепло.

— Отец! — Из дальнего угла послышался голос пришедшего в себя молодого Раха. — Где мы?

Он периодически звал его, слабым голосом, когда приходил в себя, хотя по прежнему был очень слаб и лишь временами мог связать пару слов вместе. Мы с Хенгельман, по-прежнему работали на пару, взаимодействуя через его ауру на организм, что с трудом, но давало результат. Сама целительница тире вредительница некромант, обладала неоценимыми знаниями, но вот нюансами не владела. Все же медицина моего мира, даже не располагая такими возможностями, ушла на порядок вперед, так что здесь мне как говорится все карты в руки.

— Как ты сынок? — Отец пулей оказался у его постели,

заботливо поглаживая его по голове. — Чего-то хочется? Есть? Может пить?

— Нет. — Он мутным взором окинул всех собравшихся у постели. — Армус, где этот подлец? Отец мне кажется, это он меня отравил.

— Я знаю сынок. — Фава покачал головой. — Его больше нет в живых.

— Это он виноват, он и та ведьма они были заодно! — Немнод прикрыл устало веки. — Нам надо было выполнить заказ, ты должен был гордиться мной, я не мог тебя подвести…любой ценой…прости отец…

Юноша вновь уснул вымотанный диалогом, правда и это уже был громадный прогресс для него, с учетом его слабости и состояния. Но как говорится чем дальше в лес тем толще партизаны, все эти его реплики, иной раз вызывали противоречивые чувства и мысли. Вроде бы все встало на свои места, но каждый раз парень приходя в себя начинает просить прощение, словно и в правду за ним был какой-то грех, что не связывалось с общей картиной и той информацией, что мы располагали.

— Демоны преисподней! — В зал вошел Дако, в сопровождении двух гвардейцев и Гарича. — что у вас здесь произошло?! Мы всю ночь не спали, после того как над замком заметили столб света! Вот с утра сразу к вам приехали, все живы здоровы?

— Это он!

— Это Ульрих!

— Ульрих фьють…

— Совсем не слушается.

— Вон какую дыромаху ночью проковырял!

Ябеды. Нет что бы подготовить старика, усадить там не знаю, чаем с дороги угостить, так нет же сразу кляузничать с порога начали. Изверги, дедушка старенький, ему не нужно нервничать.

— А ну сюда иди! — По отработанной схеме опускаю голову, делаю виноватый вид, еле ноги волочу, всем своим видом олицетворяя вселенское раскаяние. — Будь проклят тот день, когда я дал тебе в руки труды мастера Эббуза! Говори сразу, опять его заклинания бесконтрольно воспроизводил?!

— Угу. — Главное головы не поднимать, не провоцировать, пусть покричит, так сказать пар выпустит.

— Мила! — Он покачал головой, обращаясь к Хенгельман. — Я же предупреждал, что за ним глаз да глаз нужен, особенно по ночам, когда остается наедине сам с собой!

— Да он и днем может отчебучить! — Встряла Альва. Вот еще

ее мне не хватало!

Старик с задором и горячность принялся чистить меня на чем свет стоит, то так, то эдак изгаляясь над бедным естествоиспытателем.

— Как тебе не стыдно! Мы же с тобой уже сто раз говорили, что нельзя на людях баловаться магией, это не игрушки это опасно! — Он заложил руки за спину покачиваясь на носках. — О чем ты только думал?!

— Я аккуратно… — Попробовал оправдаться, немного неловко я.

— Аккуратно?! — У старика глаза полезли на лоб, он стал тыкать рукой в зияющую дыру в потолке. — Это, по-твоему, аккуратно?! Ты что издеваешься? Ульрих едрить тебя за ногу, а если бы там были люди?!

В общем пол дня насмарку. Только до обеда я выслушивал обвинения и крики, после чего еще час ушел на извинения и клятвенные уверения, что больше ни-ни. Честное слово, прямо хоть уходи в отшельники, чуть что, сразу, а если бы там люди были? Какого лешего они шляются, где не попадя эти люди? Сил моих уже нет.

Обед был запоздалым и проходил в полной тишине, все буровили меня осуждающим взглядом в надежде, на мое исправление и что из-за совести мне кусок в горло не полезет. Наивные, я не только умял свою порцию, но еще и добавки попросил. А что? У меня молодой растущий организм, мне надо.

— Ладно. — Старик хлопнул ладонью по столу. — Все равно чувствует мое сердце все без толку, сколько тебя не ругай. Будем надеяться, что тебе и дальше будет везти, и никто не пострадает. У меня есть новости от защитника, у которого гостили строители и боюсь, они не принесут ни нам не достопочтимому Фафе Раху облегчения.

Некед Рассольдер был как и Дако мужчиной далеко за. Причем очень далеко. Место у него было тихим, на отшибе, причем проживал не как все защитники в одном из каких ни будь замков, а тихо мирно оккупировал чей-то старый охотничий домик, где преспокойно доживал свой не малый век. По специфике своей относился к магам земли, от чего был монолитно непробиваем в своем гигантском всеобъемлющем спокойствии и своем жизнерадостном пофигизме.

С его слов, это не артельцы вышли на него, ища помощи, а он поймал их идущих окраиной леса, явно скрывающихся от людских глаз, да промышляющих браконьерством в его лесах. Старый маг не любил долгих разговоров, потому просто и тупо согнал их в подвал под замок, даже не удосужившись спросить их

кто, есть кто, а уже на следующую ночь столкнулся нос к носу с Белой Смертью, ошивающейся под дверями его дома.

Странной деталью было то, что господа строители, вели с собой пленника, связанного по рукам уже потрепанного временем мужичка, чье имя Некед хорошо запомнил, звали они его Армус. Незваная ночная гостья, странные люди, прячущиеся от всех, плюс пленник явно навивали мысли о противоправных действиях со стороны этих людей. Сложив два и два, старый защитник быстро привязал призрака и своих невольных гостей, дальнейшие же действия его были исключительным интересом, что смог зародится в его душе.

Разослав письма по округам, он вылавливал малейшую информацию, так как сами горе строители говорили все что угодно кроме правды, до которой старику так хотелось докопаться. Ну и естественно в скором времени он наткнулся на прелюбопытную историю со старинным склепом, который не далее как пару месяцев назад закончили ремонтировать нанятая бригада каменщиков.

Как и мы, он по цепочке шел, распутывая всю подноготную, с единственным отличием, у него под рукой была целая куча еще живых участников тех событий, да и по сроку еще находились свидетели, которые могли пусть и в малой степени но пролить свет на эту историю.

Вроде бы с виду все спокойно и гладко, да вот только не задача, в тех краях откуда они держат путь, одни родители не досчитались в своей семье одной дочки. Как? Что? Не известно, лишь отец того семейства сжимает кулаки до хруста обвиняя в ее пропаже проклятую артель. Сам граф участвовал в поисках девушки, вместе с ее родными спускался в старинный склеп, осматривал леса и даже давал наказ на всякий случай прошерстить местную речушку баграми, на предмет утопленников. Мало ли какая оказия случилась, да вот все без толку, все в пустую, она словно растворилась не оставив и следа. Может быть, и наш защитник, в конце концов, бы плюнул на все, забыв об этих странниках, но тут заговорил тот самый пленник, выплевывая слова сквозь зубы и с ненавистью, рассматривая своих бывших товарищей. Он обвинял их в убийстве, он снова и снова как заведенный говорил о той девушке, по его щекам катились слезы, но опять никакой конкретики, все лишь на словах. Вот только старик поверил ему, поверил без оглядки и фактов, ибо невозможно сыграть такую боль и ярость от утраты, ибо он увидел в душе этого косматого мужичка настоящую любовь и не заживающую рану от утраты. От потери того, что может стать чем-то большим, чем даже своя драгоценная и так

горячее любимая жизнь.

Адель, юная прелестница, была влюблена в лера Раха, сына главы их артели. Дело понятное, молодежи свойственны подобные душевные порывы, но вот как это частенько и бывает, был третий, тот самый, что всегда в подобных делах лишний. Этот лишний не обладал ни титулом, не красотой, да и годков ему было уже порядочно. Хорошо известный нам Армус, стал тенью в их отношениях. Этакий негласный наблюдатель, сжигаемый изнутри страстью, чье сердце обгладывала жестокая и неуемная ревность. Плохое чувство, совсем не хорошее, оно туманит разум, заставляя переходить черту приличия, зачастую превращая даже самых лучших, в монстров со звериным оскалом на лице. Что тут скажешь? Да ничего, кто знает, тот знает, а кто не знает, дайте вам боги счастье никогда не прикоснутся этой острой грани. Ни к чему это.

Благо Армус был человеком повидавшим на своем веку, от чего ума ему хватило. Не то что бы, не афишировать свою страсть, но, по крайней мере, не влезать в дела амурные, куда его не звали. Так как молодой лер, так же отвечал взаимностью девушке. Было в этом мужичке и уважение и понимание, была даже толика мазохизма, он вполне осознанно попытался самоустраниться, с пути молодых. Юная прелестница, красивый статный юноша, восхитительная природа и дурман сладких ночей проведенных на терпком матрасе сочных высоких летних трав. Это было красиво, это было. Да, это было. Кто не умилится? Кто тут бесчувственный чурбан, не знающий, какого это обнявшись встречать рассвет, или как сладки губы любимого тобой человека?

Жаркий день юноша проводил со своими, выполняя заказ на работу полученную от графа, а вечера и ночь в объятиях любимой. Барышня, частенько прибегала к нему на работу, принося ему с любовью сложенный обед, она была одурманена этим сладким чувством, причем первым в ее жизни, в чем ее винить? Сам бы отдал пол жизни что бы лишь хоть на секундочку разворошить нечто подобное в душе, но, увы годы прибавляют не только разума, но и рубцов на сердце, от чего оно черствеет уже не ощущая полной гаммы прежних красок жизни.

В общем, все понятно, в частности чувств и чаяний девчонки, но что же наши мужчинки? Неужто не по бодаются лбами, за право узнать кто тут реально вожак стаи и кто тут директор в этой пещере? Честно говоря, я даже ломанного гроша бы не поставил на мирное разрешение конфликта и был бы прав. Акела, то есть старый вожак стаи обвинил молодого самца в том, что он недостаточно сильно любит. Вот так вот, смотрел, смотрел,

терпел, молчал, а потом мол, как вам не стыдно юноша? Давай как-то посерьезней, отнесись к данной ситуации и девушке. На что естественно получил вполне резонный ответ: «А твое какое дело? Иди раствор меси и не мешай барину обедать».

Стало обидно. Потом пришла злость. А потом нашелся повод. Такой хорошенький повод, прямо как пальцем в глаз тыкнуть. Немнод Рах, пользовался популярностью среди местных дам и пользовал как оказалось пользу, ну и дам, на право и на лево, что собственно позволяло здоровое молодое тело, а так же видимо не совсем незыблемые морально нравственные принципы, что должны были ему прививаться с детства. Не буду презрительно кривить губы, обвиняя его в этом, или же аплодировать его бравым похождениям, это уже нас не касается, а интересно то, что Армус привел Адель в одну из ночей туда, где забавлялся ее любимый, да вот только с другой. Поступок конечно, так себе, прямо скажем не очень, собственно из-за чего и произошла драка, где само собой опыт проиграл молодости. В связи с тем, что у молодости кулаки быстрей машут, да и дури по больше. Ну, мужиков я понял, сам было дело и по мусалам получал и выдавал, бывало, а вот загадочную женскую душу мне понять не дано. Простила, пожалела, не ушла. Раненный не только в морду лица но и в сердце, от подобных раскладов Армус, вновь затаился, выжидая удобного случая для укуса. Но это был его последний выход, через неделю, все так же в дозоре он проводил свой объект воздыхания взглядом к стройке, куда она бежала на свидание с лером, а уже обратно она не вернулась. К тому времени, Армуса бригада уже не подпускала к себе, всецело уйдя под контроль юноши, посему точно обсказать произошедшее он не мог, но вот последние шаги девушки видел и знал в какой стороне ее искать. Правда знание этого ему и остальным не помогло. Сколько девушку не искали, сколько не лазили по стройке и не спускались в склеп, ее так и не нашли. Горе Армуса было чуть ли не больше родителей Адель, он не ел и не пил, словно пес в весенний гон, рыскал неуемно меж строительных лесов пытаясь отыскать следы пропавшей бесследно любви. Среди когда-то родных ему людей он стал чужаком и чуть ли не врагом, его пытались образумить, мол успокойся, что есть то уже и будет, не твоего это ума дело, успокойся. Да куда там, даже вновь избили, в надежде что поможет, но лекарство не действовало. А Армус не зря свой хлеб годами ел в артели, видимо где-то, как-то, но зацепил он виновников произошедшего, так как его хоть и не прибили, побоявшись огласки, но уж связать до поры до времени по рукам и ногам додумались. В таком собственно виде и тащили за собой по завершении заказа, когда их в лесу изловил господин

Рассольдер.

— Это какой-то бред! — Фава Рах не веря словам, мотал головой. — Я слушаю и не узнаю своих людей! Это не может быть правдой, это не могло происходить с моим сыном!

Все присутствующие молчали не находя слов, их просто нет и не придумали еще для подобных ситуаций. Что ему можно сказать? Извините папа, но это правда? Или забей чувак, не воспринимай все так близко к сердцу?

Пусть истины нет, пусть даже как в моей реальности говорят, раз нет тела, нет и дела, но все в этой истории имеет отвратительный душек, премерзопакостного характера. И даже не имея семи пядей во лбу, любой оперируя имеющимися данными ни сколько не покривив душой, сможет ткнуть пальцем в виновника пропажи той девушки.

— Может это был несчастный случай? Может на голову камень упал, а они испугавшись прикопали ее где-то, и в общем нет вины на них в ее гибели? — Во как я попытался успокоить папочку, аж самому стало стыдно под осуждающими взглядами окружающих.

— Это все не правда! — Старший Рах вскочил с места, сжимая кулаки. — Я не знаю кто и зачем, но это все наговоры на моего сына! Я никогда не поверю в его вину! Он честный и порядочный юноша!

— Ну… — Сэр Дако оглядел всех присутствующих. — Думаю мы тоже не будем делать поспешных выводов, скоро все само встанет на свои места, ваш сын постепенно выздоравливает, и думаю в его интересах нам сообщить правду, в противном случае, ему боюсь никто не поможет и Белая Смерть рано или поздно доберется до него.

— Это неслыханно, но ее сила растет по мере выздоровления юноши. — Хенгельман печально вздохнула. — Они связанны и боюсь эта связь не того характера что возникла когда-то изначально между ними.

— В любом случае, нам остается лишь ждать, да надеяться на скорое прояснение ситуации и верить в скорое полное избавление от этой напасти. — Альва Шернье подвела итог, устало пожав плечами.

* * *

Люблю Новый Год, приятный праздник, такой емкий и обволакивающий какой-то внутренней теплотой и легкой грустью после внутреннего подведения итогов уходящего безвозвратно времени. Домашний и невзирая на холод зимы, какой-то согревающий что ли по своей сути. Маленькая такая отдушинка среди промерзшей белой пустоты наполненной холодом и метелями.

Жаль, здесь нет мандарин, нет, может они и растут где-то, ведь яблони есть, но пока не набрали популярности у нас на севере, зато елок у нас хоть одним местом жуй. В этом году из леса привезли настоящую красавицу метров под семь для того, что бы установить в центре города.

Ярмарка все играла и гудела, впрочем, не без моей помощи. Редко, но метко я выдавал остатки своих товаров, устраивал конкурсы, привечал различных музыкантов и прочих лоботрясов от деятелей культуры, не забыв в ночь устроить хороший такой фейерверк, чем без сомнения порадовал разгоряченный, выкаченным на халяву по площадям, вином народец. Ну и подарочки своей детворе, каждую пришлось обойти лично, каждой вручить и почмокать щечки, что б ни одна не обиделась невзначай. Другу Герману, соответственно мужской подарок, комплект меч и дага, выкованные подгорными мастерами, в довершении праздничный ужин с прибывшими гостями, четой Кемгербальд приехавших навестить свою банду и бравыми пропойцами от Гердскольдов, периодически наведывающиеся в мою сауну опустошить пивные запасы, да побалагурить, вдали от старших своей семьи. Два братца, зависли у меня на долго, так как похоже им дико понравилось охотиться по ночам на призрака вместе с Шернье, но как я подозреваю, об охоте там и речи не шло, а вот чем они по ночам занимаются, то уже тайна покрытая мраком и надеюсь покрывалом, что б когда случайно набредешь на эту тайну не углядеть какого ни будь непотребства. Засранцы вывели мне из строя целого маршала бестиаров, что теперь ходит счастливая как кошка и совершенно мышей не ловит.

Вообще все эти дела амурные порядком поднадоели. Старина Энтеми пришел ко мне просить руки и сердца госпожи Нимноу, словно я папочка этим великовозрастным людям калькуляторам. Пришлось изображать радость на лице. Ну и Гарич…

— Барон, вы позволите? — Он подошел ко мне, немного смущаясь, выловив когда рядом не было лишних ушей. — Я хотел

бы низко поклониться вам и попросить прощение за то, что вел себя как дурак в той ситуации с баронессой Пикскварр.

Я даже рта не стал открывать, лишь многозначительно покивав и повторно изобразив радость на лице. Он опоздал причем на целую вечность, пока вот то, ходил, вокруг да около, пока выбирал удобный момент для разговора со мной, баронесса, уже десять раз успела меня отловить и прополоскать голову на момент устройства свадебной церемонии для этих голубков кровников.

Вот теперь сижу, жду, содрогаясь от ужаса, не придут ли пенсионеры разбойники, ко мне с зубодробительной вестью? Шутка. Хотя кто их знает, с них еще станется, тряхнуть стариной, вот только бы старина у Дако от этого не отпал.

А вообще конечно, забот было невпроворот. Нона за дело взялась лихо, иной раз мы расходились уже далеко за полночь, то просиживая в администрации, то в судах либо же выводя очередные проекты законодательной или экономической базы. Правда, идейку с банком я зажал, так сказать, оставлю себе кое-что на черный день. Сквайр пока по моей просьбе подбирает толковых счетоводцев и управленцев, да и капитан «Семьдесят третий», мой начальник корпуса легионеров уже получил указание готовить два летучих конных отряда, укомплектовывая народ лошадьми, доставшимися нам как трофеи из нашей летней войнушки. Легион я решил с лета пускать в оборот, так как товарищи душегубы не убавлялись, а лишь шли в плюс, что само собой хорошо мне влетало в копеечку. Нечего им без дела сидеть, пусть с лета начинают патрулировать дороги, ну и на север в Когдейр думаю дежурный гарнизон отправить, там пора начинать дружить потихонечку с пиктами, что б не расслаблялись, да знали, что хозяин новый не забывает про них. На вскидочку их к лету уже будет за три сотни, в пехотном корпусе, а ведь по весне наконец то начнем набирать рейнджеров в форт что достраивается сейчас на старом месте деревни Дальняя, так что пора им выплачивать долг перед обществом. Вообще конечно опасная это игра, под боком у властей создавать подобную силу, но плюсом стало то, что я мог предварительно уже сейчас передать на верха ряд грамот и согласительных документов. Де Кервье, с интересом ухватилась за мою идею, в прочем чего еще ожидать? Государство получало армию, государство избавлялось от не угодных, и при всем при этом не тратило ровным счетом на это ни копеечки. Да я рисковал, ведь меч этот обоюдоострый, единоправным начальником над своим детищем я даже не мечтал стать. Документально, все это при щелчке пальцев перейдет генеральному штабу короны, но пока, пока можно и по играться в

командира. Единственным неохваченным подразделением легиона останется «Летучая мышь». Ну, во-первых, потому что это запрещено законом иметь какие-либо отношения с измененными, а во-вторых, надо же и мне что-то со всего этого поиметь? К тому же в нашем полку прибыло. Граф расширил свой клан, приняв под свою опеку целый десяток разобщенных персон, теми или иными путями прослышавшие о его нынешнем статусе, причем насколько я понял, это только первые ласточки, ну или летучие мыши, если вдаваться в нюансы. Но загадывать пока не стану, ни к чему, будет пополнение, ради бога, не будет, тоже сильно расстраиваться не стану.

Одно только печалило, полный провал в Лисьем. Товарищ призрак разошелся не на шутку, уже даже к стенам замка среди белого дня стало небезопасно подходить. С каждым днем, юноша креп, а вместе с ним и набирал силы наш полтергейст, который к настоящему моменту расколотил уже все окна в моем замке, не давая покоя ни днем не ночью. Это было что-то с чем-то. Призрак обрушивал на нас черепицу с крыши, выбивал с верхотур камни, летящие опять же в голову, единственным островком безопасности оставалась каминная, в которую мы притащили почти все железо из кузни, и которую обошла Хенгельман выставляя защитные контуры заклинаний из арсенала своего темного искусства.

— Ульрих, родненький. — Старушка некромант любила вечерами, когда уже все улеглись, поболтать о разном со мной, не забывая преподавательство целительского мастерства да и просто, как говорится за жизнь перетереть. — Все стесняюсь тебя спросить, ты в курсе, что ты с головы до ног покрыт узором эльфийского плетения?

М-да уж, вопрос был на миллион, о своих экспериментах в этой области и неудачном плагиате, я даже Дако не рассказывал, коснувшись лишь в общих чертах и вскользь.

— К-хм. — Я опустил голову. — Да было тут у меня как-то…

— О нет! — Она хлопнула в ладошки и с улыбкой на лице покачала головой. — Неужели ты опять тупо всунул нос не в свое дело?

— Ну, как бы, я бы, в общем.

— Старик в курсе? — Она пристально оглядела меня.

— Ну-у-у… — Пришлось разводить руками.

— И не говори. — Она кивнула, погружаясь в свои мысли. — Вязь тонкая, ее даже мне тяжело рассмотреть, а уж он в своей гордыне и подавно не узрит. Только крику будет, если узнает. Ты вообще, где подобное узреть то умудрился?

— В лесу летом, наткнулся на защитника эльфийского, он

этим плетением Тиночку сковал. — Вообще мне стало даже интересно, старушка то в душе бунтарь и разбойница, может, поможет сдвинуться с мертвой точки в этом глухом деле? — Ну, я и подсмотрел, да вот ума никак не смог дать этому заклинанию.

— А на себя, зачем налепил? — Она подсела по ближе изучающее меня, разглядывая, пододвинув табуреточку.

— Так, больше не на кого было. — Развожу руками, попутно посылая команду енотам вернутся с прогулки под мой бочек. — Вообще конечно хотел изначально на животинках поэкспериментировать, да вот контур оказался обратным, с привязкой на меня.

— Ах вот оно что. — Старушка проводила взглядом мохнатые бока лесных братьев пришедшие на мой зов. — Теперь мне понятно то как ты ими управляешь.

— Угу. — Я достал из карманов горсть орешков, вручая ее своим братанам по несчастью. — Повторить смог, а вот обратно уже никак, да и толком не разберу, что на что тут завязано.

— Это да, мастерство тут филигранное. — Она лихо сплела несколько своих непонятных заклинаний, словно паутинкой окутав и меня и енотов ею. — Так-с, что мы тут имеем? Ага, вот здесь и здесь, а потом сюда, понятненько, хм-м… Это что-то новенькое, это я вообще не знаю что за хренотень, а тут уже стандарты пошли.

Я сидел не жив не мертв, с восхищением наблюдая за работой профессионала. Бабуля плела свои нити, потом развеивала их и уже по новой воспроизводила другие заклинания. Работа шла буквально по миллиметрам, она зондировала не просто узлы, но и каналы, подбивая сумму. Тщательно, аккуратно, очень внимательно.

Но не это даже было главным, главным сейчас был Мак, копирующий все шаги некроманта. Каюсь по старинке, следил и копировал, занимаясь так сказать преемственностью поколений, пусть даже запрещенного искусства. В первой что ли? За эти месяцы, что бабушка провела в стенах замка, я очень многое от нее почерпнул, и могу сказать не только медицину. Старушка в отличие от Дако, любила сыпать заклинаниями чуть ли на каждом шагу, от чего я пополнял свою библиотеку новыми разделами этого искусства. Причем, потирая руки и гаденько хихикая, могу вас уверить совершенно не безопасного толка. Как-то один из моих поваров пересолил курочку бабушке, от чего пару дней потом не вылезал из одного места, или кто-то из слуг недостаточно рьяно исполнял наказ, а потом покрывался сыпью и страшным зудом. Госпожа Хенгельман была по натуре бабулькой тихой и вроде бы безобидной, но вот зачастую с ней выходило как

в том анекдоте: «Извините, пожалуйста! Да ничего родненький, иди с богом, я все равно тебе уже на спину плюнул».

— В общем Ульрих дело дрянь, поздравляю. — Она кивнула мне одарив улыбкой. — К своим прегрешениям можешь добавить еще и запрет эльфов на свою магию, о чем, если узнают они, немедленно сделают тебе козью морду.

— Ну, это я сразу понял. — Я вернул улыбку. — Мне бы суть понять, а то как-то несолидно, украсть украл, а что именно так и не ясно.

— О-о-о! — Она погрозила пальчиком. — Далеко копаешь, ну да не мне тебя судить, заклинание это чуть ли не основа их современного искусства. Как ты знаешь льёсальфы господа, любящие живую природу, этакая смесь друидов с не пойми чем. Вот этот самый конкретный контур это почти что полное управление живым. Тебе наверняка известны сказки и легенды о том, что эльфам служат животные, подсматривая и подслушивая для них, вот собственно эту легенду ты и украл. Слияние необходимо для управления зрением и слухом, ну а контроль естественно сам понимаешь для чего, не шпионить же белкам в лесу за барсуками, объект, попавший под заклинание необходимо вывести к цели, указать эту саму цель, причем тут даже больше, на прямую действовать можно, косматыми лапами убирая не угодных.

— Ух, ты! — Я быстро проверил Мака, на предмет все ли он успел записать. — А как же с разумными? Он то на Тину кинул его.

— Вполне в их стиле. — Она скривила губы. — Он бы сидел и в ус не дул, а тебе бы пришлось отбиваться от тех, кого еще вчера считал друзьями. Причем последним хуже всего, они действуют наперекор своей воле, оставаясь в полном сознании но, уже не отвечая за свое тело. Тут контуры ментальной магии, вперемешку с лекарскими узорами ответственными за контроль тех или иных органов. Неужто сам не заметил? Я же с горем пополам кое-что тебе уже объясняла.

— Да я признаюсь, уже давненько в нем не ковырялся, все как-то руки не доходили.

— Напрасно. — Она встала подвесив над камином чайник. — В нем просто колоссальная мощь и потенциал для мысли. Видишь ли это универсальная компоновка управления. Нечто схожее даже мы некроманты используем, подчиняя в отличие от старшей расы не живых. Тут прямо диаметральные грани, что и не удивительно, некромантия пришла от дьёсальфов, которые всегда прагматичней были в отношении матушки природы.

— Это да, легче работать с тем кто не думает а выполняет,

чем разжевывать свою волю кому-то с тобой не согласному. — Я помог ей расставить чашечки и блюдца, готовя небольшой заварник под ароматные травы. — Но я все равно не вижу то, что видите вы.

— Пытаешься подобрать слова, что бы выведать у меня секрет? — Она растрепала волосы у меня на голове. — Молодец, не переживай, научу. Ты только честно мне скажи, у меня много успел украсть?

— Порядочно. — Я честно даже попытался исполнить смущение, потупив взор.

— Вот и умница. — Она рассмеялась. — Учиться нужно всегда юноша, не взирая на чьи-то запреты. Да это опасно, да это может быть, не подпадает под принципы морали некоторых индивидуумов, но это знание, а знание можно всегда применить по-разному. Суть ведь не в порочности разума, а в его носителе, злому человеку ни мозгов, ни магии не надо, он с земли палку подберет, что бы треснуть тебя по спине. А вот доброта, она суть не только сердце, нельзя любить ради любви за просто так, надо иметь разум, что б понимание было, что не всяк достоин под этим небом твоей помощи.

— Наверно я согласен с этим. — Я снял закипевший чайник, заливая тут же пахнувшие свежестью травки. — Только вот слова это все пустые.

— Слова? — Она внимательно оглядела меня, возвращаясь на свой стульчик.

— Сердце ведь такая штука, что ему не прикажешь. — Я тоже вернулся на свое место, заварник пока стоял не тронутым, ему нужно время, что бы раскрыть весь аромат распаренных трав. — Сидит вот, к примеру, изверг какой, насильник в тюрьме, на счету которого душ загубленных не перечесть, а к нему мать старушка бегает слезами умываясь, мол дитятко мое ненаглядное. Разве безумна она? Не думаю. Или вон история с той замурованной эльфийкой, ведь жуть жуткая, прямо не муж у нее, а изувер проклятый, но ведь не просто так грех взял на душу?

— Разве. — Бабуля сложила ладошки на коленях.

— Любил он ее. Любил и прощал, любил и ждал, потому собственно и прибил. — Я погладил посапывающих енотов. — Не думаю как все, что это эгоизм, что любя отпускай. Как можно отпустить то, что важнее, чем вся твоя жизнь? Нет он не был эгоистом, он просто сильно любил. Любовь бывает страшной, нет как вы говорите под этим небом верных вещей. Все имеет обратную сторону, знание что можно повернуть в безумство, любовь что легко переворачивается в ненависть, привязанности что не редко становятся зависимостью. Все что мы знаем тлен,

перед поступью времени и эмоций.

— Се`ньер. — Бабуля хмыкнула вновь поднимаясь. — Ты бы меньше рот раскрывал, а то от твоих слов уж очень несет пылью прожитых лет.

— Не правда, это все злые языки. — Делаем простоватое личико, хлопаем ресничками, в общем, ангел, а не ребенок.

— Угу. — Она размешала взвар, дав осесть травкам, после чего разлила его по кружкам. — Если не секрет, сколько годков стукнуло в той жизни?

— Секрет. — Я благодарно кивнул, принимая из ее рук чашечку чая. — Я барон Ульрих фон Рингмар, все остальное обратная сторона медали, о которой не стоит знать.

— Пусть так. — Она улыбнулась. — Как думаешь, многие знают?

— Вампиры и некромант. — Я отсалютовал ей чаем. — Остальные если о чем и догадываются, то держат язык за зубами.

— М-да уж. Вечно мы темные лезем вперед всех, нет, что бы как силы света сидеть и помалкивать. — Она отпила из своей кружечки. — Ну что, господин барон, будем грабить эльфов?

* * *

Мохнатые лапки гребли снег, маленькими коготочками фиксируя тельце и отматывая километры по легкому насту поверх сугробов. Потрясающая прыть, мое сознание неслось, словно на крутом спортивном байке, такой мощью обладали эти вроде бы неказистые меховые бочонки.

Хорошее ночное зрение, дополняли неожиданно насыщенные запахи, азартные зверушки с полуслова откликались мыслеформам моих команд, с теплотой приняв мою абстрактную сущность, в свои головные коробочки. Это было приятно, я мог бы и насильно заставить их откликаться моих команд, но этого не понадобилось, так как лесные братья сразу же зачислили меня в какой-то разряд если не друга то уж точно дальнего родственника, с охотой воспринимая все происходящее, как одну большую веселую игру.

А то, что я собирался повеселиться, это они уловили сразу. Еще бы такой простор для моих шалостей! В лице этих двух безобразников я мог в реальном времени смотреть, нюхать, грызть и царапать все что под лапу попадется, причем без каких-либо для себя последствий.

С Хенгельман мы практически три дня и три ночи разбирали эльфийское плетение, в конце концов, дойдя до уровня если и не

всестороннего понимания, то, по крайней мере, уже более или мене удобных решений и предположений, которые в дальнейшем я собирался проверить на практике. Что собственно этой ночью и собирался претворить в жизнь, оставив свое тельце лежащим на постели в общей каминной, под надзором бабушки, а сам, скользнув сознанием в головы своих подопечных, целеустремленно направил их путь в сторону Касприва, где как я знал, в здании администрации был расквартирован весь женский экипаж моего замка. Зачем я туда прусь? Ну…Соскучился.

Еле заметными стремительными тенями, мои разведчики быстро достигли города, растворяясь на его узких лабиринтах улочках, совершенно не заметные, не столько со стороны, сколько в связи с полным отсутствием желающих, зимой, да еще и ночью блуждать по улице.

Очень неудобно, вернее пока не привычно, было смотреть на мир не двумя, а сразу четырьмя глазками, причем связывая и интерпретируя мир не только визуально, но и осязательно, посредством чутких носиков локаторов.

— А вы что тут, крысопесы делаете? — Проскользнув в дом с черного входа столкнулся в темном зале с де Кервье, старушка сидела у камина постукивая спицами. — Или и хозяин ваш где-то тут?

Вот же глазастая мадам, мало того, что в пол оборота сидит к двери, так еще и зрение как у кошки. Притворившись истинно арийским енотом, проигнорировал ворчание двуногой, скорым галопом проскакивая зал и направляясь к лестнице на верхние этажи. Старики и малышня меня не интересуют, мне нужно найти графинюшку и воинствующего учителя танцев. Зачем? Ну… Соскучился, я же говорил…

Дело оказалось плевым, еноты прекрасно распознавали барышень по запаху, причем сердобольная графиня даже, оказывается, любила шкодников тискать и прижимать к своему сокровищу. От чего два мохнатых брата, хорошо ее знали и могли найти глухой ночью с закрытыми глазами. А вот баронесса оказалось побаивалась их, стараясь откупится от назойливых лесных террористов чем ни будь вкусненьким, из-за чего естественно в мозгах животных так же отложилась как потенциальный объект для кляньчинья и выпрашивания провианта.

Дальше пришлось уйти немного на второй план из сознания животных, что бы не травмировать свою психику, так как моя банда разделилась. Прапор как более внушительная фигура ломанулся к двери графини, а профессор как интеллигент в четвертом поколении, к утонченному знатоку танцев. Ну что

поделать хотелось оборзеть…ой, то есть обозреть, сразу все достопримечательности отходящих ко сну дам. Мой Прапор действовал целеустремленно и с напором достойным бравого гусара, прямо с размаху бухнув толстым задом в закрытую дверь, после чего через какой-то промежуток времени тут же был впущен внутрь и потискан за щечки, в которые тут же запихнул бессовестно стянутую с чайного столика плюшку.

Госпожа Шель еще не спала, прогуливаясь по комнате заполненной различными бумагами и свитками карт, похоже милый учитель географии готовила на завтра тему для занятий от чего и засиделась допоздна.

Профессор же добравшись до двери будучи мужчиной тактичным аккуратно пошкреб ее и после того как она открылась, вполне культурно поздоровался.

— Крики-ки! — Он даже поднялся на задние лапки, передними разведя в стороны.

— И-и-и-и! — Взвизгнула баронесса, отпрянув в сторону и подхватив руками ночную рубашку, от чего мое сердце учащенней забилось в груди. — Кышь!

Барышня замахала на него рукой впрочем, не решаясь подойти ближе, что Профессор воспринял, как вполне обоснованное жестами предложение войти внутрь.

«Помогите!»

Я вздрогнул от неожиданно звонкого девичьего голоса прозвучавшего у меня в сознании. Это еще что за фокусы? Оглядевшись взором лесных братьев, ничего подозрительного не заметил, не могло же мне это показаться? Такое ощущение, что кто-то прямо в ухо это крикнул.

«Хоть кто ни будь, отзовитесь!»

Я опять вздрогнул, с непониманием оглядываясь. Прапор уже мирно похрюкивал в руках графини почесывающей ему бока, а Профессор нюхал взятку предлагаемую баронессой в замен того, что он выйдет обратно в коридор. Определенно я не находил третью барышню так звонко голосящую в мое сознание.

«Мне страшно! Помогите!».

Да что такое?! Что это за игра такая: угадай, в каком ухе звенит. Как вообще кто-то может так кричать оставаясь при этом не услышанным окружающими?

«За что?».

Я просто физически ощутил, как пот пробил мое тело после этой фразы. Это что получается, здесь в Касприве в покоях девчат сейчас находится Белая Смерть?! Или нет? Скорей всего это мое оставленное тело! Именно им я сейчас слышу голос призрака! Но как такое возможно? Или это одна из граней заклинания?

Медленно стал сворачивать процессы контроля, над животными распутывая замысловатые энергетические ниточки эльфийского плетения, постепенно возвращаясь в свою бренную обитель оставленную в замке. Возврат в тело был хоть и отработанным, но меж тем трудоемким процессом, в котором поэтапно необходимо было с учетом энерго подкачки и векторов направления, не забывая про ментальный клубок свернуть всю сеть при этом, не разрушив все плетение. Потому как при разрушении подобной ментальной связи ряд респондентов мог и погибнуть, вернее лишится разума, что меня по ряду объективных причин совершенно не радовало, так как одним из тех самых респондентов непосредственно выступает мой мозг.

«За что?».

Подожди милая, не так быстро. С горем пополам стал ощущать свое тело, медленно пошевелив пальцами рук и пытаясь унять, бешено колотящееся сердце. Открыв веки, чуть с ужасом не заорал в голос от страха, из-за представшей моему взору шокирующей картины. Призрак умершей девушки парил прямо надо мной, буквально в считанных сантиметрах, от моего лица, я столкнулся с пустой бездной черных глаз. Правильные черты лица, смоль развивающихся на не зримом и не ощутимом ветру волос, словно громадный клочок водорослей в темной воде омута. И боль. Бесконечная мука, застывшая в мертвом взгляде, некогда юной и живой прелестницы.

«Помоги мне!». — Прочитал я по едва видимому шевелению губ.

Странно, ведь минуту назад я ясно и четко слышал ее голос, а теперь словно звук у телевизора отключили, немая картинка идет. Не зря бабуля говорила что плетение, используемое некромантами, очень похоже на эльфийский управляющий контур для живых, видимо где-то на каких-то частотах и диапазонах оба соприкасаются, из-за чего я могу попробовать войти в контакт с умершей.

Оглядевшись по сторонам увидил спящий народ, Хенгельман не было, видимо ушла в подвалы врачевать вампира, ну а о том, чем сейчас занимается маршал бестиаров, даже думать не хочется. Завидно.

Ну что ж, значит, придется работать самому, раз клиент пожаловал. Вновь сконцентрировавшись стал накачивать эльфийскую вязь своей внутренней энергией, по цепочке активируя один контур за другим, каждый раз пытаясь уловить отголосок призрачной речи, что удалось сделать практически сразу же после активации ментального узла.

«Прошу помоги!» — Чисто, четко, словно и впрямь она здесь

и сейчас.

«Адель?» — Я попробовал спроецировать свой голос.

«Я здесь! Помогите мне, прошу вас, спасите я не пойму ничего, за что вы так со мной!» — Она взорвалась словами, перемежая их всхлипами, такой живой и кажется близкой девчонки.

«Адель, успокойся, что бы я смог тебе помочь, ты должна успокоиться и рассказать мне, что произошло». — Нет, ну, в самом деле, не говорить же ей что бы лежала в могиле спокойненько, и не брыкалась? Похоже, она даже не подозревает о том, что как бы немножечко, вроде как самую малость…тю-тю. Померла в общем.

«Я принесла Нему обед, а его люди схватили меня!» — Призрак мигнул на мгновение, скрываясь из виду, вновь уже трансформируясь, из безвольной куклы в заламывающую руки девушку с бегущими по щекам дорожками невесомых слез. — «За что? За что они так со мной?».

«Адель, прошу тебя, вспомни, что именно произошло, может быть, ты что-то услышала или увидела, любая мелочь может помочь». — Я наверно первый во вселенной некро психолог, сижу, успокаиваю покойника, ну или что там от него осталось?

Призрак словно плохая голограмма пошел рябью, то пропадая то вновь появляясь в разных ипостасях. Одно мгновение и цветущая улыбчивая девушку, следующий миг и ревущая растрепанная перепачканная пылью девушка, еще секунда и бледное подобие человека с впалыми щеками и темными кругами обводами бессмысленно глядящих глаз, и уже в конце я узрел лик смерти, зияющий темнотой в провалах, череп в обрамлении спутанных змей волос.

«За что?».

Она твердила эти слова то ярко и звонко, то словно едва разлепляя губы, в голосе слышны были то слезы, то отчаяние, а то и откровенная истерика, перевитая жуткими нотками паники. Череп наклонился надо мной, обвивая меня кошмарной вязью призрачных волос, мертвые руки, покрытые пергаментно желтой кожей с обломанными ногтями, больше похожие на когтистые лапы птицы, уперлись в грудь, и я ощутил через одеяло и одежду их ледяной фон.

«За что?».

Это уже был не крик, не шепот, не мольба или ярость, это было что-то мощное, что взорвало меня, адреналиновой дрожью выбивая чуть ли не все живое, что еще оставалось в перепуганном теле. Сила, я просто физически ощутил ее, где-то подспудно понимая, вот оно, вот то, что не даст ей уйти неотомщенной. Вот

оно, мелочь по смыслу, но меж тем quinta essentia, выжимка, пятый элемент, стихия небесная сущность, то необъяснимое, что противопоставлялось античными философами мирским элементам, таким как: огонь, вода, земля. Все это выросло из всех ее чувств и мыслей, вырвавшись на свободу болью последних ее слов упавших из уст, за миг до вечности, ждущей где-то там за гранью небытия.

Все.

Она исчезла без следа, оставив меня в покое, перепуганного чуть ли не до седых волос с выскакивающим из груди панически бьющимся сердцем. Все, она ушла, так и не приоткрыв завесы тайны. Что? Как? Зачем? Черт ее разберет эту мертвую бабу, они живые такого наделать могут век не разберешь, а тут вообще с того света приперлась на разборки.

С горем пополам и не унимающейся дрожью в руках кое-как водрузил остывший чайник на крюк в камине, чтоб сделать успокаивающего взвара. М-да уж, в такие моменты не грех и грамм под двести, может даже триста на грудь чего горячительного принять. В жизни бы не подумал, что такого страху могу натерпеться.

— Ульрих, ты чего бледный такой? — В комнату неспешно вернулась бабуля, видимо закончив, возится с Десмосом. Немного повозившись в своем углу, она подсела ко мне рядышком, внимательно оглядывая с головы до ног.

— Она была здесь. — Я грел у огня озябшие руки. — Прямо надо мной, когда я открыл глаза.

— И? — Хенгельман развернула ряд заклинаний, часть из которых я определил, как лекарские щупы чьей работой было снятие показателей с пациента.

— Мы немного поболтали. — Дрожь от воспоминания пробежала по моему телу.

— И? — Она банально приложила ладонь, к моему лбу встревожено оглядываясь по сторонам.

— А потом ушла. — Я снял кочергой с огня пышущий паром чайник, перехватывая его тряпицей и заливая кипяток в заварник куда предварительно побросал набор травок. — Я уже глянул, все целы и здоровы, больше никого не тронула.

— Да что это за гадство! — Она в сердцах стукнула рукой по коленке. — Эта девица не могла проскочить мои заклинания! Я оплела здесь, словно паучиха гнездо, все силовыми линиями!

— Похоже, она нашла путь по эльфийской вязи. — Я покачал задумчиво головой. — Она услышала меня, пусть и не приняла, но вполне осознала мои слова.

— Что за вздор? — Бабуля недоуменно заморгала. — Призрак

это не личность, это сумбур эмоций и страстей, откуда в ней может быть разум? Ты наверно не правильно что-то понял.

— Я все понял правильно. — Мой взгляд уперся в ту часть комнаты, где свои сны рассматривали отец и сын из принятой мной артели. — Боюсь, я слишком хорошо ее понял…

— О чем ты? — В ее голосе проскользнула тревога.

— Он все знает. — Я кивнул на лежащего молодого Раха. — И он должен нам все рассказать.

— Я не думаю, что этот юноша сможет что-то рассказать нам в ближайшее время. — Покачав головой, бабуля приняла из моих рук кружку чая. — Как ты себе это мыслишь?

— Граф. — Я отпил терпкого взвара. — Он покажет мне путь в его сознание, я хочу лично посмотреть глазами парня то, что он сотворил.

— Но он не смог прочитать там ничего. — Хенгельман так же пригубила глоток. — Слишком тяжело работать в затуманенном сознании, плюс сейчас его я немного окрепло и боюсь, просто не пустит тебя внутрь, тут тебе не то что вампир, опытный менталист вряд ли сможет что-то подсказать.

— В любом случае, я попробую. — Накатила усталость, тяжестью опустив мои плечи. — Больше ждать нельзя, призрака не остановить, от него не убежать и не спрятаться. Хватит уже смертей.

— Ты можешь наделать беды. — Она поджала губы. — После твоего неумелого нахрапа и напора, он, а может и ты сам, или вы вообще оба лишитесь разума.

— К демонам этот разум. — Обжигаясь, я вновь пригубил чай. — Сила призрака растет и, похоже, когда юноша выздоровеет, вокруг него может уже не остаться никого в живых. Это его вина, он выпустил в этот мир монстра, он создал его своими руками.

Больше мы в ту ночь не разговаривали каждый, думая о своем. Слишком это дело деликатное и сложное, в каждой из сторон ринга стоит своя правда и свой смысл. Можно, конечно, можно было бы пустить все на самотек, просто ожидая того времени и того часа, когда проблема, наконец, наберет силы, взорвется гнойной сукровицей на вроде загноившейся раны. Но это не мое, нет, будем срывать пластырь резко, и сразу, хватит этих игр, уже погибли люди, погибли глупо и по чужой вине, мои люди. Надо было, сразу послушать тогда де Кервье, не беря на себя такой ответственности, попробовать как-то изолировать Рахов, жаль лишь, что понимание приходит только зачастую с горьким опытом в обнимку.

На следующий день, мы спустили в подвал к графу всех

заинтересованных лиц. А я солгал, солгал любящему отцу, что так надо и ничего не грозит его сыну. А потом солгал сэру Дако, что никаких глупостей не наделаю. Не пришлось лгать лишь Хенгельман, бабуля была недовольна, но держала язык за зубами, храня мой секрет в тайне. Вообще она должна была помочь, не знаю тонкостей и нюансов дела, но в общем это должно выглядеть как спуск во тьму пещеры в слепую по канату. Десмос опускает в нужную точку канат, Хенгельман поддерживает меня, что бы я не ушел влево право, ну а мне остается лишь надеятся на крепость рук, вернее, на полноту энергетических резервуаров и подкачку Мака, что должны мне дать силы преодолеть весь этот путь от начала и до конца. Причем еще бы желательно с последующим возвратом. Желательно.

— Барон, я мало, что понимаю в том, что происходит, и как все это будет выглядеть. — Фава Рах был бледен и напряжен. — Но, есть ли возможность мне тоже посмотреть его память?

Я перевел взгляд на Хенгельман отрицательно качающую головой, потом на Десмоса так же не согласного с предложением.

— Можно попробовать. — Я кивнул ему. — Но тогда появится небольшой риск.

— Это не смертельно? — Он с надеждой воззрился на меня.

— Нет не смертельно, но неприятно. — Вот и снова ложь. — Ложимся на лавки, закройте глаза и постарайтесь хоть немного расслабится.

Мы улеглись на лавки рядом с безвольным парнем, причем из стоящих осталась одна лишь бабуля, пребольно ущипнувшая меня за ляжку и злобно прошипевшая в ухо: «Мы еще с тобой потом поговорим…». Была еще Тина, но она вроде как пряталась в дальнем конце подвала, на что я не стал заострять внимание.

— Готовы? — Старушка еще раз оглядела всю команду суетливо проведя руками по расставленным на небольшом столике скляночкам и колбам с различными настоями на случай срочной реанимации. — Ну, тогда господин Десмос начинайте. Ульрих разворачивай ментальную сеть, только не спеши, умоляю, тебе еще лера Раха ей накрыть нужно. Не спеши говорю.

Для весомости слов она вновь ущипнула меня за ногу. Вот же неугомонная, не спешу я, не спешу. Ментальную сеть мы еще учили с Дако, когда я с горем пополам пытался осваивать нелегкий труд левитирования мелких предметов что бы, с его слов нормализовать процесс инициализации ну или как я думаю, заставить правильно работать приобретенную мной опухоль. Трудность здесь для меня была в том, что бы нащупать разум лера, а так же присоседится к построенному графом каналу в разум юноши. Для меня это пока сложно, нет, можно было бы

прописать весь путь через Мака, но прописывать должен человек знающий, а не как я, наугад да наобум.

Заклинание постепенно набирая обороты раскрывало свои объятия, в конце концов, захватив разум отца Немнода. Лер был напуган, эмоционально чувствовалось и легко читалось его смятение и страх, впрочем, волновался не он один, мы на пару неплохо потрясали эмоциональный фон. Единственное что смущало это вроде бы как присутствие по мимо графа еще одного стороннего наблюдателя, это было неожиданно, госпожа некромант должна была закрыться, а до Тины я бы при всем желании не дотянулся, легкая полутень присутствия не давала мне соскользнуть дальше в глубину по канату, выстроенному вампиром, так как я тупо не знал кто это, ведь нагрузка и так более чем приличная. А тащить на себе еще одного пассажира мне совершенно не улыбалось.

«Помоги мне!».

Господи Иисусе! Опять она?! Как на этот раз умудрилась проскочить, я же не трогал эльфийскую вязь, или она привязку на меня каким-то образом кинула? Нет, так не пойдет, я попытался свернуть сеть, выходя обратно в привычный мир из ментальной проекции, но неожиданно понял, что уже не властен над структурой! Призрак не просто так бездействовала, она все это время окружала нас своей сущностью, подчиняя наше сознание.

«Адель! Отпусти нас, мы можем пострадать!» — Паника охватила меня, я забился словно рыба в сетях, лишь еще больше увязая с перепугу в энергетике заклинания.

«Я должна!» — Голос умершей девушки был наполнен печали. — «За что?».

Ее мощь подхватила нас, увлекая вниз в глубину разума бессознательного юноши, каруселью закручивая в неконтролируемый не полет, ечто больше схожее с падением. Мак вывел сто и одно предупреждение на колоссальный расход энергетических ресурсов, уходящих из моих бережно собранных запасов, словно песок сквозь пальцы.

* * *

Ночь принесла прохладу после жаркого летнего дня, но не как не избавление от хлопот. Лер Немнод сидел у костра, задумчиво разглядывая игру теней и языки танцующего пламени. Болели натруженные за день руки, немного ныла спина и все еще ныла ушибленная завалившейся кладкой ступня, хоть уже прошло больше недели с той поры. Старший мастер каменщик дородный

мужик, с всклокоченной бородой принес ему не хитрой походной стряпни, оставив деревянную дымящуюся миску рядом с сидящим в задумчивости господином.

— Ростик. — Позвал он мастера. — Созывай народ.

— И этого? — Мужчина кивнул в сторону виднеющегося в отдалении отдельного костерка, где едва различима была фигура человека.

— Нет. — Немнод скривился как от горькой пилюли. — Армуса не звать, совсем спятил старик, сдает он что-то в последнее время.

— Ну, знамо дело… — Здоровяк безуспешно попытался скрыть ухмылку в бороде. — С бабами завсегда так…

— Иди отседова! — Юноша запустил в спину мужику принесенной только что миской с едой. — Тоже мне выискался!

Злость всколыхнулась в груди, бурля и вновь поднимая муть бешеной ярости из-за случившейся пару недель назад оказии. Старый пень решил поиграть в папочку, указывая своему господину, как он должен вести себя с девушками. Ему, видите ли совестно, что он молодой лер ведет себя как кобель не пропуская ни одной юбки в округе. Этот идиот привел Адель, на сенокос как раз в тот момент, когда он собирался влезть на дочку местного кузнеца, которую он столько времени обхаживал, теряя время и нервы на выслушивание всей той ахинеи что она несла. Какого демона он это сделал? Его какое собачье дело?

Молодой Рах с остервенением принялся ломать сухие ветки для костра, со злостью поглядывая в сторону одинокой фигуры. Ну зачем, ну зачем спрашивается он это сделал? Адель она ведь другая, Адель для души, другие так потехи ради, он что не понимает? Мы даже поженится, собирались, уже и отцу письмо отослал, обрадовав его, а теперь все по новой, опять ухаживания все сначала. Радует, правда, что простила, сразу видно искренне любит, искренне душа болит и все из-за этого старого козла! Нужно будет по возвращению в артель обязательно сказать отцу, что бы выпорол еще для порядка мерзавца, мало я ему морду помял тогда в поле, Адель не дала хорошенько разойтись…

Эх, Адель… Милая, кроткая, и такая ласковая по ночам, не то что все эти дурехи, которым хоть подол на голову натягивай, чтоб не видеть их тупые морды. Умничка, и улыбнется и повернется, а то и сама не постесняется на лопатки завалить! Нет, что не говори, хорошая будет жена, бойкая.

— Господин. — К костру подсели двое братьев Аппарель, молодые парни старшие у подсобников. — Сейчас остальные подойдут.

Постепенно к костру стал стягиваться народ, старшие по

бригадам, каменщики, столяры, подсобники. Мастера уважаемые в артели, люди проверенные и надежные не один год топчущие пыль дорог и грязь строек. Тот же Армус еще его отца пацаном безусым учил ремеслу, эх жаль, такая околесица с ним вышла, все же мужичек он ушлый, знает свое дело хорошо.

— Ну что мастера, снова кладка пошла в расход? — Немнод еще подкинул веточек в костер, осветив мрачные лица присутствующих. — Третий раз, уже третий раз проклятая кладка расходится.

— Бесовство чистой воды бесовство! — Старик Бартель, старший плотников сплюнул на землю. — Надурили нас местные с тутошним графом, знали поганцы, что не будет дела!

— Столько времени потеряли, столько времени… — Парса один из камнетесов сокрушенно покачал головой. — Теперича до дождей и не сыщем толкового заказа. Не видать нам этих денешек.

— Ну-ка прекратили сопли на кулак наматывать! — Немнод стукнул кулаком по коленке. — Давайте решение искать! Лучшие мастера, да наша артель самому королю дворцы строила, а тут срань какую-то, для самоучек справить не можем?

— Так ведь заговоренное то место, с проклятием не иначе. — Подал голос здоровяк Ростик. — Поди не колдунцы мы какие, люд обычный, мастеровой.

— Это другие пусть так балакают! — Рах злобно зыркнул на каменщика. — А у нас репутация и имя! Или сараи для крестьян будем строить? Коровьи домики из говна и соломы, до конца жизни лепить станем? Самим не стыдно?

Мужики замолчали, опустив косматые головы. Верно, все верно, раз дашь маху потом слухи пойдут, те же собратья по ремеслу и распустят, мол неумехи, плевый заказ завалили.

— «Закламу» надо делать. — Тихие слова старика Бартеля упали в полной тишине. — Бесовство иначе не вывести.

— Совсем сдурел пердило старое? — Ростик ткнул в того своей здоровенной ручищей, от чего щуплый старичок плюхнулся с бревнышка на пятую точку.

— Отстань от него громада! — Молодые братья подсобники вновь помогли старичку, водрузится на место. — Сам до неба вымахал, а ума не набрал, так дай другим, что по делу сказать!

— Ростик не тронь люд! — Прикрикнул на сжимающего кулаки каменщика лер, предупреждающе подняв руку. — Мало нам ссор что ли? Итак вон Армус морду от нас ворочит, теперь остальные решили переругаться? Говори Барт!

— Ну, дык. — Старичок повел плечами. — Знамо дело, испокон веков да закаждая артель «закламу» по серьезному делу

давала. Проклятия, али демоны, иль друга яка погань, они ж завсегда люду честному гадость какую норовят сделать. То мост через реку порушат, по крышу завалят, то печную трубу чем забьют что б жильцы угорели. Вот и делали отцы наши в стародавние времена «заклому», жертву, стало быть, да охранителя заодно новому построю.

— Я чавой-то не понял шо за «заклама»? — Парса нахмурил брови. — Это шо, барашку там или петуха черного в стену засунуть?

— Козла одного старого туда надо бы засунуть. — Ростик гневно фыркнул.

— Да замолчи ты, башка твоя каменная! — Немнод притопнул ногой. — Мы уже все перепробовали, коли ничего сам измыслить не можешь, так сиди помалкивай!

Старый плотник, сухим скрипучим голосом стал разворачивать перед внимательной и перепуганной публикой таинства старинных мастеров строителей, больше схожие с легендами и сказками былых дней.

Графство Чепах, еще в старой империи, где в замковые стены граф приказал замуровать три десятка своих рыцарей в полном облачении, для того, что бы их духи и после смерти защищали стены дома своего господина. Мост через бурную Эльду, полноводную реку, связывавший два государства, но по причине зловредных водных бесов постоянно обрушивавшийся, в центральную опору которого заживо замуровали чистую девицу, сковавшую своей душой намертво кладку камней. Все это ночной байкой у костра завораживало дух бередя воображение и заставляя по сторонам оглядываться взрослых мужиков, вздрагивая при малейшем шорохе в темноте.

— Ну а про столицу нашу и говорить не стоит, там град вообще древний. — Плотник прокашлялся вновь продолжая. — Мне еще мой дед рассказывал, что когда возводили первый дворец, тогдашние все никак не могли сладить с выводом первого надземного этажа. Все рушилось, что не возведи колонну али арку, какими лесами не разопри стены, все складывалось, не давая камень на камень положить. Вот тогда то впервые и сделали «закламу», как это теперича называется. Маленька така ниша, схрон от всех и каждого, потаенка. Старшой артелевский, тогда в той комнате накрыл стол и разложил игрушки всякие забавные. В те времена по улицам много детворы беспризорной голодной бегало, ну и заскочила какая-то девчушка внутрь, пока она пузо набивала да игрушки по полу катала, мужички успели лаз заложить. Ну а потом музыкантов созвали, да наказали три дня и три ночи музыку играть, что б значится, криков той

голопузки не услыхал кто сторонний. Как все затихло, то работа мигом задалась, камень сам чуть ли не из рук выпрыгивал, ложась на свои места.

— Да не слушайте вы его! — Вновь попытался взять слово здоровяк Ростик.

— Да тихо ты!

— Не лезь камнетес!

— Да что ты как заноза в…

Народ зашикал на смутившегося большого мужика. Каждый задумчиво пялился в ночь, осмысливая услышанное и тихонечко переговариваясь между собой. Байки то старые, такие с измальства друг дружку в артелях рассказывают, ну да кое-кто и практикует. Это каждый уважающий себя строитель знать должен, что если ворота ставить на восток, то обязательно петуха надо в фундамент закладывать, ну а женские покои, когда в замке отстраивают, обязательно бисер либо другие какие бусины в раствор сыплют, что б девки тучней рожали, а не по одному выплевывали. Много поверий и традиций было, ну да некоторые даже из поколения в поколение под большим секретом передавали. Тот же Бартель, он ведь как и Армус в артели рожден, потомственный, стало быть и секрет про действия того старшего в столице, это история про одного из предков Раха.

Немнод покачал головой, когда-то давно отец толи в шутку толи в серьез пугал его мальчишку этой историей, мол смотри сынок не бегай сам по чужим покоям, да на пиры таинственные незваным гостем не ходи, он тогда думал отец просто так его пугает, что б к незнакомым людям не подходил по детской простоте, а оно оказывается и взаправду было.

— Жуть то какая. — Парса оглядел народ. — Что думаете, и взаправду может помочь?

— Я дык сразу молвил, нечисть эту только так сдержать можно. — Бартель демонстративно сплюнул в сторону склепа. — Иначе не видать нам здесь удачи, не словом добрым ни монетой звонкой награждены не будем, посмешищем уйдем на весь честной мир.

— Но кого нам заманивать? — Один из братьев огляделся вроде как в поисках добровольцев. — Даже если пойдем на это поганое дело, как решать будем?

— Я так думаю, раз там баба с того света чудит, то бабу и будем закладывать. — Плотник упер руки в бока. — Не будем брать у судьбы в займы, пусть сама жизнь рассудит, первая деваха которая завтра после восхода солнца придет к нам в лагерь и пойдет в стену, так верно будет. У многих тут подруги, там ниже у ручья и женушки кой-кого с нами пришли, все рискуют и никто

не знает, как выйдет. Случай решит, пусть будет первая что придет. Если сейчас в ночь поработать можно будет нишу как раз к зорьке окончить.

Народ в нерешительности заозирался друг на друга, всем было боязно и в то же время, какой-то дикий задор играл в крови, заставляя глаза азартно блестеть. Это было неслыханно, дико и от того так притягательно своей жуткой тайной.

— Значит так. — Немнод оглядел присутствующих. — Раз случай, значит случай. Зымай кто при шапке, по монете каждый туда сложит. Кто против достает монету, а кто за, вложит в шапку, когда все пройдут, если в шапке что останется, значит делаем «закладу», ну а раз не будет ничего, так и решать нечего.

Тут же по кругу пошел чей-то вязаный капюшон, народ совал внутрь руки демонстративно сжимая кулаки, что бы народ не видел, кто о чем думает. Рах с сомнением поглядел на Парса, мужичек он был вороватый, мог думать об одном, а вот рука цапнет без команды со стороны головы, такова уж природа у него. Сам же для себя, юноша решил положить монету, уж очень ему хотелось пусть и наобум, на удачу но попробовать выполнить заказ. Ведь это не просто заказ, это вызов, даже не столько ему, первый раз взявшему в свои руки самостоятельную работу без пригляда отца, а всей их семье, всей их репутации.

Пройдя круг, шапка попала к нему, с замиранием сердца он опустил внутрь руку, чуть не выругавшись в полный голос. Там не было ни одной монеты! Это ж что, получается, разожми он сейчас руку и решение принято? Его монета будет последней! Признаться, он рассчитывал на старика плотника, ну да может, и не зря рассчитывал, какая-то сволочь вытащила медяк. Собравшись с духом он зажмурившись разжал свою ладонь, а затем быстро перевернул шапку что б все увидели как из нее наземь падает маленькая круглая монетка.

— Все. — Он оглядел всех тяжелым взглядом. — Решение принято, все знают что делать, до рассвета, что б было все готово.

— Мож не надо? — Тихо подал голос, один из братьев напяливая на голову вернувшийся к нему капюшон.

— Поздно. — Зло сверкнул глазами Рах. — Ростик, ты не на работах. Будешь по лагерю обходчиком, что б ни один от тебя не ускользнул предупредить кого ниже.

Здоровяк расправил плечи, усмехнувшись, ему то терять было совершенно нечего, жена осталась с детьми на севере, а подругу здесь он себе так и не сподобился завести.

— Сделаем господин. — Он впечал свой здоровенный кулак в раскрытую ладонь. — Уж я прослежу теперь чтоб говоруны все по честному сделали.

Народ расходился в полном молчании, все, как-то потупив взор, старались не смотреть друг дружке в глаза. Это было неслыханно, это было страшно. Но все молчали, кто знает, о чем думая? Может быть с надеждой, что кто-то другой вдруг скажет: «Нет»? А может, не веря до конца, что все будет на самом деле?

Юноша вновь остался один у костра, вытирая о штаны взмокшие ладони, которые вдруг пробила нервная дрожь. Нет уж, он не испугается, не дождутся! Сами сказали судьба, и плевать, что именно его монетка была последней! Наверняка Бартель тоже кидал! Мысли чехардой скакали в голове, перескакивая с одной на другую и вновь соскакивая. Сосредоточится совершенно не получалось блуждающим взглядом он зацепился на все еще горящий в отдалении от них одинокий костерок со сгорбленной сиротливой фигуркой у него.

Армус, юноша вновь скривился, вспомнив за своего бывшего работника, неожиданно четко вдруг осознав, что завтра к нему должна в лагерь прибежать Адель. Сердце заколотилось с удвоенной силой. А что если слепой случай укажет на нее? Нет, он попытался себя успокоить, не может этого быть, девушка прибежит уже за полдень, а к тому времени уже кто-то будет. Просто обязан быть! Парень вскочил с места, словно зверь в клетке расхаживая из стороны в сторону. Нет, нет! — Думал он. — Не должна прийти раньше, может быть вообще не придет до вечера, все же сейчас между ними не самые лучшие отношения. Вчера вечером лишь прогулялись немного за ручку, она все еще дуется и молчалива. Но, а вдруг придет?

Он вновь сел обхватив голову руками. Надо что-то придумать, как-то послать ей весточку, что-то передать. Он вновь поднялся, направляясь в сторону одинокого костерка.

— Господин. — Из темноты громадой, с примерзкой ухмылочкой выдвинулся Ростик. — Все должно быть по честному.

— Вот и следи за этим! — Немнод пихнул здоровяка в грудь. — Я от своих слов не отказываюсь, мне просто нужно с Армусом переговорить.

— Ну да, ну да. — Вслед ему как-то зло рассмеялся гигант. — Поговори, так то оно всяко лучше будет.

Рах скрипнул зубами, продолжая идти и не обращая внимания на каменщика. Он давно его уже знает, мужик он только с виду здоровенный и глупый, а по делу когда касается, иные старики слушают его, раскрыв рот. Понятно, что Ростик обо всем догадался, но не говорить, же ему спасибо? Надо ведь и лицо сохранить, да и перед другими если что стыда не оберешься.

— Чего тебе? — Немнод молча, присел рядом с Армусом чей вид был жалок и подавлен. Левая часть лица превратилась в один

большой оплывший синяк, губы разбиты и местами на них еще видна свежая кровь. — Ты теперь сам на сам там старший, не будет тебе от меня ни помощи, ни совета!

— Заткнись и слушай. — Юноша поджал губы и сжал кулаки. — От тебя мне ничего не нужно, а наши дела отец порешает как возвернемся, пусть рассудит кто из нас прав. Сейчас я о другом говорю, немедленно беги в деревню и всеми правдами и неправдами увидься с Адель.

— За чегой-то ради? — Армус отвернулся от лера. — Раз сам умом своим решил жить не проси теперь моей помощи! Не стану я тебе помогать свидания назначать!

— Дурак. — Немнод сверкнул глазами, заметив как с холма к ним, приближается мощная фигура Ростика. — Сейчас же как Рост уйдет, беги и дай наказ Адель ни под каким предлогом три дня здесь не появляться, иначе беды не миновать! При каменщике не слова! Мы с тобой миримся ежели спросит, и запомни, что б ноги ее здесь три дня не было, что хочешь говори, бреши или говори правду, но что б ни ногой!

— Ну что господин? — В свет костра вышел гигант кивнув Армусу. — Время поджимает, ночь она быстро пролетит, а нам еще дел полно до рассвета.

— Да Ростик, пойдем. — Немнод еще раз оглядел ошеломленного его просьбой мужичка. — Дел и вправду невпроворот.

Он больше ничего не сказал ни Армусу ни тем более каменщику. Просто шел, просто влился в работу, иногда помогал подсобникам, иногда поддерживал сколачиваемые опоры и леса вместе со столярами, а то и просто бил камень в размер или подносил уже готовые блоки. Да уж они и вправду были мастера, «заклома» получалась прямо загляденье, небольшая ростовая ниша, точно по месту, где обычно расходится камень в старинном склепе. Клали камень умело с прослоем из песка, что бы со стороны глушил звук, да с наружи кто искать будет, не простучит полость пустую. Да и сверху по швам прослой песчаный, если пролить водой, он запах даже глушить будет. По уму делали, все просчитали, да и хитрость была не малая, по пословице, коли хочешь спрятать дерево, прячь его в лесу. Камень брали старый, от предыдущих мастеров, а уже в сторонке свежий выгоняли вверх, что бы значится, ежели бить заставят, в пустое место уткнулись. В старой то кладке кто искать станет?

Минутка за минуткой, час за часом, но вскорости над горизонтом стал алеть рассвет, пока неверный, толи да толи нет, едва различимой полоской, но степенно набирающий силу, все разрастаясь и разрастаясь в казалось бы бескрайней тьме, щедро

усыпанной горстью звезд.

— Все, будя! — Немнод дал отмашку усталым людям. — Давайте кашеварить, да бедовую ждать, сделано хорошо, остальное уже лишним будет.

Остальное будет лишним. Он невесело усмехнулся своим словам, оглядывая усталых людей. Все уже страх ушел, труд внес усталость и какую-то толику отрешенности в сердца людей. Похоже среди толпы даже об заклад биться стали, что же за птичка попадет к ним в руки, снося скромные барыши в руки гиганта Ростика, который за ночь дважды стесал свои кулаки об физиономии пытавшихся улизнуть к своим мужиков. Все по честному, как решено, так и будет. Немнод со злостью на самого себя сплюнул на землю, сердце предательски не хотело униматься, стуча на все лады тревогу, хоть разум и твердил, что опасаться не чего, даже если злокозненный мужичек не предупредит девушку, раньше обеда она никак с домашними делами не совладает, что бы мать отпустила ее из дому. Чай не графьевых кровей, ей и прибраться надо и состряпать чего по кухне, может еще и воды натаскать, живность какую покормить домашнюю. Да и сама девка не из ленивых, самой совестно будет бросить дела.

— Идет! Идет кто-то! — Загомонил народ, вскакивая со своих мест. Юноша тоже подскочил на ноги сглатывая тревожный ком подкативший к горлу.

— Тьфу ты, принесла его нелегкая! — Сплюнул кто-то, когда разглядели неспешно подходящего к стройке и прихрамывающего Армуса. — Его то что сюда несет?

— Дело видать какое. — Ростик встал за плечом юноши, расползаясь в улыбке. — Что скажешь господин, будем пускать?

Тот лишь кивнул, не произнеся ни слова наблюдая за приближающимся мужичком. Не пустым шел тот, в руках нес флягу резную, да не простой резьбы, Немнод сразу угадал причудливую вязь схожую с носимым на руке браслетиком Адель. Что ж он хочет? Весть несет какую? Ох, лишь бы не опозорил при людях, выдав их ночной разговор.

— Утра вам доброго мастера. — Армус кивнул присутствующим. — Не за ради пустого трепа пришел, а замирится хочу, по совести. Прими в дар дружбы лер Немнод Рах сей мой подарок.

Юноша принял из его рук флягу, оценивая филигранную вязь, мастерски вырезанную по дереву, что не говори, а Армус в этом лучший, таких рук во всем свете вторых не сыскать.

— Не держу зла иль обиды, какой. — Парень кивнул, принимая дар. — Только пока заказ не сделаем этот, не подходи к

нашей семье. Ну а как срок выйдет, так милости прошу назад.

Армус долго и пронзительно зацепился взглядом за лицо своего молодого господина, задумавшись о чем то и не решаясь сказать ни слова.

— Так, значит так. — Наконец кивнул он. После чего как то замысловато склонив голову еще раз кивнул. — Все сделаю по твоему слову, как говорил, говоришь и будешь говорить, негоже коли между нами вражда встанет.

Предупредил! Ну шельмец, ух! Немнод сам от себя не ожидал подобной радости, словно груз пудовый с плеч сняли. Он чуть не кинулся обнимать этого избитого им же самим мастера. Но сдержался и кивнув тому на прощание развернувшись ушел к костру где его ожидал его припозднившийся ужин за минувший день с ночью.

Потянулось время, уставшие, издерганные и нервные, они каждый раз вздрагивали, завидев, где ни будь в отдалении чью-то фигуру. Солнышко уже поднялось, лучисто улыбаясь угрюмым и что-то совсем не радостным людям, в напряжении ждущих чью-то большую беду. Час другой, вот уже и растаяли совсем, утренние тени, час еще один и не осталось утренней свежести, а воздух стал наполняться звенящей в этот погожий день жарой приближающегося полдня.

— Идет!

— Кто-то идет!

— Смотрите и впрямь к нам!

— Боги помилуйте!

По рядам побежал шепот, народ подобрался, а Ростик и ряд мужиков сместились чуть в сторону, беря в руки веревку и плотный мешок. Лер пряча пробившие дрожью руки, за спину так же со всеми поднялся, встречать гостя, с трудом сглатывая неожиданно ставший тяжелым воздух. Уже можно было различить легкую женскую фигурку, спешащую напрямик через поле к холму, на котором и возвышался старый приземистый склеп. Быстро идет, взметая подолы юбок, тонкая станом, но еще не разглядеть. Кто же ты? Выбило сердце вопрос, не в одной груди щемящей болью сжимая душу.

— Не моя! — Один из стоящих неподалеку мужичков упал на колени, судорожно глотая воздух.

— Не моя! — Другой вытер по лицу бегущие слезы.

— Боги миловали! — Кто-то стал истово молиться, осеняя себя святыми знаками и с благодарностью поднимая взор к небесам.

— Дура! — Одними губами произнес Рах, затуманенным взором встречая радостно бегущую девушку прямо к нему в

объятья. Ну почему? Почему ты нарушила мое слово?! Почему так рано? Неужели дел по дому не нашлось? В глазах поплыло, туманя взор, как если бы смотрел сквозь воду. Зачем ты бежишь сюда, я же велел не приходить? Или проклятый Армус не донес весть? На перерез фигурке вышел помянутый им мужичек, перехватывая девчонку на пол пути. Держи ее! — Захотел он крикнуть, что было сил. — Держи эту дуру, нельзя сюда! Схвати ее, ударь ее, сбей с ног, но не пускай! Скажи ей, что я подлец и вокруг меня сотня голых баб пляшет, скажи ей, что я ненавижу ее и не желаю видеть! Боги пусть она уйдет!

Как же я ненавижу тебя! — Подумал он, смотря глаза в глаза улыбающемуся Ростику. — Ты знал! Знал каменная башка, что так будет! Теперь и я это вижу, по-другому и не могло выйти, такова женская натура. Уже обманывали, уже предавали, теперь бежит прямо на запрет, вроде как с благими намереньями, а на самом деле проверить, не изменяет ли с полюбовницей опять? И что тут сказать? Что тут поделать? Ох ты ж глупое, глупое и дурное женское сердце! И что теперь прикажешь делать? Как тебе объяснить, что есть вещи страшнее тисканья чужих сисек? Ну почему, почему ты ослушалась меня и теперь бежишь сюда со своими проклятыми отварными яичками и прочей дрянью, что теперь в горло не полезет?

Неужели слезы? Рах с болью и какой-то ненавистью тиранул мозолистыми ладонями по щекам. Вот еще напасть, предательское сердце болит и бьет по груди пудовым кулаком. Надо было догадаться, надо было просчитать ее! Впрочем, еще есть надежда, Армус должен остановить! Он должен что-то придумать, иначе и быть не должно, не зря перехватил ее в пути и беседу завел. Демоны преисподней! Он же тоже дурак, может на зло сделать, сам ведь ни о чем не догадывается, а ну как решит, что я опять тут с бабами? А ну как опять подтолкнет ее не в ту сторону? Как же быть? Как теперь поступить правильно? Повернуть все вспять и отказаться от своих слов и дел? Сказать мужики, мол так и так дело такое, по сердцу мне эта девушка потому трогать не будем, а ваших мол можно? Ваших можно значит, а мою нельзя и наплевать на уговор. Наплевать на то, как вы тут слезами умывались, гадая и заламывая руки, придет али нет. Как потом им в глаза смотреть? Как потом моему слову верить будут? Вон уже оглядываются, вон уже кто-то брови хмурит, а кто-то улыбается, не веря в то, что смогу пойти дальше наперекор всему. Ну уж нет! Нет, не бывать моему позору! Сам хотел по судьбе, по случаю и по справедливости, так значит быть посему, ни за что на свете я не откажусь от своих слов. Пусть больно! Пусть в кровь и с мясом кусок из груди вырву, но слов

своих не нарушу! Не смогу! Ведь знаю что другую, точно бы без зазрения совести отдал, не взирая на слезы ползающего, на коленях мужика, так неужто себя пожалею, коли судьба ставит на колени? Ни за что! Не дождетесь!

Немнод Рах увидел, как девушка оттолкнула вставшего на ее пути Армуса, обходя его стороной и вновь продолжая свой путь, от чего предательские слезы вновь ручьями побежали по щекам. Нет, теперь уже точно нет надежды. Судьба или злой рок все решили за него, теперь уже точно и бесповоротно. Быть тому, что должно и ни как иначе.

— Ну что лер? — В гробовой тишине упали камнем слова улыбающегося здоровяка.

Сказать он не смог, просто не смог из-за перехватившей горло обиды и боли, он и так задыхался не в силах по нормальному вздохнуть.

Лишь кивнул.

Да.

Все как говорили.

Все в силе.

Двое мужичков обступили его, тесня в сторону, прочь от страшной картины. Сердобольные. Незачем смотреть на то, что будет дальше. Не в силах совладать с собой он поддался им, уходя в сторону, от чего совсем было не легче, их тяжелые руки подталкивали его прочь, заставляя, отвернутся и не видеть того, что будет дальше. Не видеть, не слышать, но знать, знать все наперед и помнить вечно, какова бывает цена решений и глупых слов. Глупых решений и не менее глупых слов.

— Нем! — Какой же звонкий у нее голосок! Боги, какой звонкий и живой у нее голос! — Ой! Рост ты чего? Вы чего дядьки? Что вы делаете?!

— Нем!

— Не-м!!

— Не-е-е-ем!!!

Не зови! Молю тебя не зови! Замолчи! Что ж ты так кричишь то жалобно?! Боги как же больно! Ну почему все так глупо и так отвратительно тошно выходит? Почему я дурак сидел и слушал эти бредни, соглашаясь на эти глупости? Почему я разжал тогда ладонь, выпуская монету? Как же больно! Он зажал уши ладонями, закрыв глаза и падая на колени. Не зови, молю не зови, не надо прошу, только не зови! Замолчи! Пусть она замолчит! Уже ничего не изменить, уже нельзя повернуть назад, кто он будет после этого? Трус? Человек без чести чьему слову нельзя верить!

Из груди вырвался толи стон толи рык, юноша больше не мог

сдерживаться, падая всем телом наземь и заливаясь слезами. Не зови, пожалуйста, молю тебя, не зови! Как же больно, как противно и тяжело. Словно обезумив, он рвал землю с травой посыпая ею голову. Хотелось точно так же рвать себя, истязая глупое тело, что так предательски подвело его в решительный момент.

Ловцы во главе с гигантом каменщиком в мгновение ока скрутили хрупкое создание, стянув веревками руки и ноги, да набрасывая глухой мешок на голову. Такая тоненькая, утонченно красивая и совершенно беззащитная, он вбежала в лагерь широко улыбаясь и кивая хмурым и каким-то отчужденным людям.

— Доброе утро. — Ага, именно так и сказала приближающейся погибели. — Доброе утро. Доброе.

Ростик сам взвалил пленницу на плечо, скорым шагом чуть ли не подбежав к приготовленной нише. Тут уже даже у него стали сдавать нервы, уж слишком жалобно она кричала, слишком.

— Стой! — Немнод пошатываясь, словно пьяный поднялся с земли. — Подожди!

Все стояли не в силах что-либо сказать или сделать, кто-то отворачивался, кто-то вообще закрывал глаза и уши. Молодой лер шатаясь подошел к висевшей на плече у каменщика живой ноше, трясущимися руками сдергивая с ее запястья тонкий с затейливым узором браслетик.

— Нем? Нем, это ты? — Девушка попыталась взбрыкнуть впрочем, без особого результата в могучих объятиях. — Нем я не пойму ничего, что происходит? Нем только не молчи! Что происходит?

Он стоял и молчал в считанных миллиметрах от нее, ощущая ее сладкий запах, и видя, как вздымается от учащенного дыхания ее грудь.

— Нем, я ничего не пойму! — Вновь закричала она в пустую, вертя головой, на которую был накинут мешок. — За что? За что вы так со мной?!

— Давай. — Наконец-то после целой вечности томительной тишины произнес он, разворачиваясь, и уже с каменным лицом и мертвым сердцем уходя — прочь, совершенно не обращая внимания на крики, глупой и непослушной девчонки, что не приучена была слушать голос разума, а верила глупому и бессмысленному сердцу. Своему глупому сердцу.

* * *

Я получил мощнейший откат, боль от истощения и

перенапряжения организма, в связи с невообразимой нагрузкой, что легла на меня в тот злополучный день, когда мы пытались прочитать разум Немнода, и появилась Адель.

Как там, что там, в реальности произошло, и как меня откачивали, пока я переживал день из жизни этого юноши, я не знаю. Знаю лишь, что чуть не умер. М-да уж. Чуть. По словам бабулички некроманта, я все же пережил клиническую смерть и это чудо из чудес, что такой болван, неуч и самонадеянный тип все еще по-прежнему коптит это небо, слабым выхлопом из своих легких. Очень уж слабым выхлопом. Дело в том, что я настолько истощен, что с трудом могу поднимать пудовые, налитые свинцовой тяжестью веки. Ох, как же мне хреново! Все тело болело, словно пропущенное через гигантскую мясорубку, я даже спал через боль лишь кратковременные потери сознания не на долго, способны были избавить меня от этих мук. Мук телесных, внутри же я был пуст. Да сейчас я предоставленный сам себе и не отвлекаемый делами мирскими мог вдоволь полежать и по рассуждать о перипетиях и поворотах судьбы, но я этого не делал. К чему? Уж лучше пустота. То, что было не вернуть, это было и этого уже не изменить. Да, где-то когда-то жила была девочка Адель. Да где-то когда-то жил был некий юноша Немнод. Да, что-то было. Было.

Фава Рах переживший погружение в разум без физических последствий, в скором времени, а если быть точнее на пятый день после этого, покончил жизнь самоубийством. Он повесился у нас в саду на любимом вишневом дереве сэра Дако. Печально. Вот кого-кого, а его было искренне жаль. Совершенно не причастная жертва чувств и эмоций, причем вызванных не своими делами и не своим грехом. Жаль. Действительно жаль. Ну да небеса ему теперь в судьях, раз так решил, значит, думал чем-то? Может головой, а может чем другим, поди теперь узнай.

А меня опять тошнит, все что в меня питательного заливают, не задерживается во мне дольше получаса, зловонным потоком вперемешку с желчью вырываясь из искривленного от боли рта.

Мерзко, самому противно от своего бессилия. А еще я потерял Мака. Это была моя самая страшная потеря, от перегруза затрачиваемой энергетики погорели проводники ниточки из драг металлов в моих браслетах, считай до мяса, прожигая кожу на моем теле. Только вот демоны с тем мясом, сгорели все мои труды, мои библиотеки и все мои еще не родившиеся проекты. Ох, как же мне плохо! Хорошо хоть не один, хватает заботливых и любящих рук иначе бы не выжить. Да, мой Лисий, хоть он формально все же Пестика, вновь обрел своих жителей, так как со смертью Немнода призрак ушел. Я не сказал, что молодой Рах

умер? Ну так он умер, не пережил он того погружения, сгорая без следа наподобие меня сейчас. Легкая смерть. Незаслуженно легкая, по моему мнению, ну да я промолчу, не мое это дело. А вот Белой Смерти больше нет. Все, закончилась ее история, вольно или невольно, но я помог ей получить ответ на ее сокровенный вопрос: «За что?». Да, теперь, где бы она не была, она знает, она сама своими глазами увидела все что хотела, все к чему стремилась все эти годы, все то, что помогло ей перейти границу смерти, что бы добиться ответа на простой и может даже где-то глупый вопрос. Только вот боюсь, это не конец, если конечно я не сошел с ума. Говорить об этом никому не стал, но я ее иногда вижу, по ночам, когда мое измученное тело не в состоянии уснуть. Не Белую Смерть. Нет не ее. Я вижу Адель, кроткую, тонкую как тростиночка молодую и хорошенькую девченку, с копной иссини черных разметавшихся волос, с полной грусти и печали, непередаваемой красоты, бездной глаз.

Может и вправду рехнулся, а может….Не знаю. Потом, все потом. Устал я. Устал неимоверно. А может, сломался. Ну то, что сломался в большей степени это точно, пол человека осталось от прежнего. Даже магичить в прежнем пределе не могу, мало сил, погорел я капитально, любая даже самая незначительная операция с энергетикой, тут же вырубала меня по хлещи доброго удара бейсбольной битой по голове, которая потом непрекращающимся гулом еще долго гудела, словно церковный колокол.

Долгие месяцы я валялся безвольной куклой на постели, изучая потолок и не находя себе занятия. Впрочем, не думаю, что занимался бы чем-то другим, сложись все более благоприятно. Как-то не хотелось никого видеть и даже разговаривать с людьми. Правда, от Хенгельман не удалось избавиться, ну да я такой наседке даже рад. Старушка не требовательна к собеседнику, если и болтала, то не столько со мной, сколько веселя саму себя своим скрипучим голоском.

— Ты давай Ульрих, не раскисай. — Она крутила и вертела меня в своих сильных еще руках, ловко обмывая очередной не лицеприятный казус из выделений ослабленного организма. — Пусть структуры вязать не можешь, зато астральные проекции видишь, да токи в организме, если что куда надо поможешь направить.

Хм. А что? И вправду, ведь не зря же мы с ней столько времени потратили на учебу? Я ведь не только врач, я еще и лекарь теперь благодаря ее уму и стараниям. Спасибо тебе добрая бабушка некромант. Помогла мне не раскиснуть совсем давая так нужную мне в этот момент пищу для ума и кропотливую и

увлекательную работенку, по латанию громадных дыр и ран своего организма. Хорошее дело ковыряться в болячках. Милое моему сердцу, особливо коли свои ранки пальчиком тыкать. Хоть и сказано — токи, да только мои жизненные силы изнутри больше походили на едва ползущие капельки дождя по мутному стеклу. Пришлось повозиться возвращая все на круги своя причем не мне одному, старик Дако прямо на глазах сдавал сжигая себя в беспощадной перекачке энергии в мой ослабленный организм. Больше седины, меньше огня в глазах, устал он, устал сильно, мы с Хенгельман пробовали образумить, да куда там, наорал на обоих, крепко видать перепугался за меня. Прости Дако, прости своего нерадивого ученика. Вижу что переживаешь и волнуешься, прости.

— Ты давай поправляйся Ульрих. — Бабуля сидела как всегда рядышком, мешая в скляночках очередной отвар. — Дед уже еле ходит, меня совсем не слушает, как бы плохо ему не стало.

Да я то что? Стараюсь, что могу, делаю, ночами сам заснуть не могу, правда, хоть смог купировать боль, что уже целое дела да теперь хоть сидеть мог, не заваливаясь на бок без посторонней помощи. Скоро весна, скоро. Уже не сегодня, завтра точно побегут капелью сосульки под крышами домов. День то уже заметно на прибыль пошел, забирая минуты и часы у тихушницы ночи. Вон даже в руки перо смог взять, что бы нарисовать на листке бумаги первую в этом мире инвалидную коляску. А что? Надоело до жути в четырех стенах сидеть. Девчата теперь по очереди, а иногда и дружной гомонящей толпой по часу катают меня по двору нет-нет да втюхивая бедного инвалида в тот или иной сугроб. Эх, на речку хочу. Посидеть на водичку бегущую подивится, вот где душе и измученному телу будет покой и благодать. Так приятно иной раз когда пусть еще и кусучий но уже не злой ветерок холодит лицо. Днем солнышко так красиво играет радугой в кусочках льда, что невольно замираешь, по долгу забывая обо всем вокруг.

Но по настоящему меня вернула к жизни злость. Да-да, она родимая, и кто бы вы думали, ее мне принес? Хех, жена конечно, кто еще? Не то что бы она меня сильно драконила, но вот разозлила порядочно. Эта хитрюга попыталась, мило хлопая ресничками протащить парочку вроде бы невзрачных приказов и постановлений, хотя доподлинно знала о моем прошлом несогласии, мы ведь не раз уже их обсуждали. Скорей всего рассчитывала, что я не в себе и не читаю, что мне подсовывают.

Наивная.

Я из тех, кто в деревенских туалетах подшивки пятнадцатилетней давности от корки до корки прочитывает,

прежде чем использовать по назначению, не то что, документы за своей подписью. Привилегий ей видите ли больше захотелось. Ну да другого от нее и не ожидал, властная особа, такой палец в рот не клади, по полам туловище перекусит. Вот и пришлось в ускоренном темпе оживать, посверкивая глазищами по сторонам, что бы кто чего ненароком не уволок. Ну, это я конечно утрирую. Хотя кто его знает.

И вот, наконец, долгожданная весна. Эх, сейчас бы песиком по парку побегать да беспардонно на спине прям на земле повалятся придаваясь глупому счастью, но увы, пока лишь инвалидное кресло и шарф потеплей на горло. Мне даже винца не предложили лизнуть на свадьбе калькуляторов. Шутка. Сквайр Энтеми и леди Нимноу скрепили официально свои отношения в первый день весны, и вы не поверите, похоже, их чувства были искренни. Я не верил. Какое-то время, но должен признать, так не играют, так и вправду чувствуют симпатию друг к другу, такой взгляд невозможно подделать. Ну да наверно это ожидаемо, они не молоды и им сложно действительно не только по телу, но и что наверно главней, по уму, подобрать себе пару. Встречаются на свете такие винтики и шпунтики, с хитрой резьбой, что могут только друг с другом состыковаться, по другой резьбе не пойдет дело, и видимо это как раз тот случай.

А через неделю после свадьбы стали разъезжаться гости. Замок покинула Альва, на прощание говорят с криками и другими сопутствующими звуками, на пару с братюками Гердскольдами изрядно повеселившись в моей сауне. Покинула меня и моя милая бабушка наседка Хенгельман, возвращаясь в столицу. Мы довольно тепло попрощались, впрочем, обошлись без слез и лишних лобызаний. Жизни моей уже ничего не грозило, хоть я, похоже, надолго еще буду прикован к креслу. Уехала и бабушка де Кервье, на прощание, шепнув мне на ушко: «Через год милок, на главном балу, живой или мертвый, но что бы был!». Хм, как будь-то, кто-то собирался с ней спорить, разве можно отказать такой милой женщине? Я бы настоятельно не рекомендовал.

Капитан с баронессой Пикскварр пока отложили свадьбу до лета. Ну да это «ихние хотелки», которые меня не касались. Мне заботой стал старик Дако. Заболел он, истощившись в заботах обо мне болезном. Видать надорвался. Теперь уже я сидел у его постели, блюдя его покой и отпаивая травками. Вредный старикашка, ни на секундочку не умолкал, постоянно пеняя меня за дела мои тяжкие. Ну да поделом, будет мне впредь наука, не совать свой нос не в свой вопрос. Вот только пациент строптивый до жути, то лежит, помирает, то вскочит и умотает, куда по делам своим. Здоровья совсем нет, а бегает иным молодым на зависть.

Мне так точно, я к сожалению на своих колесах далеко не умотаю, сил по прежнему нет, только если просить кого. Благо Тиночка мне помощницей стала, но лишь по вечерам, солнышко то уже для них опять кусучим стало. Тучки реденькие лучи яркие, все, кончилась лафа у вампиров, опять вечера ждут, что бы выйти куда, по делам своим. Граф, их папенька теперь был с ручками, отрастил благодаря бабушке некроманту себе новенькие, мы теперь с ним в чем-то похожи. Голова и руки, а вот ножек пока не предвидится, ждем, когда подвезут в магазин, а то старые все разобрали.

Как в прежние времена стал марать руки и бумагу чернилами, по новой берясь за формулы и старые свои бумажные записи по созданию компьютера. Не могу я без него. Это просто незаменимая вещь при моей занятости, иначе или совсем рехнусь, или плюну на все, уйдя из дел. Вру конечно, ничего я не брошу и никуда не уйду, жаба задушит после стольких стараний и сил наплевать на свои мечты и чаянья, но все равно тяжело.

Мои ночные бдения за бумажной работой помогала скрасить моя галлюцинация, а именно Адель в своем первозданном виде. Призрак или видение видел только я, о чем не спешил сообщать остальным. Мало ли, то что я сошел с ума еще не повод меня списывать со счетов. Милая девушка, прозрачным контуром часто являлась по ночам ко мне, как-то смущенно, что ли и застенчиво маяча, где ни будь за плечом. Хотелось бы проверить ее войдя в эльфийское плетение, но сил у меня на это не было. Как я уже говорил, любое магическое действие, вырубало меня по хлещи хорошей дубины по голове. Не приятное состояние, эта беспомощность просто угнетала. Особенно по поговорке, око видит да зуб неймет. Астральные проекции, тонкие щупы, в общем, ювелирная работа, то что я не то что не люблю, а просто не понимаю, о своем любимом Эббузе уже и мечтать не приходится. Хотя в этом и был плюс, я научился экономности, точности, а так же аккуратности. Моя магия приобрела огранку, я стал более внимателен к деталям, от чего передо мной открылись новые горизонты ранее не замечаемые мной. А уж о прорыве в области целительства и говорить не буду, здесь я уже был как рыба в воде, жаль только, не научился по щелчку пальцев исцелять, а то бы уже бегал пританцовывая.

Ну да не буду плакаться, оживаю потихонечку и то ладно. Вон как природа торжествует, оживая после зимы, безжалостно круша лед на реке, слизывая белые снежные языки с земли и наполняя землю звоном ручейков талой воды. Кончилась зима, пройден еще год в этой новой истории моей жизни. М-да уж наваристым выходит суп, все что хочешь можно найти в нем.

Правда перченый сильно, ну да не маленькие уже, поморщившись проглотим, лишь бы добавки не налили. Спасибо, что-то не хочется больше.

— Барон! Дурные вести. — В кабинет вошел Гарич, опуская голову.

— Ну да, ну да. — Я печально покачал головой, тяжело вздыхая. — Куда ж без них? Говори капитан, не тяни.

— Сэр Дако. — Он замялся явно не находя слов.

— Что с ним? — Сердце кольнула тревога, старик в последнее время значительно сдал.

— Он погиб. — Гарич по-прежнему не поднимал головы. — Сэр Дако погиб. Но боюсь ваше благородие, это еще не все вести, люди бегут с дамбы, что на нижней стройке Касприва. Кто-то раскрыл створки, пуская в котлован воду, именно там, в котловане и остался старый маг.

22.04.13 г.